

ВЕСТНИК

ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия «Гуманитарные науки»

Вып. 3, 2010
фия

История. Филология. Филосо-

Научный журнал

Издается с 2000 года

Журнал зарегистрирован в Министерстве Российской Федерации
по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации ПИ № 77-16954 от 5 декабря 2003 г.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

В. Н. Егоров, д-р экон. наук
(*председатель*)
Д. И. Польшинский, д-р ист. наук
(*зам. председателя*)
В. И. Назаров, д-р психол. наук
(*зам. председателя*)
Л. В. Михеева (*ответственный секретарь*)

К. Я. Авербух, д-р филол. наук (Москва)
Ю. М. Воронов, д-р полит. наук
Н. В. Усольцева, д-р хим. наук
К. Префке, профессор (Германия)
Ю. М. Резник, д-р филос. наук (Москва)
О. А. Хасбулатова, д-р ист. наук

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

А. А. Корников, д-р ист. наук
Э. В. Кромер, канд. филол. наук
Д. Г. Смирнов, канд. филос. наук

Над выпуском работали:

директор издательства *Л. В. Михеева*
редакторы *М. Б. Балябина*, *О. В. Батова*,
О. А. Кручинина, *О. Я. Литвак*
технический редактор *И. С. Сибирева*
компьютерная верстка *Т. Б. Земскова*
обложка *Р. Е. Круглов*

© ГОУ ВПО «Ивановский
государственный университет», 2010

СОДЕРЖАНИЕ

История

Костылёва Е. Л., Уткин А. В. Неолитическая стоянка Ивановское V 3

Степанов А. В. Базар и рынок в истории и современности 23

Черноперов В. Л. Япония и японцы в донесениях первого советского полномочного представителя в Стране восходящего солнца В. Л. Коппа (по материалам Архива внешней политики Российской Федерации) 33

Филология

Кромер Э. В. Полифункциональность морфологических единиц как основа аналитизма русской разговорной речи 40

Философия

Булычёв И. И. Категория сознания: интегральный подход 45

Калинин П. Е. Динамические аспекты деятельности сознания 51

Куликов Д. В. Позитивная и негативная онтология повседневности 59

Рецензии

Смирнов Г. С. Так начинается ноосферная история: «гиперболический рост населения мира» и пути ноосферного развития (Размышления о книге С. П. Капицы «Парадоксы роста: законы развития человечества») 66

Из истории кафедры философии

Дмитревская И. В. Моя кафедра философии 71

Юбилеи 82

Аннотации 87

Сведения об авторах 91

Информация для авторов «Вестника Ивановского государственного университета» 92

ISSN 2219-5254

IVANOVO STATE UNIVERSITY BULLETIN

Series "The Humanities"

Issue 3, 2010

History. Philology. Philosophy

Scientific journal

Issued since 2000

The journal is registered in the Russian Federation Ministry
of Press, Television and Radio Broadcasting and Mass Communications
Registration certificate PI № 77-16954 of December 5, 2003

EDITORIAL COUNCIL:

V. N. Egorov, Doctor of Economics (Chairman)

D. I. Polyviannyi, Doctor of History
(Vice-Chairman)

V. I. Nazarov, Doctor of Psychology
(Vice-Chairman)

L. V. Micheeva (Secretary-in-Chief)

K. Ya. Averbuch, Doctor of Philology
(Moscow)

Yu. M. Voronov, Doctor of Politics

N. V. Usoltseva, Doctor of Chemistry

K. Prefcke, Professor (Germany)

Yu. M. Reznik, Doctor of Philosophy (Moscow)

O. A. Khasbulatova, Doctor of History

EDITORIAL BOARD:

A. A. Kornikov, Doctor of History

E. V. Kromer, Candidate of Science,
Philology

D. G. Smirnov, Candidate of Science,
Philosophy

Editorial Staff:

Publishing House Director *L. V. Mikheeva*

Editors *M. B. Balyabina*, *O. V. Batova*,
O. A. Kruchinina, *O. Ya. Litvak*

Technical Editor *I. S. Sibireva*

Computer layout *T. B. Zemskova*

Cover *R. E. Kruglov*

© SEI of HPE "Ivanovo State University",
2010

CONTENTS

History

Kostyleva E. L., Utkin A. V. The neolithic site Ivanovskoe V 3

Stepanov A. V. Bazar and market in history and now 23

Chernopyorov V. I. Japan and the japanese in the dispatches of V. L. Kopp, the first plenipotentiary of the USSR in the country of the rising sun (based on the materials of the Archive of the Foreign Policy of the Russian Federation) 33

Philology

Kromer E. V. Polyfunctionality of morphological units as the basis of analytism of russian informal language 40

Philosophy

Bulychyov I. I. Category of consciousness: integral approach 45

Kalinin P. E. Dynamic aspects of activity of consciousness 51

Kulikov D. V. Positive and negative ontology of everydayness 59

Reviews

Smirnov G. S. That is how the noospheric history starts: «hyperbolic growth of world population» (Thoughts about the book by S. P. Kapitca «Paradoxes of growth: the laws of mankind development») 66

*From the history
of the Department of Philosophy*

Dmitrievskaya I. V. My department of philosophy 71

Jubilees 82

Summaries 87

Information about the authors 91

Information for the authors of "Ivanovo State University Bulletin" 92

**ВЕСТНИК
ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

**Серия «Гуманитарные науки»
2010. Вып. 3. История. Филология. Философия**

Подписано в печать 03.12.2010 г.
Формат $70 \times 108^{1/16}$. Бумага писчая. Печать плоская.
Усл. печ. л. 8,2. Уч.-изд. л. 6,0. Тираж 300 экз.

Издательство «Ивановский государственный университет»
✉ 153025 Иваново, ул. Ермака, 39
☎ (0932) 93-43-41. E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

НЕОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА ИВАНОВСКОЕ V

Памятник находится в двух километрах к юго-западу от поселка Ивановское (Переславский р-н Ярославской обл.). Он занимает юго-западную оконечность небольшого суходола, расположенного в западном секторе Ивановского болота. Суходол является остатком сильно размытого моренного холма, сложенного из песков, перекрытых тонким слоем глины. В древности холм представлял собой низкий остров; его высота над гладью воды в палеоозере на момент обитания на нем человека, по-видимому, не превышала одного метра.

До начала торфоразработок бугор был полностью накрыт двумя пачками торфа и не имел никаких наружных признаков. В конце 1960-х — начале 1970-х гг. в процессе промышленной добычи торфа его северо-восточный и юго-западный склоны обнажились, в центральной же части торфяная залежь осталась нетронутой, т. к. «карта» фрезерного поля, проходящая через его вершину, была оставлена в качестве «склада»¹.

Памятник вытянут с северо-востока на юго-запад. Точная площадь его не установлена, площадь же распространения находок составляет приблизительно 5—6 тыс. кв. м. Южная половина стоянки была полностью разрушена торфоразработками и к началу 1980-х гг. являла собой брошенный участок торфополя, заросший крапивой и кустарником. Северная половина, отделенная картовой канавой, проложенной по линии запад — восток, сохранилась без каких-либо повреждений и заросла густой сочной травой.

Памятник открыт Н. А. Хотинским в 1969 г. Тогда же на южном склоне оконечности обнаженного холма им были изучены два палинологических разреза, по одному из которых (разрез 'А') составлена спорово-пыльцевая диаграмма.

В 1974 г. на разрушенном участке стоянки Д. А. Крайновым заложена траншея площадью 12 кв. м. В ней на контакте торфа и суглинка обнаружены остатки нарушенного, слабо насыщенного культурного слоя, содержавшего только обломки льяловской керамики развитого периода.

В 1982 и 1985 гг. на памятнике Верхневолжской экспедицией ИА АН СССР под руководством Д. А. Крайнова были проведены стационарные раскопки. Раскоп, общая площадь которого составила 132 кв. м, затронул западную часть сохранившейся половины стоянки, вдоль северного борта картовой канавы (примерно в 30 м к северу от траншеи 1974 г.).

© Костылёва Е. Л., Уткин А. В., 2010

¹ «Склад» — это небольшой, специально оставленный нетронутым участок фрезерного поля, который является своеобразным барьером-препятствием сильным ветрам, чтобы последние не развеивали торф с разрабатываемых площадей.

Стратиграфия

Стратиграфия вскрытого участка не отличалась однородностью. Наиболее полно она прослежена по западной стенке раскопа в 1985 г. (квадрат 20):

- 0—0,06 м — дерн луговой;
- 0,06—0,26 м — наброс грунта из картовой канавы с редкими находками;
- 0,26—0,76 м — светло-коричневый (древесный) торф без находок;
- 0,76—0,96 м — темно-коричневый (ольховый) торф без находок;
- 0,96—1,04 м — заиленный торф с сапропелем и редкими находками;
- 1,04—1,12 м — темный суглинок (культурный слой); ниже — светло-сизые глины (материк).

Дерн. Очень плотный и неравномерный по мощности. Наибольшая толщина его отмечена в северной части раскопа (20—24 см), наименьшая — в центральной и южной (3—8 см). Это обусловлено тем, что в первом случае дерн перекрывает чистый торф, во втором — лежит на выброшенном из картовой канавы грунте. Дерновый покров почти черного цвета, состоит из перегноя и корней травы.

Наброс грунта из картовой канавы. Залегал широкой полосой с запада на восток в центральных квадратах и частично в южных. Представляет собой засохший суглинок, смешанный с пепельно-белым песком. Его мощность различна: от 2 до 35 см. Причиной столь неравномерного залегания является то, что канава копалась экскаватором, который выбрасывал грунт в кучи, расплывшиеся со временем.

Светло-коричневый (древесный) торф. Сухой, плохо разложившийся и очень рыхлый. Минимальная мощность его фиксировалась в восточных квадратах (15 см). К западу же торф, снижаясь по склону, увеличивался по толщине и в крайних квадратах достигал 50 см. В верхних горизонтах было много древесной трухи, в средней части и внизу залегали целые стволы рухнувших в древности деревьев, в основном сосен, берез и реже елей. Бессистемность расположения стволов по площади раскопа, их горизонтальное положение и уходившие от них в нижние горизонты торфа и в суглинок сучья свидетельствуют, что лес на суходоле погиб естественной смертью, без участия человека. Случилось это, судя по серии радиоуглеродных дат, полученных по образцам древесины, в интервале 2950 ± 40 – 3480 ± 40 л. н.² Не противоречат этому и датировки собственно по торфу — 3040 ± 60 (ГИН-5895) и 3380 ± 120 (ЛЕ-1108) л. н.

Темно-коричневый (ольховый) торф (гидроморфная почва). Четко отличался от предыдущего. Он влажный, хорошо разложившийся и более плотный. Пронизан сучьями лежавших выше стволов деревьев. Был распространен по всему раскопу. Мощность колебалась от 5 см на восточных участках и до 30 см на западных. Верхний горизонт этого слоя датирован по торфу 3570 ± 40 (ГИН-5896) л. н. Датировки нижнего горизонта более древние: в разрезе 'Б' на южном склоне суходола — 5230 ± 40 (ЛЕ-1110) л. н., в раскопе — 4390 ± 130 (ГИН-5897) л. н.

² Всего в разные годы из этого и нижележащих горизонтов было взято шесть образцов древесины (стволов и сучьев), которые датированы следующим образом: 2950 ± 40 (ЛЕ-2898), 2970 ± 40 (ЛЕ-2895), 3180 ± 40 (ГИН.-5889), 3340 ± 30 (ГИН-5893), 3460 ± 40 (ЛЕ-2897) и 3480 ± 40 (ЛЕ-2147) л. н.

Заиленный торф с сапропелем. Фиксировался только в крайних западных квадратах раскопа и имел незначительную мощность (2—9 см). Он очень вязкий. Состоял из смеси торфа, болотной глины и собственно сапропеля. В нижней части залежали редкие находки льяловской керамики. Литологически и планиграфически эта прослойка может быть синхронна верхнему горизонту сапропеля в разрезе 'А', возраст которого 5560 ± 100 (ЛЕ-1109) л. н.

Темный суглинок (культурный слой). Представлял собой слабо гумусированные озерно-аллювиальные отложения с кристаллическими частицами (пылью) микроскопических размеров и археологическими артефактами. Суглинок чрезвычайно твердый. Его толщина составляла 8—23 см. Наибольшая мощность отмечалась в восточной и центральной частях раскопа, наименьшая — в западной, при понижении по пологому склону бугра, где он замещался мергелем (?), обогащенным органикой, которая датирована 5880 ± 180 (ГИН-5894) л. н.

Светло-сизые глины (материк). Это почти чистая озерно-аллювиальная глина синеватого оттенка, засоренная мелкими ожелезненными вкраплениями минералов. Глина подстилала культурный слой по всей площади раскопа.

На раскопанной площади памятника, несмотря на всю тщательность проведения работ, не обнаружены какие-либо остатки строительных конструкций в виде столбовых ямок, бытовые комплексы типа зольников, кострищные линзы, хозяйственные или очажные ямы, углубленные в материковые отложения. Подобная ситуация наблюдалась и при исследованиях стоянок Ивановское I и VII, расположенных на соседних суходолах [5, 8]. Чем обусловлен этот феномен, мы, к сожалению, затрудняемся объяснить.

Таким образом, основную информацию о поселении Ивановское V можно получить только при скрупулезном анализе вещевого материала, извлеченного из культурного слоя. Общее число собранных находок, не считая зоофактов, составляет 3 961 единицу.

Керамика

В объединенной коллекции находится 2 850 экз. обломков посуды. Керамика типологически резко различна и делится на два культурно-хронологических комплекса — льяловский и верхневолжский. Черепков посуды, относящихся к более поздним культурам, не найдено. Здесь нет фрагментов волосовских сосудов, нет и керамического мусора эпохи бронзы и раннежелезного века, столь обычных и характерных для подавляющего большинства многослойных памятников Волго-Очья.

Льяловская керамика: 2 449 экз. (рис. 1). Была распространена по всей толще культурного слоя относительно равномерно. Обломки в массе своей толстостенны — 6—9 мм. Исключение составляют лишь единичные черепки от миниатюрных сосудиков. Цвет большинства фрагментов голубовато-серый, реже встречались обломки красновато-оранжевой расцветки. В качестве примеси использовалась только дресва крупной зернистости. Тесто хорошо промешано. Обжиг равномерный, сильный; черепки «на слом» прочные. У всех фрагментов внешние поверхности обязательно орнаментированы. Элементов орнамента всего три: ямка, зубчатый оттиск и лунница.

Ямки глубокие, имеют коническое дно, в плане круглые. Нанесены острым концом белемнита строго перпендикулярно к поверхности сосуда. На

обороте образуют крупные выпуклины-«жемчужины», на которых хорошо сохранились отпечатки пальцев мастера. Ямки практически на всех обломках расставлены в шахматном порядке и образуют горизонтальные зоны, по ширине совпадающие с шириной лент, из которых были «свиты» сосуды.

Зубчатые оттиски наносились специально изготовленными штампами³. Из их отпечатков составлялись разделительные пояса, имевшие две разновидности. Первая — это одиночная (реже двойная) сплошная полоса горизонтальных оттисков «гребенки», опоясывавшая сосуд (рис. 1: 1, 9, 12). Вторая — ряд косо (или вертикально) поставленных коротких оттисков (рис. 1: 10, 11). Аналогично последним образовывались и разделительные пояса из лунниц — неглубоких вдавлений тыльного конца белемнита, поставленного под наклоном к поверхности (рис. 1: 3, 6, 8).

Композиции орнамента крайне просты. Выделяются три типа. Первый — сплошное заполнение всей лицевой поверхности сосуда однообразной конической ямкой (рис. 1: 2, 7). Второй — ямочное поле по краю устья, ограниченное орнаментальным пояском «гребенки» (рис. 1: 1). Третий тип (доминирует) — ритмичное чередование по вертикали ямочных зон и разделительных поясов (рис. 1: 3—6, 8—12). На одном сосуде обычно отмечаются пояса одного вида, иногда встречаются комбинации из сплошного и косо поставленного (но все, как правило, нанесены одним и тем же орнаментом), и, в виде исключения, на некоторых сосудах было сочетание разделительных полос из зубчатых оттисков и лунниц. Из общей массы черепков выпадают три обломка венчиков от двух сосудов, края которых украшены короткими зубчатыми оттисками, образующими двухрядный горизонтальный зигзаг (рис. 1: 4).

Большой интерес представляют развалы пяти сосудов. К сожалению, ни один полностью не собирается. От них сохранились только обломки стенок и по два-восемь фрагментов венчиков, однако по ним можно (хотя и очень приблизительно) судить о формах и размерах льяловской посуды. Днища у всех отсутствовали. Их, когда сосуды становились полностью непригодными ни для варки пищи, ни для хранения продуктов, по всей видимости, использовали вторично, но уже в качестве столовых мисок.

Сосуд из траншеи 1974 г. имел средние размеры, слегка закрытое устье и округлое днище. Сверху донизу его внешнюю поверхность покрывали чередующиеся одинарные строчки горизонтальной «гребенки» и широкие зоны из конических ямок, а сам край венчика украшал двухрядный горизонтальный зигзаг.

Сосуд из раскопок 1982 г. оригинален. По фрагментам хорошо видно, что в древности он был разбит и тогда же «реставрирован»: сначала его «укоротили», сбив верхнюю часть по спаю ленты, затем новый край, оставленный на уровне одной из спаренных «линеек» зубчатых оттисков, небрежно зашлифовали. После этого емкость «сшили», пробив насквозь несколько ямок попарно по краям трещин.

Первый сосуд из раскопа 1985 г. был средних размеров, полуяйцевидной формы с сильно раздутым туловом. Композиция орнамента — чередование широких ямочных зон с редкими одиночными поясами четких гладких

³ Количество отпечатков их заменителей (или подражаний им) ничтожно. Это пять-шесть фрагментов, украшенных оттисками спинки аммонита (рис. 1: 5).

лунниц. Второй также имел средние размеры, но был митровидной формы. Орнамент: одиночные пояса из коротких вертикальных отпечатков зубчатого штампа по краю венчика и по максимально расширенной части тулова, а по придонной части — горизонтальный сплошной. Третий сосуд (его частично перекрывал второй развал) выделяется относительно крупными размерами (диаметр горла 48 см, тулова — 57 см, предполагаемая высота — 50—55 см). Он реконструируется как округлодонный, полузакрытого типа, со слабым прогибом в верхней части. Украшен ямочными зонами (по 4—8 рядов ямок), разделенными одинарными поясами наклонных зубчатых оттисков. Таким же поясом обрамлена внутренняя поверхность края устья.

В коллекции есть также 134 обломка венчиков и 17 осколков округлых днищ. Большинство их принадлежало посуде, близкой к описанной. Исключение составляют около полутора десятков фрагментов миниатюрных сосудиков.

Срезы венчиков или прямые, или округлые, иногда круто скошенные вовнутрь; 17 из них декорированы оттисками зубчатого штампа, 3 — лунницами, остальные без орнамента. Кроме того, в коллекции имеются семь фрагментов венчиков, у которых внутренний край украшен косо поставленной короткой «гребенкой» (рис. 1: 4).

Как видим, ямочно-гребенчатая керамика представлена довольно-таки однообразными формами сосудов, изготовленных в единой технологической традиции. Композиция орнамента строгая и чрезвычайно проста. Количество элементов минимально, но они достаточно выразительны. На посуде достоверно ранние формы рисунков не отмечены⁴. Но, с другой стороны, полностью отсутствуют фрагменты с небрежно вдавленными ямками и, что самое главное, с редкоямочной орнаментацией геометрического стиля, фиксирующие финал развития льяловской культуры.

Всё это довольно-таки зримо выделяет комплекс льяловской керамики стоянки Ивановское V среди ямочно-гребенчатой посуды с прочих поселений на Ивановском болоте. На последних они (комплексы) представлены огромным количеством фрагментов, но, как правило, в хронологически «размытом» состоянии: типологически и ранние, и поздние черепки залегают совместно и (за редким исключением) не разделяются стратиграфически [5, 8]. Иными словами, льяловскую посуду данного палеоострова следует датировать рубежом ранней — «классической» — стадии развития культуры [11].

Верхневолжская керамика: 401 экз. (рис. 2). Была распространена неравномерно, статистически выделялось увеличение ее в нижней части культурного слоя, а некоторые обломки оказались втоптаны в верхний горизонт светло-сизых глин. Планиграфически же большинство черепков встречено на наиболее возвышенном участке древнего рельефа острова.

Фрагменты тонкостенны — 5—7 мм. Обжиг слабый. Черепки имеют желтовато-оранжевый цвет, некоторые — блекло-розовый. Изготовлены из глины с различными примесями, которые порой определить очень сложно, т. к. поры и пустоты большинства фрагментов сильно забиты окислами. Визуально можно выделить следующие примеси: органика и шамот в чистом виде, комбинация шамота и органики с мелкодробленой дресвой. Преобладают два первых рецепта. Кроме того, в единичных случаях отмечена

⁴ Горизонтальный зубчатый зигзаг на черепках от двух емкостей и на развале сосуда из раскопок 1974 г. следует рассматривать как элемент реминисценции более древней традиции.

в чистом виде и дресва. Внешняя поверхность посуды заглажена и часто ангобирована, на внутренней иногда присутствуют слабые следы «расчесов».

Орнаментальные узоры верхневолжской посуды составлены из нескольких элементов. Самыми распространенными являются «тычки»-наколы. Они неглубокие, каплевидной формы. Нанесены тонким острием под углом к поверхности. «Тычки» встречены в трех композиционных вариантах. В двух они являются единственными и ведущими элементами орнамента. Это разреженные вдавления, обычно сгруппированные в строчки, не полностью покрывающие поверхность емкости (рис. 2: 5), и частые вдавления, имитирующие оттиск шнура (рис. 2: 2, 9, 17—22). В третьем — выполняют подчиненную роль разделителя орнаментальных композиций, составленных из оттисков «рисующих» штампов с мелкими зубцами (рис. 2: 10).

Среди зубчатых отпечатков массово выделяются две разновидности: длинные и короткие. Короткозубчатые, как правило, чаще встречаются в качестве составляющих элементов разделительных поясов (рис. 2: 11, 15) и реже как самостоятельный элемент (рис. 2: 3, 7, 8, 12). Наоборот, длинные мелкозубчатые отпечатки (включая и пунктирные) в композиции рисунков всегда являются только ведущими (рис. 2: 11, 13, 14, 16).

Прочерченные линии отмечены на единичных фрагментах и композиционно повторяют узор из близко поставленных тычковых вдавлений (рис. 2: 1, 17—22) или образуют ромбическую решетку (рис. 2: 4, 6). Следует отметить, что один обломок венчика с прочерченным рисунком был густо окрашен ало-красной охрой с внешней стороны (рис. 2: 1).

Кроме этих элементов в орнаменте верхневолжской посуды имеются ямки. Они неглубокие, с округлым или плоским дном, на внутренней поверхности стенок оставляют слабо заметные выпуклины. В системе композиции ямки выполняли роль только подчиненного разделительного элемента, образуя одиночные разреженные горизонтальные пояса, в основном по краю устья (рис. 2: 1—3, 8, 9, 14, 16).

Часть верхневолжской керамики (примерно одна треть) не орнаментирована, однако по технологическим и морфологическим признакам она тождественна фрагментам с узором, особенно обломкам, украшенным тычковым орнаментом⁵.

Посуда из-за сильной фрагментированности черепков не реконструируется: ее формы и размеры можно охарактеризовать лишь в общих чертах. Сосуды были небольших и средних размеров, с открытым и полузакрытым горлом. У одного черепка четко выражена слабая ребристость стенки (рис. 2: 8). Днища округлые (3 экз.) и плоские (1 экз.). Края венчиков (35 шт.) имеют прямой и, реже, округлый срез. За исключением двух остальные не орнаментированы (рис. 2: 1—3, 8). На некоторых черепках под срезом есть сквозные отверстия, сделанные до обжига в сыром тесте, а на паре обломков стенок сохранились большие сверлины, очевидно, для «сшивания» треснувших емкостей (рис. 2: 13).

Единственный развал верхневолжского сосуда обнаружен в 1982 г. Его обломки стенок и днища (23 шт.) оказались растащены по площади примерно в 6 кв. м и принадлежали горшку небольших размеров с округло-

⁵ Ю. Б. Цетлин выделяет эту категорию керамики в особую «волго-окскую» культуру, частично синхронную, по его мнению, верхневолжской [10].

приостренным дном, украшенным «ложношнуровым» орнаментом (рис. 2: 17—22). Разбросанные черепки этого сосуда интересны в плане относительной микростратиграфии памятника. Основная масса обломков концентрировалась под компактным развалом ямочно-гребенчатого сосуда со сбитым краем, залегавшим чуть выше.

Другими словами, для описанной коллекции верхневолжской керамики характерны: (1) преобладание неорнаментированных черепков и фрагментов с разреженным тычковым узором, «чистых» примесей (органики и шамота) и, наоборот, (2) незначительное количество обломков с уплотненным длиннозубчатым орнаментом и смешанными примесями. Эти признаки позволяют датировать данную группу керамики ранней — началом средней фазы развития верхневолжской культуры [3].

Отходы производства

К данной категории (всего 852 экз.) нами отнесены главным образом предметы из кремня. Весь кремень местный, плохого качества, цветовая гамма различна, но преобладают серые, невзрачные оттенки. По составу находки распадаются на первичные отщепы, бесформенные осколки, чешуйки и мелкие нуклевидные куски (734), сломанные заготовки неопределимых орудий (3), ножевидные пластинки без следов обработки (13), отщепы с нерегулярной ретушью или со следами эпизодического использования их в работе (97). В отходы производства зачислен и единственный нуклеус. Он малых размеров, имеет низкую подконическую форму, прямую ударную площадку и негативы снятия мелких отщепов.

Утилизированные предметы из сланца немногочисленны — 4 экз. Это пара сколов со шлифованных орудий и два куса расколотых галек с частичной пришлифовкой.

Кремневые орудия на отщепах

Типологически определяемые кремневые орудия на отщепах, нуклевидных кусках, случайных осколках и на сломанных артефактах в коллекции наиболее многочисленны и относительно разнообразны по ассортименту. Их всего 171 экз.

Наконечники дротиков: 4 экз. Два сломаны. От них сохранились только двусторонне ретушированные насады. Целые же формы обоих были скорее всего листовидными. Также двумя экземплярами представлены сломанные заготовки, оббитые грубыми широкими сколами.

Наконечники стрел: 6 экз. (рис. 3: 1—6). Четыре целых, пара — в обломках. Все с двусторонней обработкой плоскостей ровной струйчатой ретушью, имеют листовидную (или близкую к ней) форму. У трех слабыми контурами намечены черешки.

Скребки: 102 экз. Самая массовая категория орудий. Заготовками служили главным образом отщепы малых и средних размеров. Доля прочих — случайные осколки, мелкие нуклевидные куски — ничтожна. Визуально скребки можно разделить на три неравномерные группы.

В первую группу входит большинство артефактов: 86 экз. (рис. 3: 9—34, 36, 38, 40, 42—44; 4: 10, 11; 7: 4, 14). Для них характерны определенные признаки. Бесформенные очертания тела орудий. Практически все относятся к типу на конце заготовки. Боковых — менее десяти (рис. 3: 44, 45). Формы

рабочих лезвий различны: полу- и дуговая, скошенная, прямая и клювовидная (рис. 4: 10, 11). Примерно у половины орудий скребущие кромки сформованы более-менее ровными фасетками, у прочих — грубыми, рваными. У некоторых скребков специально подработаны один или оба боковых края, смежных с лезвием. Один имеет боковую выемку, кромка которой сильно стерта, т. е. этот скребок целенаправленно использовался еще и как скобель (рис. 7: 14). Наконец, только у одного орудия фасетки ретуши покрывают всю дорсальную поверхность заготовки (рис. 3: 45).

Ко второй группе отнесены четыре скребка. Они изготовлены на широких, крупных пластинчатых отщепах почти правильной прямоугольной формы. (Не исключено, что два из них сняты с массивных нуклеусов, с которых ранее отжимали ножевидные пластинки; рис. 7: 23, 24). Рабочие края расположены на дистальных концах заготовок. Они у всех полудуговые, обработаны ровной, полукрутой ретушью.

В третью группу объединены скребки миниатюрных размеров: 12 экз. (рис. 3: 35, 37, 39, 41; рис. 7: 5—9, 15—17). Они имеют достаточно устойчивые геометрические формы: прямоугольную, трапециевидную, треугольную и округлую. Рабочие лезвия соответственно прямые или полу- и дуговые. Обработаны ровными крутыми фасетками. Боковые края часто подправлены затупливающей ретушью, а на трех — скребковая ретушь опоясывает заготовку по всей окружности (рис. 3: 39; рис. 7: 7, 9).

Скобели: 16 экз. (рис. 4: 14). Это короткие, тонкие, часто бесформенные отщепы с одним вогнутым боковым краем, по которому располагается неровная, прерывистая ретушь. Она сформировалась технически, т. е. не рукой человека, а самопроизвольно, в процессе работы.

Ножи: 10 экз. (рис. 4: 12, 13, 15). Дошли в обломках. Формы не выдержаны. Обработка минимальна: один из длинных краев (прямой или выгнутый) ретуширован короткими, но регулярными фасетками. У единственно целого ножа два лезвия — выгнутое и вогнутое (рис. 4: 15).

Резцы: 11 экз. Крайне не выразительны и явно предназначались для разового использования. Изготовлены на углу слома заготовки. Ими для десяти орудий послужили плоские, малых размеров нуклеидные куски, для одного — сломанный двусторонне ретушированный листовидный наконечник стрелы (рис. 3: 46). Режущих кромок обычно одна, у трех резцов — по две (рис. 3: 47).

Свёрла: 6 экз. В качестве заготовок использованы специально подобранные отщепы с острыми дистальными концами, подтреугольными в поперечном сечении. По морфологическим характеристикам распадаются на два численно равных типа: перьевые (рис. 4: 9) и плечиковые (рис. 4: 6—8). У первых ретушью формировалось только перо, у последних — и жало, и плечики.

Проколки: 12 экз. Все на пластинчатых отщепах удлинённых пропорций с острыми концами. У шести экземпляров собственно мелкими фасетками приострен лишь конец (рис. 4: 4, 5), у четырех — конец, а боковые края притуплены (рис. 4: 1—3). Два артефакта к проколкам мы отнесли условно. Они имеют форму, близкую к листовидной (рис. 3: 7, 8). Колющие концы покрыты плоской ретушью. Не исключено, что функционально это наконечники стрел. По крайней мере, по характеру обработки, размерам, пропорциям и аэродинамическим свойствам они удивительно напоминают некоторые типы раннеолитических наконечников на ножевидных пластинках, в том числе и из культурного слоя стоянки Ивановское V (ср. рис. 3: 7, 8 и рис. 6: 7).

Топоры: 2 экз. Оба средних размеров, имеют подтрапещиевидную форму, оба симметричны в разрезе по вертикальной оси. Первый изготовлен из массивного отщепа опоковидного кремня: обе плоскости были предварительно оббиты широкими сколами, а после отшлифованы (рабочий край полностью, обушок частично; рис. 5: 8). Вторым — с двусторонней оббивкой поверхностей и ретушной подправкой лезвия и одной боковой стороны (рис. 6: 30).

Заготовки тёсел: 2 экз. Одна миниатюрна, переделана обтеской из шлифованного орудия. В ней достаточно хорошо угадывается будущее лезвие-вставка в муфту. Другая находка — грубая заготовка болванки массивного тесла, обушковый конец которого позднее эпизодически использовался в качестве тёрочника.

Кремневые орудия на пластинках

В эту группу объединены изделия со вторичной обработкой, заготовками для которых послужили ножевидные пластинки правильной призматической огранки с двух-трехгранной спинкой, небрежно отжатые пластинки (некоторые из них порой не отличимы от обычных отщепов; рис. 6: 17, 21—23; рис. 7: 12, 14, 25) и довольно-таки массивные ребристые пластины (рис. 6: 25, 29; рис. 7: 21, 28, 29). Общее их количество составляет 59 экз.

Наконечники стрел: 8 экз. Три целые, пять фрагментированы. Первый наконечник небольших размеров, имеет короткий черешок, оформленный крутой ретушью со спинки (рис. 6: 1)⁶. Вторым наконечник листовидной формы. У него один край спинки обработан пологой ретушью полностью, противоположный — короткими заломами частично; и тоже частично мелкими фасетками подправлены остриё и насад с брюшка (рис. 6: 4). У третьего наконечника, имеющего также форму листа, но более узкую, ретуширована практически вся спинка за исключением центральной грани пластины (рис. 6: 6).

От четвертого наконечника сохранился насад с коротким черешком, обработанный по краям двусторонней крутой ретушью (рис. 6: 3). От пятого тоже дошел только насад, но простой клиновидной формы, оформленный лишь по краям спинки короткими фасетками крутой ретуши (рис. 6: 2). У фрагмента от шестого наконечника плоской регулярной ретушью с брюшка подправлена «боевая» часть и нерегулярной — края: как вентральной, так и дорсальной плоскостей (рис. 6: 7). У обломка от седьмого наконечника с двух сторон ровной крутой ретушью сформирован колющий конец и приострен с брюшка один боковой край (рис. 6: 28). Наконеч, последний — восьмой наконечник сохранился почти полностью; утрачен только кончик насада. Он имел короткую иволистную форму. Спинка заготовки сплошь покрыта аккуратной ровной плоской ретушью, а брюшко оформлено краевой ретушью, захватывающей острие и насад (рис. 6: 5).

Скребки: 14 экз. Преобладают концевые. Три скребка сломаны в древности и создают иллюзию укороченных (рис. 7: 1—3). В действительности же их первоначальные пропорции скорее всего не отличались от полностью сохранившихся изделий, изображенных, к примеру, на рис. 7: 19, 20. Формы лезвий различны: доминируют дуговые (рис. 7: 1, 2, 10, 18, 20, 22), есть полудуговые (рис. 7: 11, 25), прямые (рис. 7: 3, 19) и скошенные (рис. 7: 12, 21). У некоторых орудий дополнительно мелкой ретушью подправлены боковые края (рис. 7: 1, 21, 22). У одного скребка одна из граней пластинки выровнена широкими фасетками (рис. 7: 18). Один скребок использовался еще и в каче-

⁶ Кончик острия, к сожалению, был отбит лопатой в процессе раскопок.

стве ножа, о чем свидетельствует регулярная приостряющая ретушь по краям заготовки со спинки (рис. 7: 20).

Резцы: 2 экз. (рис. 6: 26, 27). Оба на углу сломанных пластинок, причем заготовкой для одного послужил фрагмент ножа (рис. 6: 26). У каждого орудия по одному резцовому сколу, и в обоих случаях они сбивали боковые края заготовок на всю их длину. Это свидетельствует о том, что сколы не технического происхождения, а результат целенаправленных ударов. Рабочие кромки узкие, одна имеет следы многократного использования инструмента в работе.

Сверла: 2 экз. Разнятся размерами заготовок, но оба изготовлены на ребристых пластинах и относятся к типу плечиковых. У малого сверла регулярной ретушью с брюшка оформлен рабочий конец и выровнены боковые края. Со стороны спинки на кончике жала отчетливо фиксируется короткий псевдорезцовый скол (рис. 7: 26). У крупного сверла рабочий конец, плечики и (частично) боковые края небрежно подправлены фасетками нерегулярной ретуши (рис. 7: 29).

Острия: 2 экз. У обоих рабочие концы расположены на дистальных окончаниях заготовок. Концы изначально были острыми, и древним мастерам оставалось лишь подравнять их да частично затупить боковые края для удобного захвата инструмента рукой (рис. 7: 27, 28).

Вкладыши: 3 экз. (рис. 6: 10, 11, 13). Узнаются достаточно хорошо. Главные критерии их выделения: устойчивая длина (10—15 мм), ширина (10—20 мм) и толщина (3—4 мм); противолежащая ретушь на обоих краях; смятость одного угла заготовки (или сразу двух) в виде псевдоретуши.

Пластинки с вторичной обработкой: 28 экз. В эту категорию находок нами объединены обломки ножевидных пластинок правильной огранки и небрежно отжатые пластинки, у которых по краям имеется ретушь, как регулярная (6 экз.), так и нерегулярная (22 экз.). Определить функциональное назначение большинства артефактов без специального трасологического анализа сложно (а в ряде случаев вряд ли и он поможет). С определенной долей условности можно выделить группу обломков ножей (рис. 6: 8, 9, 12, 24), группу скобелей (рис. 6: 19, 22, 25, 29) и достоверно фрагмент ножа в комбинации со скобелем (рис. 6: 23). Прочие находки выполняли, вероятно, роль разовых (режущих или скоблящих) инструментов (рис. 6: 16, 18, 20, 21), а на некоторых «ретушь» явно случайного происхождения (рис. 6: 14, 15, 17).

Каменные орудия

Каменных орудий, включая и узнаваемые в обломках, найдено только 24 экз. Основным материалом для их изготовления служил зеленоватый сланец и розовый песчаник. Прочие породы камня не использовались.

Тёсла: 7 экз. Три орудия сломаны. Поверхности их хорошо и ровно зашлифованы. В поперечнике имеют прямоугольный или подпрямоугольный профиль (рис. 5: 5, 9). Прочие инструменты — целые. По формам они близки первым. Два тесла из сланца массивные, одно с грубо оббитыми поверхностями, второе шлифованное. Два других изготовлены из тонких плиток песчаника методом пикетажа с частичной заточкой лезвия на абразиве (рис. 5: 6, 7).

Долота: 2 экз. Оба фрагментированы. Поверхности тщательно отшлифованы. От одного — узкого и небольшого по размерам — сохранилась только нижняя, рабочая часть. У другого — крупного, желобчатого — лезвие сбито в процессе работы (рис. 5: 4).

Обломок мотыги: 1 экз. Полная форма не реконструируется, даже приблизительно (рис. 5: 10). Обломок плоский, достаточно тонкий (около 1 см), поверхности искусно отполированы. Край, в отличие от массы льяловских мотыг с других памятников, не приострен, а отвесно зашлифован. Отверстие изящное, просверлено с двух сторон.

«Груз-упор»: 1 экз. Это орудие, по нашему мнению, являлось «посредником» при лучковом сверлении. Он представляет собой круглый камень с небольшим углублением в центре на плоской поверхности. В углублении визуально просматриваются следы, оставленные многократными вращательными движениями мягкого тупого предмета (концом деревянного стержня?). Аналогичный предмет известен со стоянки Яга II [9].

Тёрочки: 2 экз. Простые песчаниковые гальки овально-вытянутой формы размером с детский кулачок. У одной в процессе работы смяты оба торца, у второй — частично только один.

Оселок: 1 экз. Небольшая тонкая плитка из мелкозернистого песчаника с зашлифованными сторонами и краями.

Обломки шлифовальных плит: 7 экз. Один крупный, происходит от плиты внушительных габаритов, прочие фрагменты — мелкие, не превышают по параметрам размеры спичечной коробки. У всех плит рабочей площадью была одна плоскость.

Штампы: 3 экз. Заготовками послужили специально подобранные плоские, хорошо окатанные сланцевые гальки. Две имеют в плане удлинненно-овальную форму, одна (из траншеи 1974 г.) — треугольную. У одной зубцы проточены только по одному длинному краю (рис. 5: 2), у другой — по боковому краю и торцам (рис. 5: 1), у третьей — по обеим боковым кромкам и частично по основанию (рис. 5: 3). У последней, кроме того, в центре просверлено небольшое отверстие. Экспериментальные оттиски этих орнаментов на пластине однозначно свидетельствуют, что в древности ими украшали исключительно льяловскую посуду. Причем штамп, изображенный на рис. 5: 2, использовался длительное время; ребра его зубцов сильно завальцованы.

Костяные орудия

Органические материалы в культурном слое имели крайне плохую сохранность. Костяных орудий найдено всего пять штук. И все в обломках. Два представлены фрагментами заострений из расколотых вдоль длинных костей лося; их рабочие концы оформлены по краям встречными срезами под острым углом (рис. 4: 18, 19). По одному экземпляру в культурном слое сохранились: короткий кочедык (рис. 4: 17), клинок широкого ножа (или кинжала), уплощенный двусторонней шлифовкой (рис. 4: 16), и длинное, узкое долото-стамеска с утраченным тыльным концом (рис. 4: 20).

Собственно же костей животных без какой-либо обработки было собрано чуть более сотни: 118 экз. Подавляющая масса приходилась на мелкие, не диагностируемые осколки. И лишь по наиболее крупным и выразительным фрагментам достоверно удалось определить лося, бобра и медведя.

* * *

Орудийная коллекция со стоянки Ивановское V в полном объеме относится к эпохе лесного неолита Волго-Очья. В ней нет четко выраженного набора артефактов местного мезолита. Отсутствуют в ее составе и формы

орудий, типичные для энеолита, в частности для волосовской культуры. Однако и она (коллекция) неоднородна. По формальным и технико-морфологическим признакам изделия с вторичной обработкой разделяются на две индустрии — пластинчатую и отщеповую.

Отнесение к верхневолжской культуре всех найденных в культурном горизонте Ивановского V орудий на пластинках у нас не вызывает никаких сомнений. Эта ситуация многократно фиксировалась (и будет фиксироваться) на других многослойных поселениях региона. Поэтому здесь мы не будем еще раз повторяться, загружая читателя перечислением названий стоянок и публикаций, а сделаем беглый экскурс в историю проблемы.

Во второй половине 1920-х гг. Б. С. Жуков высказал предположение о «несвойственности льяловской культуре... техники изготовления тонких ножевидных пластин и орудий из них» [2, с. 65]. В начале 1960-х гг. В. М. Раушенбах, опираясь на свои раскопки Сущёвской стоянки, казалось бы, убедительно доказала неразрывность ямочно-гребенчатой керамики и пластинчатого технокомплекса [6]. И ее вывод стал для всех археологов, занимавшихся изучением первобытности Верхнего Поволжья и смежных территорий, некой аксиомой. Правда, продержалась эта «аксиома» лишь около десятилетия. В 1972 г. Д. А. Крайнов, выделив древнейший пласт местного неолита, убедительно доказал совместное стратиграфическое залегание верхневолжской керамики и орудий на пластинках в культурных слоях на опорных памятниках Волго-Клязьминского междуречья и Тверского Заволжья [4]. Аргументы были столь убедительны, что от подавляющего большинства исследователей серьезных аргументов «против» не последовало. Более того, в середине 1980-х гг. В. В. Сидоров вновь проанализировал коллекцию находок с Сущёвской стоянки, полевою документацию В. М. Раушенбах, визуально осмотрел топографию памятника и пришел к выводу: «...здесь мы имеем дело с обычным механическим смешением разновременных комплексов» [7].

В качестве бесспорно верхневолжских артефактов следует признать также две группы скребков: (1) на широких, крупных пластинчатых отщепах почти правильных прямоугольных очертаний (рис. 7: 23, 24) и (2) скребки миниатюрных размеров, имеющих устойчивые геометрические формы, включая и так называемые циркульные (рис. 3: 35, 37, 39, 41; рис. 7: 5—9, 15—17)⁷.

Предположительно к верхневолжской отщеповой индустрии могут быть причислены (1) пара псевдопроколов, напоминающих некоторые типы раннеэнеолитических наконечников на ножевидных пластинках (рис. 6: 7, 8), и (2) два топора, изображенные на рис. 5: 8 и 6: 30. Подобные рубящие инструменты найдены на ряде финальномезолитических стоянок бассейна Нижней Оки [1, с. 125, 128], т. е. мы сейчас можем смело допускать раннеэнеолитический возраст этих топоров.

Льяловский орудийный комплекс со стоянки Ивановское V, в отличие от верхневолжского, определяется достаточно надежно. По числу вещей он более многочислен, по типологическому составу — более разнообразен и эффектен. Это безусловно (1) двусторонне ретушированные наконечники стрел и фрагменты дротиков; (2) основная масса скребков на отщепах бесформенных очертаний; (3) резцы, изображенные на рис. 3: 46, 47; (4) обломки рубящих орудий из сланца; (5) зубчатые штампы; (6) костяные заострения.

⁷ Развернутую аргументацию о признании за этими типами скребков раннеэнеолитического статуса читайте в коллективной монографии М. Г. Жилина и др. [5, с. 51].

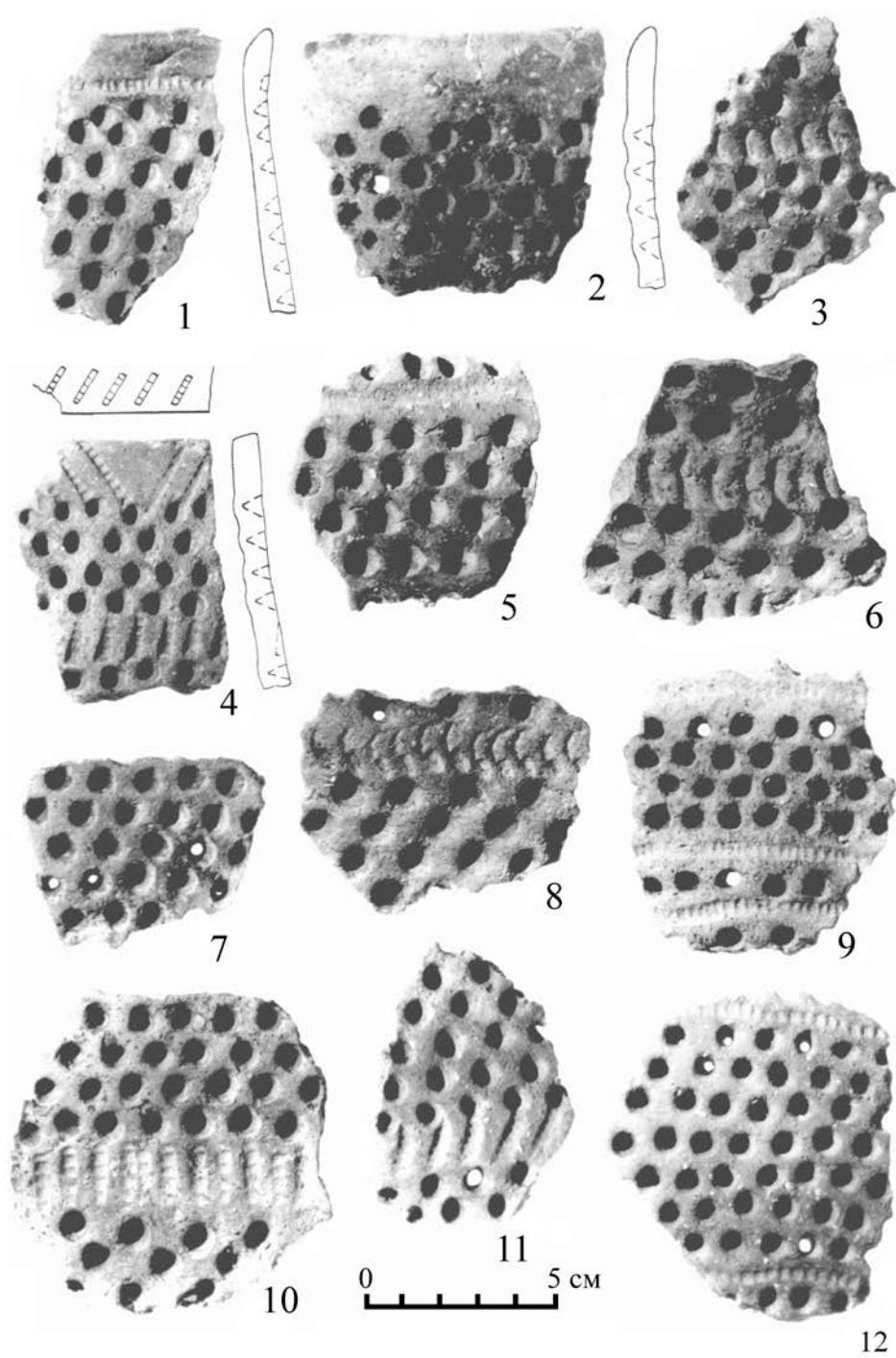

Рис. 1. Стоянка Ивановское V: обломки льяловской посуды (керамика)
(фото Л. Нескверновой)

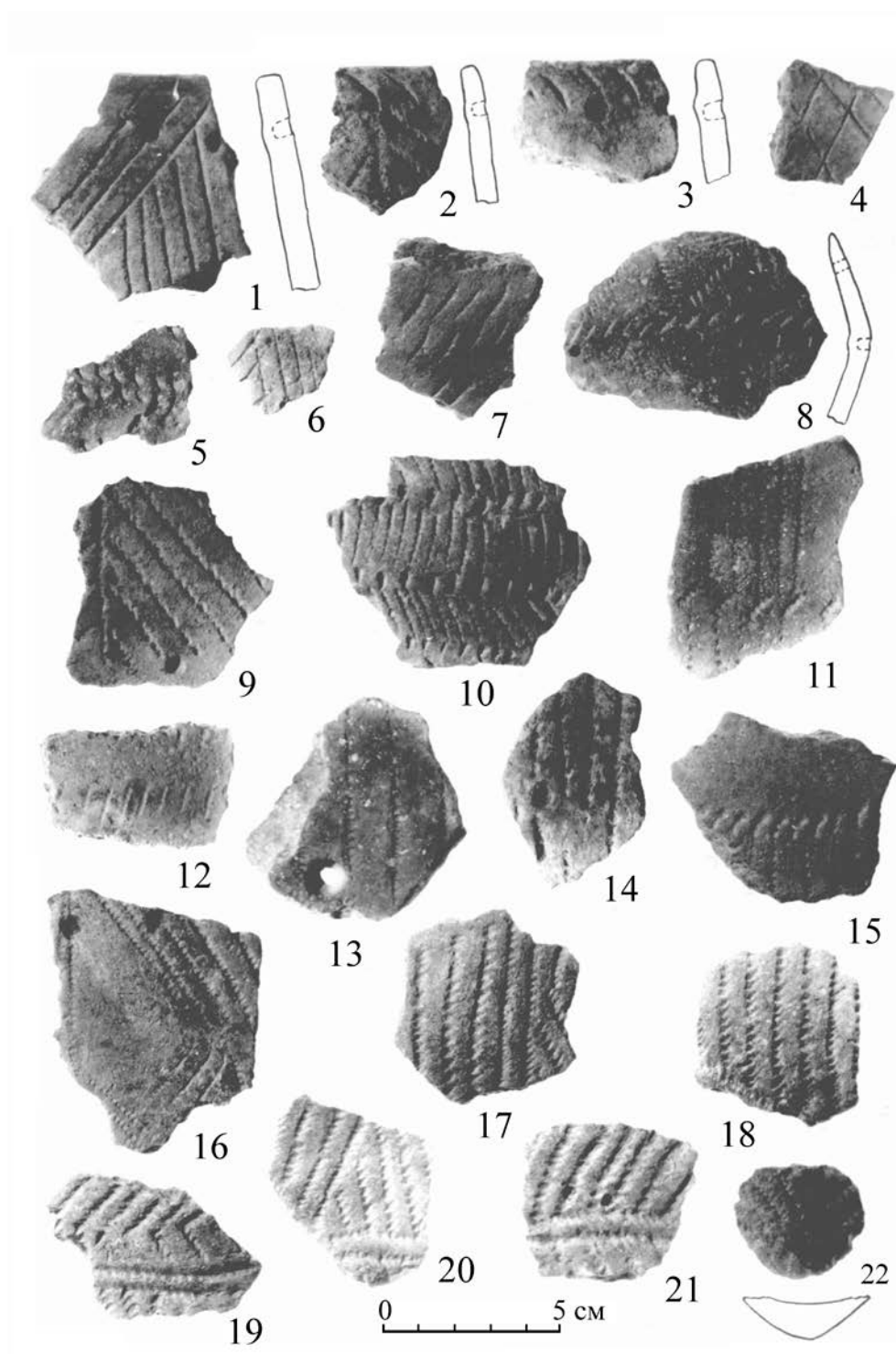

Рис. 2. Стоянка Ивановское V: обломки верхневолжской посуды (керамика)
(фото Л. Нескверновой)

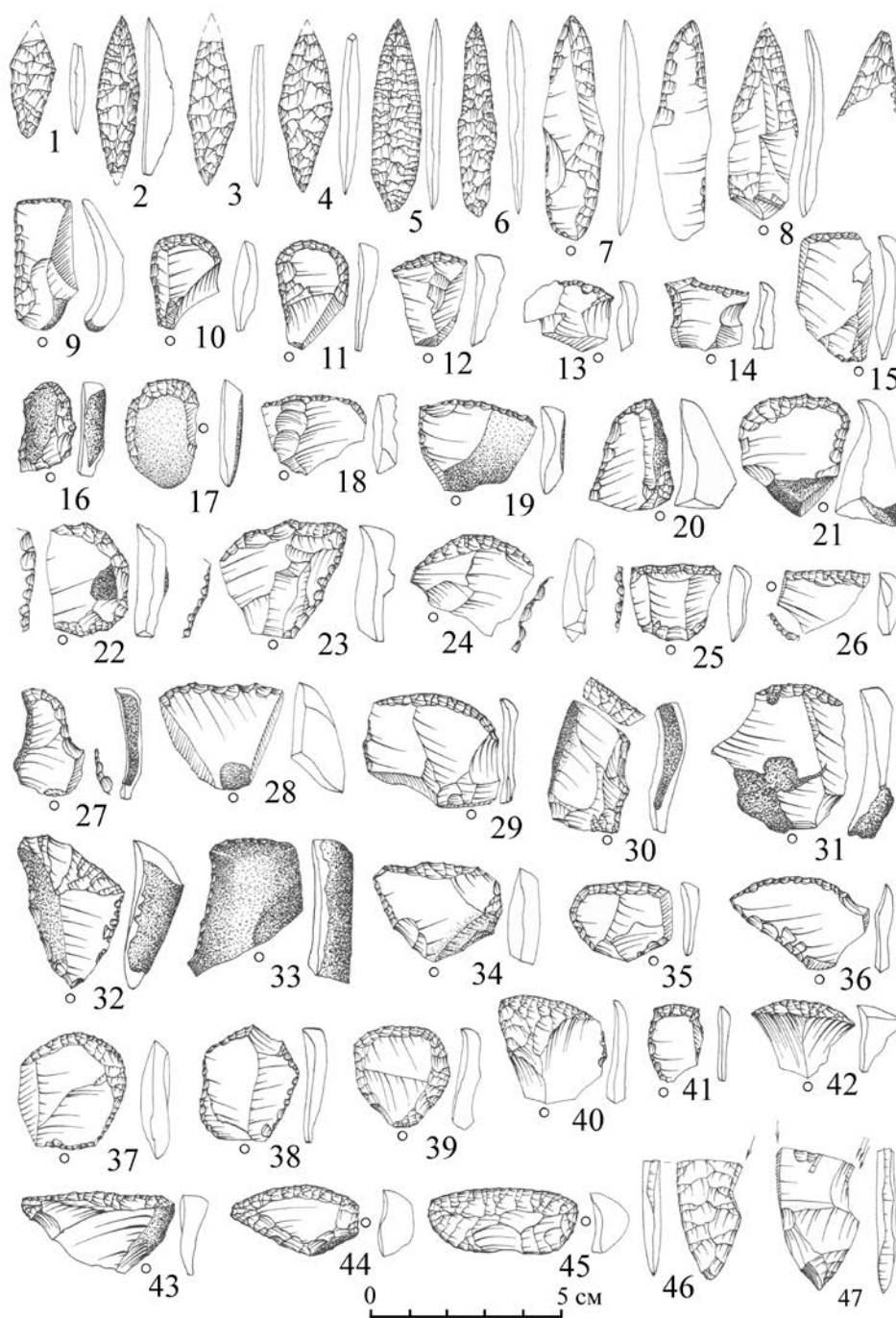

Рис. 3. Стоянка Ивановское V: наконечники стрел (1—6), проколки (7, 8), скребки (9—45), резцы (46, 47) (кремень) (рис. А. Уткина)

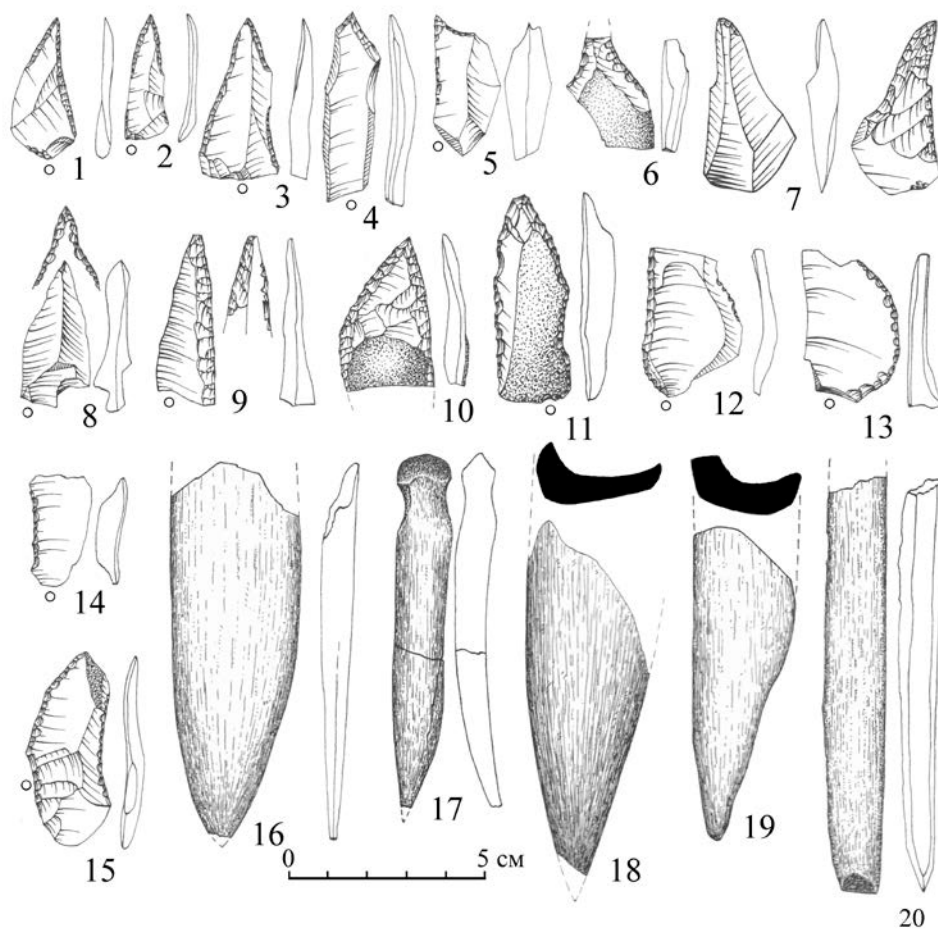

Рис. 4. Стоянка Ивановское V: проколки (1—5), свёрла (6—9), скребки (10, 11), ножи (12, 13, 15), скобель (14), обломок ножа (16), кочедык (17), заострения (18, 19), долото (20) (1—15 — кремь; 16—20 — кость)
(рис. А. Уткина)

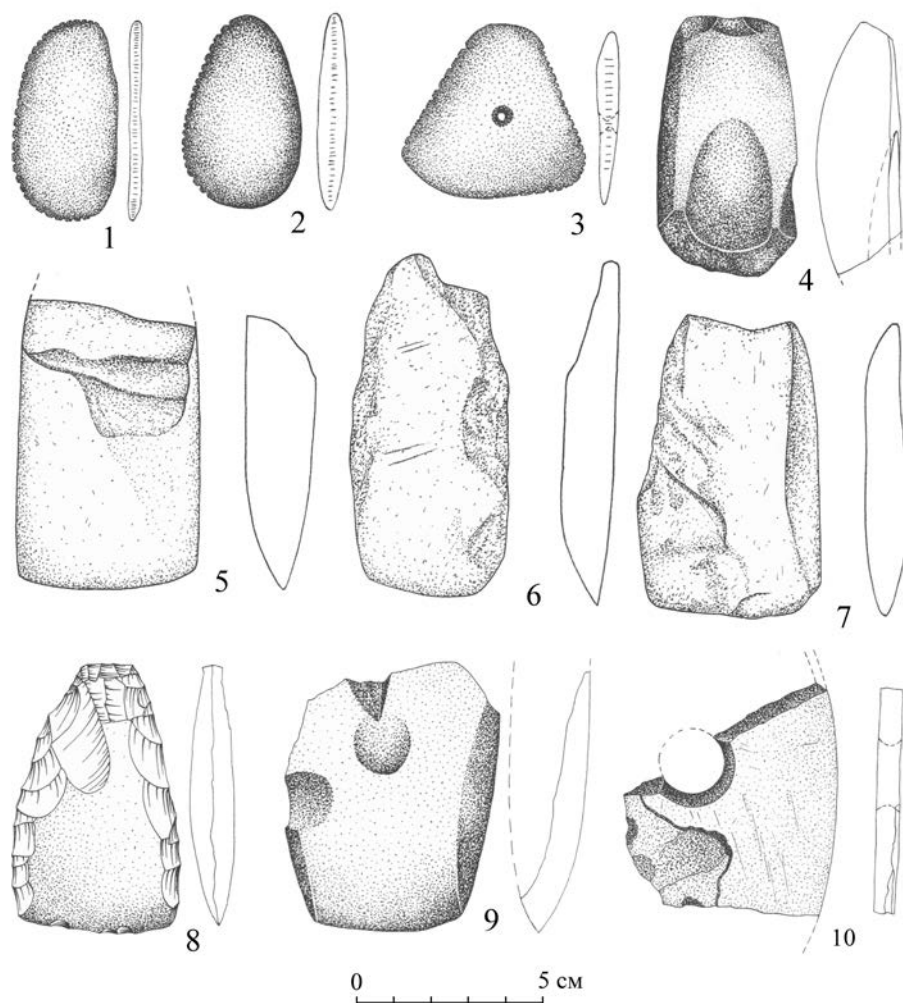

Рис. 5. Стоянка Ивановское V: штампы (1—3), долото (4), тёсла (5—7, 9), топор (8), обломок мотыги (10) (1—5, 9, 10 — сланец; 6, 7 — песчаник; 8 — кремнь)
(рис. А. Уткина)

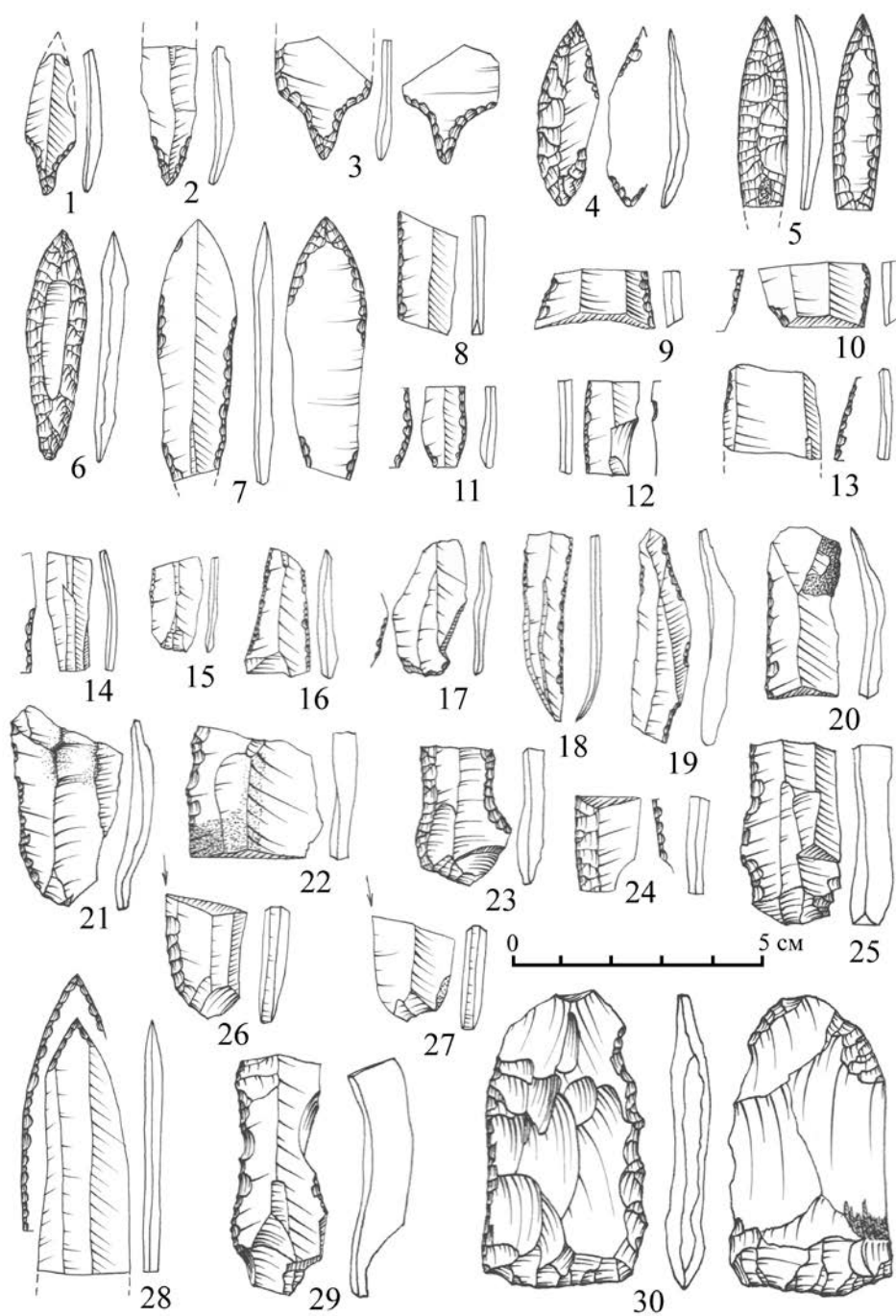

Рис. 6. Стоянка Ивановское V: наконечники стрел (1—7, 28),
 пластинки с вторичной обработкой (8, 9, 12, 14, 15—25, 29),
 вкладыши (10, 11, 13), резцы (26, 27), топор (30) (кремень) (рис. А. Уткина)

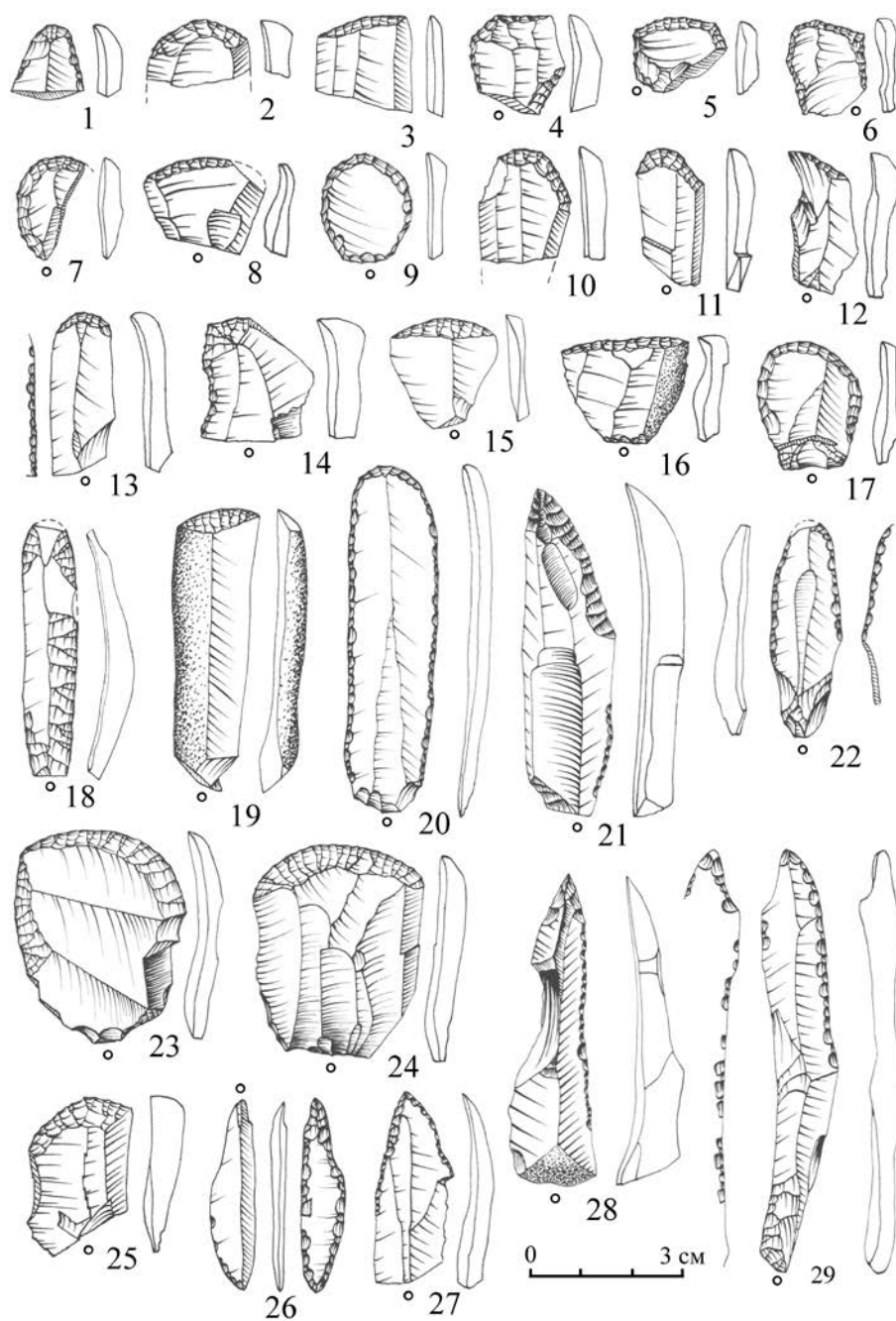

Рис. 7. Стоянка Ивановское V: скребки (1—20, 22—25), свёрла (26, 29), острия (27, 28) (кремень) (рис. А. Уткина)

Заключение

За три полевых сезона на стоянке Ивановское V стационарными раскопками вскрыта небольшая площадь (144 кв. м) и собрано почти четыре тысячи артефактов. Однако, на наш взгляд, этого достаточно, чтобы в общих чертах определить статус памятника и его культурно-хронологическую принадлежность. По материалам, отложившимся в тонком, слабо гумусированном культурном слое, типологически четко выделяются два разнородных (и никак не связанных между собой) комплекса лесного неолита Восточной Европы: верхневолжский и льяловский. Анализ обломков керамики и наиболее ярких, культуруопределимых типов орудий свидетельствует, что оба комплекса ограничиваются узкими временными рамками. Первый можно отнести к ранней и началу средней фазы развития верхневолжской культуры. Второй — к рубежу раннего — «классического» льялова.

Косвенно это подтверждает радиоуглеродная датировка органики, выбранной Е. А. Спиридоновой из мергеля в стенке крайних западных квадратов раскопа, — 5880 ± 180 (ГИН-5894) л. н. Дело в том, что на этих участках на поверхности материка были найдены всего шесть черепков верхневолжской керамики и пара обломков ножевидных пластинок, очевидно, сползших по склону острова. Тогда как в самом горизонте мергеля, который замещал здесь темный суглинок (собственно культурный слой), обнаружено более трех сотен фрагментов льяловской посуды и два развала сосудов (второй и третий из раскопа 1985 г.), перекрывавших друг друга.

Иными словами, верхневолжский культурный горизонт отложился до начала формирования слоя мергеля, а льяловский — в процессе формирования его. И еще. Если принять дату из палинологического разреза 'А' по заиленному торфу с сапропелем 5560 ± 100 (ЛЕ-1109) л. н. (которую ранее интерпретировали как ранненеолитическую [4, с. 46]) за достоверную, то мы должны признать, что она маркирует время прекращения заселения острова.

И последнее. Памятник Ивановское V по всем собранным на нем находкам и наблюдениям в процессе трехлетних раскопок и в раннем, и среднем неолите являлся сугубо «сезонным» стойбищем, посещавшимся верхневолжцами, а затем льяловцами на протяжении жизни нескольких поколений.

Библиографический список

1. Жилин М. Г., Кольцов Л. В. Мезолит Волго-Окского междуречья : памятники бутовской культуры. М. : Наука, 1999. 155 с.
2. Жуков Б. С. К вопросу о стратиграфии и культуре неолитической стоянки близ с. Льялова Московского уезда // Русский антропологический журнал. М. : Госиздат, 1927. Т. 16. Вып. 1/2. С. 58—73.
3. Костылёва Е. Л. Ранненеолитическая керамика Верхнего Поволжья // Тверской археологический сборник. Тверь : Триада, 1996. Вып. 1. С. 53—57.
4. Крайнов Д. А., Хотинский Н. А. Ранненеолитическая верхневолжская культура // Сов. археология. М. : Наука, 1977. № 3. С. 42—68.
5. Мезолитические и неолитические культуры Верхнего Поволжья : по материалам стоянки Ивановское VII / М. Г. Жилин, Е. Л. Костылёва, А. В. Уткин, А. В. Энговатова. М. : Наука, 2002. 245 с.
6. Раушенбах В. М. Древнейшая стоянка льяловской культуры // Сов. археология. 1964. № 2. С. 150—154.
7. Сидоров В. В. Маслово Болото 7 — поселение льяловской культуры // Там же. 1986. № 4. С. 116—137.

8. Уткин А. В. Неолитическая стоянка Ивановское I // Краткие сообщения Института археологии. М. : Наука, 1988. Вып. 193. С. 65—70.
9. Уткин А. В. Стоянка Яга II близ Вашутинского озера // Сов. археология. М. : Наука, 1991. № 3. С. 143—152.
10. Цетлин Ю. Б. Периодизация волго-окской раннеолитической культуры // Человек, адаптация, культура. М. : Гриф и К, 2008. С. 314—326.
11. Энговатова А. В. Хронология эпохи неолита Волго-Окского междуречья // Тверской археологический сборник. Тверь : Триада, 1998. Вып. 3. С. 238—246.

ББК 65.011.3

А. В. Степанов

БАЗАР И РЫНОК В ИСТОРИИ И СОВРЕМЕННОСТИ

Со времен Адама Смита экономическая наука рассматривает *рынок* как единственно возможную форму товарообмена в народном хозяйстве, особенно в мануфактурную и позднейшие эпохи. Классическая модель рынка среди прочего предполагает, что стремление продавца к росту прибыли не противоречит аналогичному интересу производителя, а находит гармоничное единство в увеличении выпуска продукции, разработке новых ее видов, лучшей адаптации уже имеющихся товаров к требованиям покупателей (в том числе к их платежеспособности путем снижения издержек производства), в повышении качества изделий и т. п.

При таком подходе игнорируются некоторые существенные обстоятельства процесса сбыта, влияющие на экономику в целом. Автор считает, что, наряду с рынком, в качестве второй формы товарообмена следует выделять *базар*. Он не лишен ряда общих с рынком черт (и охотно им притворяется), однако обладает рядом специфических признаков, которые в сумме делают базар самобытным экономическим явлением.

Важнейшее отличие базара от рынка — количественное: объем продаж товаров на базаре существенно (как правило — многократно) ниже, чем на рынке. Можно сказать, что базар — это рынок, складывающийся в условиях если не товарного дефицита, то «преддефицита». Разумеется, понятие дефицита более чем относительное: оно может резко различаться в зависимости от исторического времени, национальной специфики, особенностей самого товара. Однако в первом приближении состоянием *острого дефицита*, например, товаров длительного пользования можно считать такой объем их предложения, при котором новые продажи не возмещают выбытие уже имеющихся у населения предметов из употребления в силу естественного износа. Тогда состоянием *товарного достатка* будет называться предложение таких изделий в объеме, позволяющем возмещать их выход из употребления не только в силу износа, но даже в результате морального старения или повреждения неосторожным использованием, неквалифицированным обслуживанием и другими случайными причинами. Наконец, *изобилием* можно считать предложение товаров в объеме, который обеспечивает рост абсолютного числа их (вероятно, счастливых) владельцев.

© Степанов А. В., 2010

Если принять эти рабочие определения, то по объему продаж базар будет находиться между точками острого дефицита и минимального достатка — скажем, в условной точке «мягкого дефицита». На практике это будет означать, например, что на базаре существенная часть спроса покрывается за счет подержанных предметов, контрафактной продукции, контрабандных или иных товаров со сниженными потребительскими качествами. Объем предложения товаров на рынке будем считать близким к точке изобилия.

Скудность предложения товаров на базаре может быть вызвана незначительным объемом их производства или хроническими затруднениями с поставкой из других регионов и стран. Однако первопричиной базарной скудности обычно служит невысокая покупательная способность большинства населения, порожденная, в свою очередь, низкой производительностью труда работников и неэффективностью экономики в целом, а также отсутствием общественных механизмов выравнивания доходов граждан.

«Преддефицитный» объем поставок товара на базар, как правило, сочетается с их непостоянством, ненадежностью, а подчас и просто непредсказуемостью. Это явление развивается, в частности, из-за оторванности, отчужденности производителя от продавца (и, соответственно, от покупателя). Отчужденность обычно вызывается существованием цепочки посредников, по которой товар движется к своему конечному потребителю. Посредники становятся особенно нужными, когда базарная экономика вступает в контакт с высокотоварной рыночной: они согласуют мелкий масштаб базарной торговли с крупным размахом производства. Однако те же посредники лишают производителей товаров жизненно необходимой обратной связи с потребителем, без которой производством приходится управлять вслепую, с постоянным риском ошибиться в определении объема, ассортимента и т. п.

Отчуждение производителя от продавца (и, соответственно, от конечного потребителя) может также стать результатом их географической отдаленности и связанных с нею последствий: технических затруднений при перевозке товаров, их порчи в пути и т. п. Отчуждение могут усилить причины не природного, а общественно-политического свойства: изменение обменного курса валют, таможенные пошлины на границах государств, криминальные посягательства на находящиеся в дороге грузы, вымогательство взяток чиновниками, отвечающими за охрану порядка на линиях транзита, и т. п.

Физические препятствия на пути товаров от мест изготовления к базару нередко дополняются затруднением обмена информацией между производителем и продавцом. Оно возникает как в результате языкового барьера, так и по причинам технического характера. Вследствие такого затруднения базарный покупатель чаще всего лишен возможности оперативно известить производителя об отношении к его продукту, о смене своих вкусов и т. п. Производитель также не в состоянии предвидеть появление нового товара информационной кампанией или изучить реакцию потребителей на него.

Непостоянство поступления товара на базар и отсутствие надежной связи с производителями ставит продавцов перед необходимостью любой ценой поддерживать в местах сбыта запас товара, кажущийся им необходимым. В условиях хронических затруднений и перебоев с поставкой единственным способом избежать пустоты на полках становится установление «упреждающих» розничных цен, гарантирующих базар от дефицита при любом мыслимом ходе дел, в частности — при полном прекращении поставок на какое-то время. Кроме того, продавец вынужден закладывать в цену товаров

затраты на их перевозку мелкими партиями и на всевозможные попутные издержки — как легальные платежи, так и незаконные поборы. В результате цена товара становится едва доступной для значительной части покупателей. Однако за счет дороговизны базар создает и поддерживает устойчивый перевес предложения над спросом, то есть кажущееся товарное изобилие, чисто внешне сближающее базарную экономику с рыночной.

Изобилие, основанное исключительно на дороговизне товаров, а не на их массовом производстве и сбыте по доступной широкому покупателю цене, неизбежно оказывает угнетающее влияние на производящие секторы экономики. Кажущийся переполненным базар посылает им ложный сигнал о том, будто наращивать выпуск продукции нет необходимости, так как спрос — де и без него удовлетворен. При этом успехи производителей в деле снижения издержек нередко «оседают» в торговле. Базарные коммерсанты не снижают цены, а свои дополнительные доходы, возникшие от перепродажи все более дешевых товаров по неизменно высокой цене, направляют на расширение своего торгового предприятия, откладывая «на черный день», тратят на личное потребление или инвестируют в страны с более эффективным хозяйственным строем (тем самым признавая его историческое превосходство).

Такое применение прибыли выглядит нерациональным только с позиций рыночной экономики. В ней ключевым актором выступает производитель, постоянно испытывающий нехватку средств для поддержания и расширения своего все более капиталоемкого предприятия. В базарной же экономике роль главного действующего лица принадлежит купцу, а не промышленнику или аграрию. Разница между ними, помимо прочего, заключается в том, что потребность торговых заведений в основных и оборотных средствах существенно ниже, чем предприятий промышленности или агробизнеса. Если для организации торговли подчас не требуются даже отапливаемое помещение и искусственное освещение, то обойтись без них на производстве было невозможно даже в Средние века, не говоря о нашем времени. В таких условиях главный актер базара — купец — не испытывает особой нехватки капитала, а в случае ее наступления относительно легко кредитует, ибо срок оборота капитала в торговле (даже базарной) короче, чем в производстве. К тому же выдача ссуд под залог *ликвидных* товаров не представляется кредиторам рискованной операцией даже в условиях нестабильной экономики, тогда как кредитование инвестиций в оборудование или производственные сооружения может обернуться безвозвратным вложением денег в неликвиды.

Тяготение капиталов к сбытовому сектору и их скудный приток в производящие отрасли приводит к парадоксальному положению: в базарной экономике товары и деньги оказываются в руках примерно одних и тех же лиц. Они не испытывают давления со стороны кредиторов, требующих от субъектов *рыночной* экономики своевременно возвращать взятые в долг средства, а для этого быстрее продавать товары. Поэтому базар не спешит увеличивать скорость оборота и объем продаж, а главной опасностью считает не затоваривание магазинов, а дефицит товаров на их полках.

По той же причине базарная торговля не торопится снижать цены и идет на такой шаг только в крайних случаях — например, в связи с порчей товара, выявлением в нем неустранимого брака, безнадежным моральным устареванием и т. п. Объявляемые предприятиями базарной торговли «сэйлы» и «дисконты» нередко носят фиктивный характер (например, когда на ценнике товара пишется и зачеркивается цена, завышенная даже по нормам

базара, а рядом пишется прежняя, якобы пониженная); они преследуют цель привлечь недалекого покупателя внешним подобием сезонных распродаж, свойственных индустриально развитым рыночным экономикам. Если же купец действительно снижает цену, то величина этого дисконта лучше иных расчетов показывает, насколько произвольным бывает на базаре ценообразование и как велика практикуемая там торговая наценка.

Базарная торговля иначе, чем рыночная, реагирует на покупательский спрос. Даже в случае «нулевого спроса», когда некий товар долго не находит сбыта, купец не спешит сбросить цену на него. Скорее, он попытается оживить потребительский интерес с помощью парадоксального (на первый взгляд) приема: он повысит цену неходового товара. Поступая так, купец вовсе не рискует. На базаре покупатели ведут себя иначе, чем на рынке. Увидев, что товар дорожает, они поспешат приобрести его из опасения, что скоро цена станет совсем недоступной или товар исчезнет вовсе. Иной ход событий — «скоро привезут новую партию того же товара и он заметно подешевеет» — завсегда́тай базара на основании собственного опыта отвергает.

Если сбыт всех товаров падает («отрицательный спрос»), мастера базарной торговли тоже знают прием контригры. Вместо того чтобы предложить покупателю «бюджетный» товар (и тем избежать резкого падения валового объема продаж), купец, напротив, убирает с полок «дешевку», окончательно превращая торговлю в подобие азартной игры «купят — не купят» с вполне предсказуемым результатом «рано или поздно купят» или «все равно купят, когда поймут, что дешевле не будет». Логика такого предвидения проста: кризис в базарной экономике в первую очередь поражает самую уязвимую часть потребительского сообщества — низший средний класс — и меньше затрагивает потребление социальной элиты. На нее и будет ориентироваться толковый купец, терпеливо выжидая оживления хозяйства, когда можно будет выложить товары подешевле.

Если же покупательский спрос на базаре растет, купец тем более спешит поднять цену и объявляет этот шаг проявлением «рыночного закона стоимости». В действительности подлинно рыночная экономика в наши дни отвечает на рост покупательского спроса прежде всего увеличением подвоза товара со складов (в том числе из других стран) или расширением его выпуска. Она способна сделать это достаточно легко и без повышения розничных цен, чреватого потерей производителем своей рыночной ниши. Рынок бывает вынужден поднимать цены лишь тогда, когда быстро подвезти товар или нарастить его производство невозможно или когда спрос растет взрывообразно, принимая характер панических закупок. В современную эпоху управляемого потребительского рынка такие непредсказуемые скачки спроса становятся довольно редкими, так что в странах с рыночной экономикой прямолинейный «закон стоимости» уходит в прошлое. Базар, разумеется, живет именно по этому древнему закону.

Базарная торговля практически не знает конкуренции. Сколько бы продавцов ни появилось на базаре, первоисточник их товаров чаще всего будет одним и тем же: либо пункт таможенного пропуска на государственной границе, либо оптовая ярмарка в крупном городе, либо ограниченное число производственных предприятий. Соответственно и цены товара у оптовых поставщиков не будут существенно различаться. Более того: один из парадоксов базарной торговли состоит в том, что чем больше открывается торговых

точек, тем выше становятся цены: неизменное количество товара приходится «размазывать» по все более длинному прилавку.

Конкуренция на базаре ведется не путем снижения цены, предоставления покупателю гарантий, рассрочки платежа или иными рыночными приемами. Купцы соперничают друг с другом прежде всего с помощью шумной (и зачастую недобросовестной) рекламы, куда более интенсивной, чем в условиях рынка. Громкие вопли зазывал восточных базаров вряд ли можно услышать на шопинг-молах европейских городов. Другое базарное средство привлечь покупателя — дать ему возможность поторговаться и хоть немного сбить начальную цену. Заметим в этой связи, что зрелый рынок, где механизм ценообразования действует с математической точностью, почти не знает такой практики.

Таким образом, базар редко испытывает необходимость снижать цены, зато ищет любые поводы их повысить. Не будет слишком смело утверждать, что базарная экономика неизбежно порождает инфляцию, в раскручивании которой спешит принять прибыльное для себя участие и государство. Оно обоснованно опасается, что в случае промедления с эмиссией вся прибыль от инфляционного налога пройдет мимо казны и достанется торговому миру. В результате совместных усилий государства и бизнеса «рост» базарной экономики сводится к увеличению находящейся в обращении денежной массы и обесцениванию сбережений рядовых граждан. Страх перед инфляцией вынуждает последних приобретать товары не для удовлетворения потребительских нужд, а для спасения содержимого своих кубышек от потери покупательной способности. Заметим в этой связи, что базарная экономика, как правило, не способна создать эффективные инструменты сбережения и приумножения мелких капиталов, поскольку для этого их необходимо вкладывать в чуждые базару *производящие* отрасли народного хозяйства. Банковские учреждения в базарной экономике любым инвестиционным видам деятельности предпочитают выдачу потребительских или, в лучшем случае, ипотечных кредитов, перекладывая на заемщиков задачу приумножения своих активов.

Базар не только устанавливает цены на товары, но и формирует их ассортимент иначе, чем рынок. Как правило, набор товаров в базарной лавке ограничен (даже если лавка называет себя гипермаркетом). Ее продавец нередко не способен подобрать товар, точно соответствующий запросам клиента. Желая побудить его сделать покупку, продавец часто и легко прибегает к обману. Практика сообщения покупателю ложной информации о потребительских свойствах товара сближает акт продажи на базаре с мошенничеством — уголовным преступлением, состоящим в завладении чужими деньгами как раз с помощью введения в заблуждение их прежнего собственника. Заметим попутно, что в типичных для базара условиях отчуждения производителя от продавца последний и сам нередко может заблуждаться относительно свойств продаваемого им товара, так как не имеет достоверной информации о них, и становится мошенником поневоле.

Базарный купец вынужден решать, казалось бы, неразрешимую задачу: продать товар небогатому покупателю и при этом получить огромную торговую наценку. Единственный способ сделать это — закупать у оптовиков товары исключительно дешевые, а потому и некачественные. Базар, в частности, служит идеальным местом для сбыта кустарных изделий, снабженных товарными знаками престижных производителей. Зная

об этом, иные обладатели уважаемых брендов сами налаживают производство дешевой низкосортной продукции в расчете сбыть ее исключительно на базарах: если ненадлежащее качество товара там и обнаружится, его всегда можно будет списать на изготовителей контрафактных изделий, то есть на привычную для базара беду. Заметим в этой связи, что бедность большинства покупателей, свойственная базарной экономике (и зачастую ею же порожденная), определяет ограниченность ассортимента предлагаемых базаром действительно массовых, «народных» товаров. Необычно высокая (в сравнении с рынком) доля здесь принадлежит алкогольным напиткам и табачной продукции. Сбывать товары, потребление которых вызывает у покупателей привыкание, можно и сугубо базарными приемами, не утруждая себя маркетинговой премудростью. Еще одна группа товаров, излюбленная базарными «маркетологами», — продукция, предназначенная для детей, подростков и молодежи, то есть для тех покупателей, которые зачастую не знают меры своим потребительским запросам и не способны сравнить цену товара с его полезными качествами.

Если на рынке действует правило «клиент — король», то на базаре оно просто неуместно. Дело здесь не в последнюю очередь в еще одном парадоксальном свойстве базарной экономики. Ассортимент и объем предложения товара на базаре могут быть сколь угодно скудными, однако там редко ощущается нехватка денег. Их стабильный приток обеспечивает государство, которое в условиях базарной экономики вынуждено использовать свою эмиссионную монополию в качестве надежного средства пополнить казенный доход. В результате продавец зачастую рассматривает акт продажи, то есть обмена своего товара на деньги покупателя, как нечто родственное благотворительности. В самом деле: хрупкое базарное изобилие может разрушить один горный обвал на караванном пути, тогда как поступление денег не прекратится ни при каких обстоятельствах — об этом побеспокоится государственное казначейство. Именно ходовые товары, а не денежные знаки с их «волатильным» курсом нередко играют на базаре роль твердой валюты. Понятно, что, относясь к продаже товара как к рискованному для себя обмену реальной ценности на сомнительную, купец не спешит проявлять подлинное уважение к своим покупателям.

Заметим попутно, что и покупатель на базаре зачастую ведет себя иначе, чем на рынке. Выше уже отмечалось, что мотивом покупок в условиях хронической инфляции может служить стремление сберечь деньги от обесценения путем расходования их на товары, которые человек вряд ли купил бы, будь у него иной надежный способ сохранить и приумножить свои средства. Другим мотивом поведения может служить стремление повысить свой престиж покупкой дорогой, «статусной» вещи. В условиях базара, где потребительский кредит развит слабо, владение такой вещью информирует окружающих о наличии у ее хозяина значительных свободных денежных средств. В условиях рынка обладатель такой вещи скорее намекнет людям о наличии у него значительных *долгов*, что вряд ли укрепит его репутацию. Наконец, «лотерейный» характер появления на базаре многих товаров может толкнуть потребителя на спонтанную покупку без должного учета всех обстоятельств.

Главные действующие лица базарной экономики — купцы — иначе, чем акторы рынка, строят свои отношения не только с покупателями, но и с государством, обществом и наемными работниками. Владельцу фабрики, завода или агрофирмы труднее скрыть свои доходы от казенного налого-

обложения, чем хозяину торгового предприятия. Вынужденный относительно честно делиться прибылью с государством, промышленник рано или поздно начинает требовать от него отчета в расходовании уплаченных им налогов, а затем и своего участия (через органы представительной власти) в их распределении. Поэтому рыночная экономика в конечном итоге формирует демократическую государственность, основа которой — взаимовыгодные и прозрачные для обеих сторон отношения налогоплательщика и налогоплательщика, подчиненные нормам кодифицированного права. В такой системе уважение государства к обществу диктуется зависимостью казны от налоговых платежей множества экономически самостоятельных граждан и юридических лиц.

Напротив, купец, чьи доходы в абсолютном исчислении не идут в сравнение с прибылями промышленника, предпочитает «целевую» схему расчета с государством: он уклоняется от уплаты налогов, однако не жалеет денег на взятки тем чиновникам, от которых напрямую зависит ход его дела. Поэтому коррупция, «бакшиш» свойственны базарной экономике в гораздо большей степени, чем рыночной; они дополняют легальную систему налогообложения (зачастую весьма слабую), превосходя ее по эффективности платежей («из рук в руки»), а нередко и по объему циркулирующих «в тени» средств. С другой стороны, владелец мелкого торгового предприятия куда более беззащитен, чем крупный промышленник, перед вымогательством со стороны государственных служащих или преступных организаций, нередко действующих под тайным покровительством тех же чиновников. Базар и рэкет поэтому так же взаимосвязаны, как базар и бюрократия.

Последнее замечание не случайно. Упомянутое выше недофинансирование производящих отраслей, типичное для базарной экономики, почти неизбежно ведет к раздуванию государственного аппарата. В условиях, когда ни промышленность, ни торговля не способны занять сколько-нибудь существенное число работников (первая — по причине своей слабости, вторая — по отсутствию потребности в многочисленном персонале), именно государство вынуждено становиться главным работодателем в стране, особенно если механизация сельского хозяйства высвободила массу рабочих рук в деревне. Заметим, что в таком «государстве-нанимателе» институты демократического общества не могут стать полноценными: наемный работник (он же государственный служащий) не вправе претендовать на управление тем «предприятием», в котором он получает жалование и дисциплинарным порядком которого подчинен. Поэтому базар неизбежно служит опорой бюрократических систем власти, где демократические институты и процедуры носят в лучшем случае внешний, ритуальный характер.

Таким политическим системам трудно строить отношения с хозяевами крупных промышленных предприятий, имеющими право сказать, подобно Ч. Уилсону: «Что хорошо для *Дженерал Моторс*, хорошо и для нашей страны». Государство, служащее источником средств жизни для значительной части населения, не испытывает необходимости играть роль арбитра между многими центрами силы и стремится не допустить их появления в обществе. Его предпочтительные объекты управления — расплывчатые, атомизированные владельцы небольших торговых заведений, не способные на согласованные действия и зависимые от благосклонности множества чиновников, которые, кстати, одновременно выступают их главными покупателями и заказчиками. В свою очередь, базарные ком-

мерсанты признают силу и богатство такого государства и (в дополнение к коррупционным связям) заключают с ним «личную унию» — сами поступают на казенную службу или роднятся с семьями чиновников, фактически передающих свои должности по наследству.

Государство, опирающееся на базарную экономику и содержащее значительный контингент служащих, неизбежно приобретает избыточно централизованный и нередко военизированный характер. В самом деле: важнейшими источниками средств такого государства служат таможенные сборы и прибыль от денежной эмиссии. Подобные виды деятельности по определению неподконтрольны местной власти. Доходы от них поступают в центральную казну и оттуда распределяются на периферию. В результате территориально-административные образования живут преимущественно за счет общенационального бюджета, а их правовая автономия становится иллюзорной. В таком государстве разделение властей по горизонтали — между столицей и провинциями — в лучшем случае носит декоративный характер. Централизация власти диктуется также необходимостью управлять многочисленным аппаратом государственных служащих, в частности — перемещать их из одного региона в другой по мере открытия новых вакансий.

Вынужденное содержать за свой счет немалое число наемных работников, государство из всех видов казенной службы отдает предпочтение военной или военизированной. Она дает средства к жизни наиболее активной части населения — мужчинам молодого и среднего возраста, безработица среди которых могла бы иметь самые неблагоприятные политические последствия. Опасный характер такой службы оправдывает ранний выход с нее на пенсию, что обеспечивает ускоренное (по сравнению со штатской службой) освобождение вакансий и служебное производство. Секретность, кажущаяся неизбежным атрибутом режимных ведомств, избавляет руководство страны от необходимости предавать огласке численность их личного состава и величину реальных расходов на его содержание. При этом военная и иные чрезвычайные службы нечасто дают обществу возможность доподлинно проверить необходимость содержать их, подобную, например, войне или стихийному бедствию; однако даже записные критики режима не станут желать наступления таких событий. По этой же причине основанием получения следующего чина на военизированной службе становится легко исчисляемый стаж, а не количество и качество труда служащего, объективно оценить которые невозможно до наступления чрезвычайной ситуации; подобная ясность порядка продвижения по службе представляется некоторой гарантией от фаворитизма и коррупции. Вдобавок ко всему, блеск пусть лишь нескольких парадных полков прибавляет уверенности в собственных силах лидерам такого государства, нередко втайне страдающим от отсутствия народного мандата на свою власть или от сравнения со странами, имеющими рыночную экономику; история Африки или Ближнего Востока во второй половине XX века (не упоминая уже нынешнюю КНДР) дает тому немало примеров.

В заключение вернемся от политических вопросов к социальным. В этой связи заметим, что акторы базарной и рыночной экономик по-разному строят отношения с работниками собственных предприятий. Вынужденный отвечать за благополучие крупного трудового коллектива, промышленник так или иначе решает его социальные проблемы — пусть и медленнее, чем того хочется иным левым политикам. Он, в частности, делает отчисления в фонды медицинского и пенсионного страхования,

финансирует образовательные программы с целью получить необходимых производству подготовленных рабочих и т. д. Купец, предприятие которого обходится минимальным и малоквалифицированным персоналом, гораздо более склонен перекладывать решение социальных проблем на государство или на самих работников.

В силу той же причины — существенного различия в числе занятых — промышленник вынужден строже соблюдать нормы трудового права, чем купец, ибо нередко имеет дело с организованным профсоюзным движением. Крошечный трудовой коллектив купеческой лавочки практически бесправен перед хозяином. Низкая квалификация большинства работников торговли делает их легко заменимыми в случае увольнения за строптивость. В то же время примитивно организованный базар (в отличие от производства) дает наемному работнику возможность «выбиться в люди», стать владельцем собственного дела. «Реализатор», «дистрибьютор», «промоутор» или «мерчендайзер», который накапливает первоначальный капитал путем обмана хозяина, подавно не станет возражать против нарушения им своих трудовых прав.

Подведем некоторые итоги. По мнению автора, базар как *экономический* феномен характеризуется незначительным («преддефицитным») объемом предложения товаров, произвольным установлением цен с тенденцией к их росту при любой динамике спроса, ограниченным ассортиментом и низким качеством товаров (при их внешнем изобилии), отчуждением производителя от покупателя. Базар сдерживает развитие производящих отраслей экономики — как тем, что маскирует кажущимся изобилием ограниченность предложения товаров, так и тем, что приносит купцу гораздо больше прибыли на гораздо более скромный капитал, чем промышленнику. Как *общественно-политический* феномен базар служит опорой гипертрофированно централизованного военно-бюрократического государства с высоким уровнем коррупции, носящей институциональный характер. Права наемного работника, а также потребителя в условиях базарной экономики не получают должной защиты, а их соблюдение зависит от воли предпринимателей и чиновников.

При этом автор вовсе не утверждает, будто базар — это всегда плохо, а рынок — неизменно хорошо. Думать так было бы несправедливо уже потому, что базар исторически предшествует рынку. Базар возник на заре цивилизации и сохранял свою исключительную роль едва ли не до середины XIX столетия. Только тогда прогресс техники позволил относительно дешево производить и перемещать значительные массы товаров, а также оперативно информировать промышленников о запросах покупателей. Базарная экономика и в наши дни широко представлена, например, в странах Ближнего Востока, тропической Африки, Центральной Америки, Южной Азии. Более того: именно базар, а не рынок пришел на смену плановой экономике в государствах, до 1991 года входивших в состав СССР.

Советская экономика 1930—1980-х годов была не только не рыночной, но даже не базарной. Задачу удовлетворения покупательского спроса она откладывала на дальнюю перспективу («до полного развития отраслей группы А»), а необходимые для этого товары пренебрежительно называла ширпотребом. Фактически это означало признание планового хозяйства в своей неспособности дать народу то, что он хотел. Если в условиях экономической монополии государства чиновникам еще удавалось как-то управлять *производством*, то спланировать *потребление*, а тем более — заставить советских

граждан за собственные деньги выполнять казенные планы по этому показателю было невозможно. В итоге реальный социализм оставил в наследие 1990-м годам уже не дефицит, а настоящий товарный голод, казавшийся многим современникам неутолимым. Только постсоветский базар дал миллионам людей возможность выбирать товары невиданного прежде разнообразия. Разумеется, издержки базара в республиках бывшего СССР проявились в той же мере, как и в любой стране. Среди последствий замены плановой экономики на базарную — деиндустриализация хозяйства, криминализация общества, неслыханный рост коррупции в органах власти, фактическая утрата «новонезависимыми» государствами экономического суверенитета.

Впрочем, элементы базара встречаются даже в тех странах, чья экономика в целом носит вполне рыночный характер. Как ни странно, иные базарные предприятия там даже считаются престижными и уважаемыми. Базар «рядом с рынком» существует, как правило, тогда, когда предложение товара по разным причинам носит непостоянный, прерывистый, непредсказуемый характер. Самый яркий пример такого базара — вторичный «рынок» недвижимости или торговля подержанными автомобилями. Здесь колебания предложения почти всегда непредсказуемы, а обсуждение цены нередко начинается с безбожного запроса продавца. Высшая форма такого базара — торговля антиквариатом или произведениями искусства. Примечательно, что в этих секторах меньше «базара» и больше «рынка» там, где масса вновь поступающего товара значительно больше: например, в торговле произведениями современной живописи ценообразование более прозрачно, чем при продаже работ старых мастеров, где не обойтись без аукциона — едва ли не самого капризного механизма установления баланса между спросом и предложением.

Базаром, по сути, можно признать даже такой культовый институт рыночной экономики, как биржа, по крайней мере — фондовая. Соотношение спроса и предложения на ней очень часто меняется непредсказуемо, а котировка иных ценных бумаг основана на ложной информации их эмитентов, на спекулятивной скупке бумаг подставными лицами или на неоправданных ожиданиях покупателей. Впрочем, от признаков базара не свободны и товарные биржи: резкие и непредсказуемые колебания цены на нефть доказывают это с достаточной убедительностью.

Помимо «легального» базара, неотъемлемой частью вполне рыночных экономик остается оборот *нелегальных* товаров, прежде всего — наркотиков, объем сбыта которых в индустриальном мире соизмерим с продажами самых массовых легальных товаров. Очевидно, что вопреки усилиям наркомафии (но благодаря усилиям наркополиции) поступление товара на этот «рынок» носит непредсказуемый характер, а потому и формы торговли им, и ценообразование, не говоря уже о качестве продукта, остаются вполне базарными.

В заключение хочется заметить, что базар и рынок не разделены непреодолимой стеной. Базар способен (при наступлении ряда условий) эволюционировать в рынок; последний, в свою очередь, может превратиться в базар. В иных случаях базар и рынок могут сосуществовать в разных регионах одной страны и даже в рамках одного предприятия.

По мнению автора, все это требует углубленного изучения базара как вполне самостоятельного экономического феномена.

В. Л. Черноперов

**ЯПОНИЯ И ЯПОНЦЫ В ДОНЕСЕНИЯХ ПЕРВОГО
СОВЕТСКОГО ПОЛНОМОЧНОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЯ
В СТРАНЕ ВОСХОДЯЩЕГО СОЛНЦА В. Л. КОППА
(по материалам Архива внешней политики
Российской Федерации)**

Дипломатическая деятельность первого полпреда СССР в Японии Виктора Леонтьевича Коппа изучена фрагментарно [5, с. 156—160; 10, с. 80, 81, 84; 13; 15, р. 213, 214, 219—222, 320—321, 343—345]. В имагологической плоскости изучение его донесений делает лишь первые шаги [11]. Частично восполнить лакуну призвано настоящее сообщение. Его цель — исследовать отражение в докладах В. Л. Коппа Страны восходящего солнца и ее жителей.

Хронологически работа охватывает период с весны 1925-го по весну 1926 г., т. е. время нахождения дипломата в Японии. Основу ее источниковой базы составили доклады Коппа, отложившиеся в Архиве внешней политики РФ (АВП РФ), фонде секретариата наркома иностранных дел РСФСР/СССР Г. В. Чичерина (Ф. 04). Преимущественно это машинописные подлинники, напечатанные на бумаге с логотипами полномочного представительства СССР в Японии. Обычно они снабжены порядковым номером. Некоторые доклады имеют собственные названия. Большая часть документов содержит ручную правку Коппа, его характерную подпись, а также пометы, сделанные читателями сообщений. Копии среди донесений редки. Кроме фонда Чичерина, в работе использованы документы, отложившиеся в фонде референтуры полпредства СССР в Японии (Ф. 146) и личном деле Коппа в управлении кадрами НКВД. Помимо материалов АВП РФ, нами были привлечены документы из Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), публикации дипломатических документов, мемуары и пресса.

Копп был назначен полпредом СССР в Японии постановлением Политбюро ЦК РКП(б) от 25 февраля 1925 г. [9, д. 490, л. 2]. Далее решение прошло через коллегия НКВД СССР, ЦИК СССР и СНК СССР [1, л. 53, 54, 57, 61]. Более чем за месяц до этого события, 20 января 1925 г., представители Москвы и Токио в Пекине подписали Конвенцию об основных принципах взаимоотношений между СССР и Японией, которая устанавливала между странами полномасштабные дипломатические отношения [7, с. 70—77].

Выдвижение Коппа на пост полпреда было обусловлено рядом факторов. Во-первых, опытом переговорщика, приобретенным в 1919—1924 гг. на встречах с руководителями ведущих стран Европы. Во-вторых, высоким положением в структуре Наркоминдела (член коллегии и уполномоченный НКВД при Совнарком РСФСР). В третьих — знанием немецкого и особенно английского и французского языков, на которых МИД Японии, как свидетельствуют источники, вел нотную переписку с советским полпредством в Токио. Кроме того, смеем предположить, что на выбор повлияло противостояние главы НКВД Г. В. Чичерина с его заместителем М. М. Литвиновым,

расколовшее аппарат наркомата. Копп обычно поддерживал последнего [4, с. 146; 6, с. 100]. Правда, не всегда. Ситуацию внутри НКВД не следует упрощать. Известны случаи, когда руководители НКВД объединялись и Копп оказывался в оппозиции к ним обоим. Однако неоспоримо, что противостояние в Наркоминделе существовало. Литвинов, сконцентрировавший к 1924 г. в своих руках европейскую политику, хотел укрепить контроль и над азиатским направлением, которое Чичерин сохранял за собой, опираясь на полпреда СССР в Китае Л. М. Карахана. В создавшейся ситуации Литвинову делегирование «своего человека» (Коппа) в Токио позволяло ослабить противостоящий тандем и осуществить задуманное. Нарком иностранных дел, в свою очередь, ничего не имел против отъезда из Москвы сильного союзника своего оппонента.

4 марта 1925 г. император Японии дал согласие на назначение Коппа полпредом [3, п. 8, д. 14, л. 8]. В апреле были изготовлены верительные грамоты [1, л. 60] и дипломат выехал в Токио [3, п. 8, д. 14, л. 24]. По пути следования японцы оказывали Коппу «исключительно любезный» прием [2, п. 299, д. 54400, л. 9]. В столицу Страны восходящего солнца он прибыл 24 апреля 1925 г. [1, л. 62], а уже через два дня направил в Москву первое обстоятельное донесение.

При анализе государственного устройства и внутривнутриполитической жизни Японии Копп отмечал особое место императора и его семьи. Монарх обожествлялся, что было закреплено Конституцией 1889 г. Согласно японской традиции первый император Джиму (Джимму), вошедший на престол в 660 г. до н. э., вел родословную от богини Солнца Аматэрасу, что ставило его государство под защиту синтоистских божеств. На момент прибытия Коппа в Токио с императорами были связаны 8 из 10 главных праздников страны (11 февраля — восшествие на трон императора Джиму, 21 марта — весеннее поклонение духам императоров, 3 апреля — день смерти императора Джиму, 30 июля — день смерти императора Мэйдзи, 31 августа — рождение правящего императора (Тайсё), 23 октября — осеннее поклонение духам императоров, 31 октября — празднование рождения правящего императора, 31 ноября — преподнесение императору первого урожая) [3, п. 8, д. 6, л. 147]. При Коппе, в связи с болезнью императора Тайсё, фактическим главой правящего дома был его старший сын принц-регент Хирохито (будущий император Сёва). Именно он 5 мая 1925 г. принял верительные грамоты советского полпреда. Сама церемония, по словам Коппа, носила «традиционный характер» [2, п. 299, д. 54400, л. 28], но одно обстоятельство придало ей в глазах японской общественности и местного дипломатического корпуса известную пикантность. В Токио на встречу с эмиссаром большевиков, который приехал без супруги, прибыла вдовствующая императрица, что явилось существенным отступлением от обычных правил, принятых в императорском доме [2, п. 299, д. 54400, л. 28]. Позже Копп сообщал: «При строжайшем формализме, царящем при японском дворе, каждый из знаков внимания имеет... серьезное политическое значение. Мне же были оказаны исключительные знаки внимания» [2, п. 299, д. 54400, л. 35]. После вручения верительных грамот полпред побеседовал с принцами Канъином (Канином) Котохито и Насимото Морисава [2, п. 299, д. 54400, л. 36].

Копп почти всегда сообщал Москве о японской монархии в почтительных выражениях, хотя сам с юности участвовал в социал-демократическом движении и сыграл заметную роль в падении российского самодержавия [8,

с. 451; 12, с. 40—56]. Демонстративно дружеское расположение к императорскому дому дипломат в одном из донесений объяснял громадным значением, «которое отводится здесь (в Японии. — В. Ч.) элементам внешней формы и впечатлению, вызываемому данной личностью» [2, п. 299, д. 54400, л. 34]. Кстати, таким поведением Копп игнорировал одно из постановлений Политбюро ЦК РКП(б) от 5 ноября 1924 г. Тогда партийный ареопаг установил провести как решение Президиума ЦИК СССР подготовленный Л. Д. Троцким документ, в котором говорилось о необязательном соблюдении большевистскими полпредами «тех или других внешних обрядностей, связанных обычно с положением дипломата, но не вытекающих из него», например, возможном уклонении «от участия в манифестациях, имеющих монархический и вообще чуждый советскому строю характер» [9, д. 473, л. 1, 7].

Доброжелательный образ японской монархии, созданный Коппом, на наш взгляд, во многом объясняется его прагматизмом. Скандально известный дипломат-невозвращенец Г. З. Беседовский называл этого полпреда европейски образованным, гибким политиком-реалистом, всегда ищущим компромисс и «в глубине души иронически» посмеивающимся над революционными экспериментами Коминтерна [4, с. 146]. У Коппа не вызывало сомнений, что умаление им императорского дома чревато срывом курса на укрепление двусторонних отношений.

Несмотря на вышеотмеченное решение Политбюро, нами не выявлено фактов негативного реагирования Москвы на встречи Коппа с представителями императорского дома. Неожиданный удар нанесла другая сторона. По сообщению Коппа, в самурайском обществе Юсикай как оскорбление восприняли общение полпреда с принцами крови на равных. Его представители потребовали, чтобы дипломат «принес извинение в своем преступлении» и «возвратился обратно в свою страну» [2, п. 300, д. 54437, л. 77]. За неподчинение угрожали расправой. Копп, осознавая реальность угрозы, предпринял превентивные меры защиты и направил министру иностранных дел Японии ноту с подробным изложением инцидента [2, п. 300, д. 54437, л. 74—77].

Изучая политическую элиту Японии, Копп неоднократно отмечал ее корпоративность и закрытость. Данное обстоятельство вело к тому, что борьба партий в прессе или парламенте часто уходила на второй план перед закулисными встречами в многочисленных структурах, связанных с правящим домом. Правда, к весне 1926 г., согласно Коппу, корпоративность стала уступать место парламентской публичности. Законодательный орган все увереннее ставил под контроль и правительство, и корону, низводя последнюю до «роли чисто декоративной» [2, п. 300, д. 54437, л. 67]. Существенную поддержку парламенту оказывала пресса. Кроме того, ожидавшийся закон о всеобщем избирательном праве способствовал активизации и ужесточению партийной полемики [2, п. 300, д. 54437, л. 85—86].

Стратификацию японской элиты Копп проводил либо по принадлежности к кланам (Чошу и Сацума), либо по роду занятий, обращая особое внимание на армию и военных, чье влияние определял как могущественное [2, п. 299, д. 54400, л. 36].

По словам полпреда, японские вооруженные силы отличали высокая боеготовность и всеобщая поддержка населения [2, п. 300, д. 54437, л. 9]. Сограждане видели в армии силу, которая, победив в 1904—1905 гг. одного из мировых акторов — Россию, позволила Стране восходящего солнца войти

в число великих держав [2, п. 300, д. 54437, л. 10]. «...Японская армия, — писал полпред, — является детищем нации, и только решительное поражение на поле битвы могло бы сломить ее дух и разорвать ее связь с населением» [2, п. 300, д. 54437, л. 9]. Представляется, что именно любовь японцев к своим вооруженным силам поставила барьер, не позволивший советским эмиссарам в середине 1920-х гг. проникнуть в структуры императорских вооруженных сил, о чем сообщали сотрудники полпредства [2, п. 300, д. 54437, л. 92, 52].

Согласно Коппу, вера населения Страны цветущей сакуры в армию привела к тому, что японцы, включая крестьян и рабочих, не опасались лишений, порожденных войной, наоборот, она обещала им материальные выгоды [2, п. 300, д. 54437, л. 9—10].

В первые месяцы пребывания в Токио полпред в высшем армейском командовании Страны восходящего солнца выделял две группы. К первой относилось военно-морское ведомство, где к Коппу и СССР проявляли «особое благорасположение», выразившееся, в частности, в поддержке идеи перелета советских летчиков в Токио, а японских — в Москву [2, п. 299, д. 54400, л. 35]. Как известно, данный проект был осуществлен [3, п. 8, д. 6, л. 122—125]. По-иному к советскому дипломату относились высшие офицеры сухопутной армии Японии. При вручении верительных грамот они демонстративно держались в стороне [2, п. 299, д. 54400, л. 36]. Копп объяснял такое поведение тем, что высшее командование рассматривало вывод своих войск из Приморья и Северного Сахалина как «потерю лица».

Оценки военных и, шире, многих политиков Японии у В. Коппа начали меняться к концу 1925 г. В это время советско-японские отношения обострились из-за споров по Маньчжурии и поддержки Советским Союзом национального и революционного движений в Китае. Копп в конце 1925 г., напомнив Москве, что позиция Токио в отношении Кремля «является производным от китайских событий» [2, п. 304, д. 54521, л. 9], в начале 1926 г. предупредил, что в Стране восходящего солнца теперь все чаще говорят о большевистском государстве как угрозе жизненным интересам, как о враге, война с которым не просто вероятна, но при известных условиях неизбежна [2, п. 300, д. 54437, л. 1, 7, 15]. Во главе антисоветских настроений стояли военные, настаивавшие на сокрушительном ударе по СССР в ближайшее время [2, п. 300, д. 54437, л. 2]. Причем теперь в эту группу вошла и часть офицеров ВМФ. Угроза для Москвы была реальной, ибо милитаристы имели широкие связи при дворе, в высшей бюрократии, палате пэров, провинциальном дворянстве и колониальной администрации [2, п. 300, д. 54437, л. 1—2].

Характеризуя внутреннюю политику Японии, Копп и сотрудники его миссии отмечали умелые действия правящей элиты, которая обеспечивала общественную стабильность путем одновременных уступок профсоюзному движению и жесткого преследования левых сил [2, п. 299, д. 54401, л. 32—39, 64—65; п. 300, д. 54437, л. 67—68]. В этой связи дипломаты предостерегали большевистское руководство как от проведения прямых параллелей между современной ситуацией в Стране восходящего солнца и Россией кануна революции 1905 г. [2, п. 300, д. 54437, л. 53, 67], так и от надежд на действенную поддержку политики СССР «местными товарищами» [2, п. 300, д. 54437, л. 94]. Копп настаивал, чтобы Москва при выстраивании курса в отношении Токио учитывала тот факт, что Япония не только империалистическое государство, но и страна «цветного востоčno-

го народа», который борется за свое существование. Данное обстоятельство требовало предупредительности «во всех вопросах, в которых наши интересы не задеты, в которых наши уступки будут льстить японскому национальному самолюбию» [2, п. 299, д. 54400, л. 38—39].

В донесениях Коппа создана также запоминающаяся галерея политико-психологических портретов элиты Страны восходящего солнца. Без сомнения, это результат знаний, полученных им лично в Вене у всемирно известного психоаналитика З. Фрейда. Продолжив изыскания в этой области, Копп позже сам получил научное признание. В 1924 г. его избрали вице-президентом общества советских психоаналитиков (подробнее см.: [14]) и вскоре пригласили на торжества по случаю 200-летия АН СССР [3, п. 10, д. 38, л. 14].

В копповской галерее выделяются образы Гото Симпэйя, генерала Танака Гиити, сотрудников МИД Японии во главе с министром Сидэхара (Шидехара) Кидзюро.

О виконте Гото — с 1906 г. председателе правления Южно-Маньчжурской железной дороги, министре иностранных дел в период японской интервенции в Советскую Россию, лорд-мэре Токио в 1920—1923 гг. и министре внутренних дел в 1923—1924 гг., сыгравшем важную роль в подготовке советско-японской конвенции 1925 г., — ко времени появления Коппа в Японии сложилось устойчивое мнение как об одном из «сильнейших кандидатов» в премьер-министры или министры иностранных дел [2, п. 299, д. 54400, л. 27]. Однако полпред, оценив обстановку на месте, пришел к выводу о преувеличенности этих надежд. Гото «при всей своей популярности... — писал он в Москву, — является для профессиональных партийных лидеров не совсем приемлемой фигурой. Его считают слишком самостоятельным, слишком склонным к персональным аллюрам в политике» [2, п. 299, д. 54400, л. 48]. Как показала дальнейшая карьера виконта, Копп оказался прав. Гото до кончины в 1929 г. никогда не приглашался в правительство, хотя и продолжал играть важную роль в общественно-политической жизни страны и расширении связей с СССР. При этом его русофильство имело границы. По замечанию Коппа, Гото не мыслил себе нормальных отношений с СССР без договоренности по маньчжурскому и китайскому вопросам [2, п. 300, д. 54437, л. 5].

Образ генерала Танака — японского героя войны с Россией 1904—1905 гг. и военного министра в 1923—1924 гг., который после выведения в резерв занялся активной политической деятельностью, возглавив правую партию «Сэйюкай», — в донесениях Коппа постоянно эволюционировал. До знакомства полпред знал о военачальнике только то, что тот «слышет американофилом» [2, п. 299, д. 54400, л. 49]. При личной встрече он разглядел в нем видного политика, немного знающего русский язык и обладающего манерами «старого военного с большим политическим кругозором» [2, п. 299, д. 54400, л. 78]. Позже Копп характеризовал отставного генерала как оппортуниста с сильной волей и большим честолюбием [2, п. 299, д. 54400, л. 132], выступавшего против проанглийских тенденций в японской политике [2, п. 300, д. 54437, л. 5]. «Танака... — писал полпред, — чувствует себя призванным играть роль диктатора Японии, во многом напоминает Муссолини» [2, п. 299, д. 54400, л. 132]. В отношении Москвы отставной генерал стоял на платформе «открыто договариваться или открыто драться» [2, п. 300, д. 54437, л. 4]. Причем сам себя Танака позиционировал сторонником сбли-

жения с СССР [2, п. 299, д. 54400, л. 133], считая, что с большевиками можно найти компромиссные решения (прежде всего по Маньчжурии) [2, п. 299, д. 54401, л. 50—51; п. 300, д. 54437, л. 3—4, 5—6, 14 и др.]. В связи с копповскими оценками отставного генерала отметим, что для большинства современных читателей они весьма неожиданны, ибо этот военачальник им известен прежде всего как автор пресловутого «меморандума Танака» (июль 1927 г.), который обычно трактуется как внешнеполитическая доктрина установления японского господства, сначала регионального, а затем и мирового.

Министр иностранных дел Сидехара Киндзюро произвел на советского дипломата «впечатление не глупого, но [и] не слишком умного человека», с хорошим знанием английского языка и весьма плохим французским [2, п. 299, д. 54400, л. 25]. Его заместителя Дэбути (Дебучи) Кацудзи Копп назвал «весьма гибким и умным человеком» [2, п. 299, д. 54400, л. 27]. Этот японский дипломат уже при первых контактах просил советского полпреда «считать его другом, встречаться с ним запросто и обращаться к нему по всем интересующим нас вопросам». Эти заявления и личные наблюдения позволили Коппу сделать вывод: «Дэбути, несомненно, будет делать карьеру на сближении между СССР и Японией» [2, п. 299, д. 54400, л. 25, л. 27]. Впоследствии эти слова во многом подтвердились.

Копп оставил также немало свидетельств об увлечениях жителей Страны восходящего солнца. Одним из них была фотография, которой занимались представители всех слоев общества. Кстати, это хобби привело к трагикомической ситуации в советско-японских отношениях. Бдительные сотрудники ОГПУ арестовали по подозрению в шпионаже японца, который фотографировал, путешествуя по Транссибирской железной дороге. Копп, разбирая конфликт, с сарказмом отписал в Москву: «Обращаясь к японской практике, должен указать, что здесь разрешено фотографировать всем и каждому все, что он пожелает... при условии, что объект не расположен в запретных зонах» [2, п. 299, д. 54401, л. 19].

Свои пристрастия были и у императорской семьи. Так, Хирохито интересовался нумизматикой. Копп использовал это для укрепления своего положения, подарив принцу-регенту коллекцию советских монет, которая была с почтением принята [2, п. 299, д. 54400, л. 78; 3, п. 8, д. 5, л. 29; д. 8, л. 18].

В заключение отметим, что донесения полпреда Коппа из Японии были информативны и создавали объемную картину жизни Страны восходящего солнца и ее населения в середине 1920-х гг.

Библиографический список

1. АВП РФ (Архив внешней политики Российской Федерации). Ф. УК (Управление кадрами). П. 75. Д. 3194 (В. Л. Копп).
2. АВП РФ. Ф. 04 (Секретариат Г. В. Чичерина). Оп. 49.
3. АВП РФ. Ф. 146 (Референтура по Японии). Оп. 8.
4. *Беседовский Г. З.* На путях к термидору. М. : Современник, 1996. 460 с.
5. *Васильева Н. Ю.* Деятельность НКВД на азиатском и американском направлениях во второй половине 20-х — начале 30-х гг. // Очерки истории Министерства иностранных дел России, 1802—2002 : в 3 т. М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2002. Т. 2.
6. «Диктатура языкочещущих над работающими» : последняя служебная записка Г. В. Чичерина // Источник. 1995. № 6. С. 99—116.
7. Документы внешней политики СССР. М. : Госполитиздат, 1963. Т. 8. 862 с.

8. *Копп В. Л.* Автобиография // Деятели СССР и революционного движения России : Энцикл. слов. Гранат. Репр. изд. М. : Сов. энцикл., 1989. С. 452—453.
9. РГАСПИ (Российский государственный архив социально-политической истории). Ф. 17. Оп. 3.
10. СССР и Япония / Л. Н. Кутаков и др. ; отв. ред. И. А. Латышев. М. : Наука, 1987. 426 с.
11. *Черноперов В. Л.* Советский полпред в Токио В. Л. Копп о дипломатическом корпусе в Стране восходящего солнца : (по материалам Архива внешней политики Российской Федерации) // Национальный / социальный характер. Археология идей и современное наследство : материалы Всерос. науч. конф., Н. Новгород, 30 сент. — 2 окт. 2010 г. М. : ИВИ РАН, 2010. С. 183—184.
12. *Черноперов В. Л.* Дипломатическая деятельность В. Л. Коппа в Германии в 1918—1921 гг. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2006. 436 с.
13. *Черноперов В. Л.* Первые шаги советской дипломатии в Стране восходящего солнца (деятельность полпреда СССР в Японии В. Л. Коппа в мае 1925 г.) // Вест. Иван. гос. ун-та. Сер.: История. Философия. Психология. Педагогика. 2006. Вып. 2. С. 26—36.
14. *Etkind A. M.* The Reception of Psychoanalysis in Russia until the Perestroika // Psychoanalysis international: a guide to psychoanalysis throughout the world. Stuttgart ; Bad Cannstatt, 1995. Vol. 2.
15. *Lenzer G. A.* Japanese Recognition of the USSR: Soviet-Japanese Relations 1921—1930. Tokyo, 1970.

ПОЛИФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ МОРФОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ КАК ОСНОВА АНАЛИТИЗМА РУССКОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

Современная лингвистика все чаще обращает внимание на активные процессы, происходящие в русском языке. Одним из таких процессов является усиливающаяся тенденция к аналитизму, затрагивающая все уровни системы языка [8, с. 9].

Русский язык относится к языкам синтетического типа: грамматические значения в нем выражаются внутри слова, в отличие от языков аналитического типа, в которых эти же значения выражаются с помощью служебных слов (артиклей, вспомогательных глаголов, предлогов) и порядка слов в предложении. Основной признак аналитических единиц заключается в том, что «у них грамматическое значение передается вне пределов данного слова, то есть средствами контекста (в широком смысле слова)» [8, с. 11].

Первые признаки аналитизма в русском языке были замечены сравнительно недавно, в XVIII веке, когда начали появляться несклоняемые существительные [5]. В конце 60-х годов XX века М. В. Пановым была высказана гипотеза об усилении в русской морфологии тех признаков, которые характерны для языков аналитического строя [8, 6]. В одной из работ им было обосновано формирование новой части речи — класса аналитических прилагательных, реализующих свои грамматические свойства вне словоформы средствами контекста (т. е. аналитически) [6].

Вместе с тем в морфологическом строе современного русского языка есть и «островки», и целые «материки» аналитизма [2, с. 86]. Это прежде всего наречия, модальные слова, служебные слова, междометия, звукоподражания.

Наиболее ярко тенденция к аналитизму в русском языке проявляется в функционировании разговорной речи (РР). Исследователи РР выявили целые классы неизменяемых знаменательных слов: предикативы, аналитические прилагательные и релятивы [9, 1].

Если для кодифицированного русского языка (КЛЯ) аналитизм — это всего лишь нарождающийся процесс, то для системы РР это уже состоявшийся факт. Именно тенденция к аналитизму представляет собой одно из важнейших отличий РР от КЛЯ.

Наиболее ярко, последовательно и разнообразно черты аналитизма проявляются в синтаксисе РР. В кодифицированном языке смысловые отношения между единицами языка обычно выражаются специальными синтаксическими средствами: предложно-падежными формами, союзами и союзными словами. В разговорной речи роль таких синтаксических средств не столь велика: в ней смысловые отношения между словами и предикативными

конструкциями могут устанавливаться на основе лексической семантики соединяемых компонентов, средствами контекста. Смысловые связи преобладают над формально-грамматическими [10, s. 78], например:

— *Я в парк / воздуха хочется / иду* // (ср. в КЛЯ: — *Я очень хочу подышать свежим воздухом, поэтому пойду в парк*, или — *Я иду в парк, так как хочу подышать воздухом*; — *Я хочу пойти в парк подышать свежим воздухом*, — *Я пойду в парк, чтобы подышать свежим воздухом* и т. п. Причинно-следственные, целевые отношения выражаются синтаксическими средствами: аналогом союза *поэтому*, инфинитивом при глаголе движения, союзами *так как*, *чтобы*);

— *Мои книги / на столе лежали / ты не видела?* (ср.: — *Ты не видела мои книги, которые лежали на столе?*).

Аналитизм РР во многом определяется внешними, экстралингвистическими условиями ее существования. Спонтанность РР, опора на ситуацию, общность апперцепционной базы говорящих, участие невербальных средств общения приводят к тому, что в РР широко используются синтаксические конструкции, в которых связи между компонентами выражаются не с помощью морфологических показателей, а лишь соположением единиц, интонацией, жестами, мимикой, то есть аналитическим способом. Смысл высказывания становится понятным не благодаря синтаксическим связям между языковыми единицами, а благодаря включенности этих высказываний в широкий прагматический контекст:

— *Ты куда?*

— *Я лекция 11.30* //.

В этих случаях чаще всего используются синтаксически независимые формы слова — это **именительный падеж существительного** и **инфинитив**. На их примере и покажем развитие черт аналитизма РР.

Независимый характер этих словоформ приводит к их широкой полифункциональности, контекстуальной и конситуативной обусловленности.

Функционирование именительного падежа существительных

Среди падежных форм имен существительных наиболее частотны формы именительного падежа. Исследователи РР говорят даже об экспансии этой падежной формы [3, 4]. Именительный падеж встречается в разговорной речи в любых предложных и беспредложных позициях и выступает в роли других падежей:

— *Лекция последняя я сейчас иду* // (вм. В. п.: — *Я иду на последнюю лекцию*);

— *Колбаска свежая я сейчас куплю* // (вм. В. п.: *колбаску свежую*);

— *А рассольник половина нельзя взять?* (вм.: *половину рассольника*);

— *Морфемика / папка лежала / где?* (вм.: *папка по морфемике...*)

Полифункциональность именительного падежа вызвана тем, что он является немаркированным членом парадигмы, в то время как в КЛЯ все падежи маркированы. Широкое использование связей типа примыкания, построение высказываний на ходу, нередко по принципу ассоциативного присоединения, ослабляет роль косвенных падежей и способствует использованию в РР формы Им. п. В РР случаи использования Им. п. в функции зависимого члена высказывания являются регулярными, в КЛЯ в этих случаях используется форма косвенного падежа.

1. Высказывания с существительным в именительном падеже при глаголе. Место Им. п. в этих высказываниях не фиксировано. Существительное может быть интонационно отделено от глагола, вынесено в отдельную синтагму:

— Она учится второй курс // (ср.: — Она учится на втором курсе);
 — Он живет пятый этаж //;
 — Лекция пойдём? (ср.: — Пойдем на лекцию?);
 — Конференция / не буду //;
 — Как зовут такой с усиками / второй курс?;
 — Вы учитесь первая смена? — Нет / это в прошлом году первая / в этом вторая //.

Включенные в ситуацию и контекст, подобные высказывания понимаются однозначно и не воспринимаются как нарушение нормы РР.

Типичны такие конструкции в жанрах городских стереотипов, ситуациях в магазине, на улице, в транспорте:

— Рынок / выходят?
 — Станционная / не скажете?
 — А сорок второй такие есть?

2. Высказывания с Им. п. при отрицании. В КЛЯ им синонимичны конструкции с Р. п.:

— Читательский / у тебя нет / книгу взять? (ср.: — У тебя нет читательского билета...);
 — Ручка / у вас нет / телефон записать? (— У вас нет ручки?);
 — Вода / у вас нет / пить хочу?;
 — Седьмой класс нет у вас?;
 — Морфемика / у вас нет / задания списать?

3. Им. п. в функции несогласованного определения:

— У нее платье / китайский шелк // (ср.: платье из китайского шелка);
 — Утром пью чай / лимонник //.

4. Им. п. в функции именной части сказуемого (функция для именительного падежа реальная, но в КЛЯ в этой позиции ему соответствует форма косвенного падежа):

— Это наши студенты? — Нет они Вьетнам // (= они из Вьетнама);
 — Вы кто? — Мы филфак //.

5. В РР Им. п. достаточно регулярно используется при словах категории состояния в двусоставном предложении. В КЛЯ таким конструкциям могут соответствовать безличные предложения:

— Слишком крепкий чай / вредно // (ср.: Вредно пить слишком крепкий чай);
 — Свежий воздух / необходимо //;
 — Прогулки перед сном / полезно //.

Таким образом, функциональная нагрузка Им. п. в условиях РР гораздо выше, чем в КЛЯ. Увеличивается роль суперсегментных средств: интонации, порядка слов. Это свидетельство аналитизма РР.

Функционирование инфинитива в РР

Немаркированным членом глагольной парадигмы является инфинитив. В РР он обнаруживает более широкую сочетаемость, чем в КЛЯ.

В КЛЯ инфинитив сочетается прежде всего с существительными абстрактной семантики: время учиться (сажать, заниматься, спать), желание поговорить (поест, поспать, погулять); конкретными существительными, обозначающими лицо: мастер поговорить (плясать, рассказывать) и т. п.

В РР это могут быть и конкретно-предметные существительные: тряпка пыль вытирать, таблетки чтобы спать и т. п. Инфинитив в этом случае указывает на назначение предмета.

Наиболее продуктивными являются две модели с инфинитивом:

1. Конкретно-предметное существительное + (чтобы) инфинитив = предмет и его назначение:

— *Надо купить кеды / бегать // (купить кеды, чтобы бегать в них по утрам);*

— *В переднюю нужен коврик / ноги вытирать // (в переднюю нужен коврик, чтобы вытирать ноги);*

— *Где касса / платить чтобы //;*

— *Где скатерть / постелить чтобы //.*

2. Предлог + инфинитив = цель действия.

Чаще всего в этих случаях используются предлоги *насчет, про, об, в, для, за*:

— *Как насчет погулять?;*

— *Я к тебе с предложением / насчет пойти в театр //;*

— *А как насчет подумать?;*

— *Она ушла за попить чай //;*

— *Я для подписать жду //;*

— *Мы про сдать хотим узнать //.*

Инфинитив в подобных конструкциях функционально сближается с отглагольным существительным: *насчет погулять = насчет гуляния, за поест = за едой*. Часто таким конструкциям в контексте предшествует однокоренной глагол в спрягаемой форме или в форме инфинитива, который и является основой для следующей реплики:

— *Ты бы полежала немного // — Об полежать и речи нет / заочки //;*

— *Может быть ты на кафедре об этом скажешь? — Об сказать обязательно //;*

— *Для чего тебе файл? — Для положить статью //;*

— *Мы ему какие часы купим? Для носить? — Нет для повесить //.*

Возникает вопрос о нормативности таких конструкций в РР. В языке художественной литературы они используются для передачи речи недостаточно образованных и некультурных персонажей, это и дает основание некоторым исследователям усматривать в них ненормативный характер. Однако данные конструкции не могут быть признаны ненормативными в силу их частотности в речи образованных людей.

Аналитизм в РР проявляется не только в ослаблении изменяемости тех или иных классов слов, но и в *активизации предлогов*. Как аналитические показатели падежной формы они получают в РР более широкую сферу деятельности, их сочетаемость расширяется — они присоединяются к некоторым классам единиц, не допускающим в КЛЯ соединения с предлогом. Одну из конструкций (*предлог + инфинитив*) мы рассмотрели выше. Обратимся к другим предложным сочетаниям РР.

Необычны для КЛЯ, но достаточно регулярны в РР конструкции *«предлог + наречие»*:

— *Дай мне на подольше // (= на более длительный срок);*

— *Я специально для здесь купила // (= для того, чтобы использовать здесь);*

— *Запишите на поближе // (= на более раннее время);*

— *Договоримся на пораньше // (= на более раннее время);*

— *Нет ли у вас на постарше // (= на более старший возраст).*

В качестве единого комплекса функционируют сочетания *«предлог + имя существительное»*.

Такие комплексы могут подвергаться процессу лексикализации и использоваться в сочетании с другими предложениями, в результате образуется структура «предлог + [предлог + существительное]»:

— *Давай договоримся на после лекции // (= на время после лекции);*

— *Квартира маленькая, только на без детей // (= такая, в которой могут жить только два человека, для ребенка там не хватит места).*

Вербализации подвергаются частотные в той или иной ситуации конструкции с предлогами. Они в сжатом виде представляют описание целой ситуации.

В РР предлоги могут употребляться без относящегося к ним имени, которое присутствует в ситуации или понятно из диалога:

— *Ты чай с сахаром или без? — Я без //;*

— *Куда положить книгу? На стол? — Нет лучше в //;*

— *Мне подойти до лекции или после? — Лучше после //;*

— *Вы стоите перед или после него? — Я вместо //.*

В результате анализа можно сделать некоторые выводы.

В РР процесс вытеснения маркированных средств выражения немаркированными идет гораздо быстрее и интенсивнее, чем в КЛЯ. Одним из доказательств этого служат рассмотренные выше конструкции с именительным падежом существительного, инфинитивом, конструкции с предлогами в несвойственном употреблении.

Чем больше грамматики выражено вне слов, тем больше роль синтаксиса и, следовательно, выше проявление аналитизма; чем больше грамматики выражено внутри слов — тем меньше роль синтаксиса, больше роль морфологии и выше проявление синтетизма. РР с ее опорой на внеязыковую действительность активизирует использование синтаксических конструкций, в которых связи между компонентами выражаются не с помощью морфологических показателей, а лишь соположением единиц, интонацией.

Наличие подобных конструкций не является свидетельством ущербности РР, ее дефектности по сравнению с КЛЯ, это проявление общей тенденции к языковой экономии, а также тенденции к аналитизму.

Библиографический список

1. *Земская Е. А.* Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения. М.: Рус. яз., 1987. 240 с.
2. *Клобуков Е. В.* Аналитические глаголы в русском языке // Жизнь языка: сб. ст. к 80-летию М. В. Панова. М.: Знак, 2001. С. 77—88.
3. *Лантева О. А.* О некодифицированных сферах современного русского литературного языка // ВЯ. 1966. № 2. С. 40—55.
4. *Лантева О. А.* Русский разговорный синтаксис. М.: Наука, 1976. 397 с.
5. *Мучник И. П.* Грамматические категории глагола и имени в современном русском литературном языке. М.: Наука, 1971. 298 с.
6. *Панов М. В.* Об аналитических прилагательных // Фонетика. Фонология. Грамматика. М.: Наука, 1971. С. 240—253.
7. *Панов М. В.* Позиционная морфология русского языка. М.: Наука, 1999. 275 с.
8. Русский язык и советское общество. Фонетика современного русского литературного языка / под ред. М. В. Панова. М.: Наука, 1968. 212 с.
9. Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест / отв. ред. Е. А. Земская. М.: Наука, 1983. 238 с.
10. *Barnet V.* Jaky je lingvisticky status hovorové rustiny // Československa rusistika. 1970. № 2.

КАТЕГОРИЯ СОЗНАНИЯ: ИНТЕГРАЛЬНЫЙ ПОДХОД

Сознание (духовное, ментальное) целесообразно рассматривать как *идеальный* (нематериальный) процесс, характеризующий деятельность человека и животного. Между тем нередко можно встретить утверждения, что сознание формируется исключительно в трудовой деятельности и в трудовом коллективе. Фактически здесь фактор сознания отождествляется с общественным, или человеческим, сознанием. У животных трудовая деятельность и трудовые коллективы отсутствуют, однако это не означает, что они лишены сознания в качестве идеального компонента их биологической жизнедеятельности.

Как отмечает Д. И. Дубровский, «содержание категории сознания обладает более широким диапазоном, чем содержание категории идеального. Последняя имеет меньше смысловых “измерений”, ибо она ориентирована главным образом на фиксацию специфики, уникальности явлений сознания...» [3, с. 17]. Правда, понимание сознания как идеального подвергалось и продолжает подвергаться сомнению со стороны некоторых направлений, так сказать, «сверхматериализма», которые нередко представляют собой обновленные формы современного вульгарного материализма или гилозоизма. Особенно активно эту нетленную традицию в последнее время развивают сторонники «энергетической» природы сознания, ставящие своей целью «соединить в целостное представление о сознании философские и физиологические знания» [7, с. 8]. На деле такое соединение оборачивается отрицанием идеальной сущности сознания. Так, А. И. Яковлев в своих работах, отнюдь не лишенных интересных соображений, вместе с тем полагает, что «стремление многих нынешних философов отнести сознание, мышление к идеальному — это... поклонение ветхозаветному стереотипу» [7, с. 15]. Его преодоление, полагает автор, положит «конец тысячелетнему противостоянию материалистов и идеалистов». Что же тогда останется? Останется «ощущаемый и неощущаемый материализм», отвечает Яковлев. В результате «всякая мистика уходит в прошлое», ибо «все духовное, идеальное обретает материализованную форму, поддающуюся, моделированию, конструированию...» [7, с. 187]. В действительности же на место хорошо известных нам форм мистики — религиозно-идеалистических — ставятся другие, физикалистско-материалистические, претендующие, однако, на статус подлинно научных. Между тем любые разновидности физикализма, включая «энергетический», рассматривая природу сознания, фактически отождествляют последнюю с явлением, элиминируя саму идеальную сущность феномена.

Процесс роста числа подобных концептов едва ли случаен, поскольку обусловлен многими причинами. И отнюдь не в последнюю очередь — успе-

хами современной науки и новых, прежде всего компьютерных и тесно связанных с ними, технологий. Мощь компьютерных алгоритмов уже сейчас превосходит все ожидания. Весьма наглядным примером является ситуация, буквально на наших глазах складывающаяся в шахматах. В этой древней и сложной игре шахматные чемпионы, естественный интеллект терпят поражение за поражением от компьютерных программ, искусственного интеллекта. Иными словами, алгоритмизированное, овеществленное и материализованное в компьютерных шахматных и иных программах знание оказывается более эффективным, чем человеческое мышление, при решении целого ряда эвристических задач. Между тем поле приложения искусственного (материального) интеллекта постоянно расширяется.

Какие философские выводы следует сделать, анализируя все эти новые процессы? Прежде всего, они дают нам очередное подтверждение того, что материальное и идеальное, материя и сознание, мозг и сознание глубоко взаимопроникают и взаимодействуют между собой. При этом наиболее устойчивые элементы духовности проходят этап алгоритмизации и материализуются в программы, которые позволяют управлять ходом решения задач как в области мышления, так и в материальных процессах. В свою очередь, расширение алгоритмов в различных сферах духовной человеческой деятельности означает усиление процесса технизации (материализации, овеществления) структуры человеческого и общественного сознания.

Вернемся, однако, к концепциям, которые фактически пытаются вообще элиминировать представления об идеальной сущности сознания. Так, согласно «энергетической» природе сознания, и материальное, и идеальное «...рождается в мозгу путем электрического взаимодействия нейронов, образующих в мозгу внутренний запас электричества, который и позволяет соединить нейроны, их многочисленные ассоциации в разнообразные эмпирические и абстрактные понятия, суждения, гипотезы, концепции, теории, учения» [7, с. 11]. Фактически в этой и других аналогичных концепциях сознания идеальная сущность феномена сознания растворяется в его проявлениях. Сознание, рассмотренное в аспекте явления, в отличие от своей идеальной сущности, неразрывно связано с материально-физиологическим субстратом. Однако сущность вещи не следует отождествлять с ее существованием на уровне явления. Но именно это и происходит в разного рода концептах «сверхматериализма». В этом случае «нервный ток», «нервную энергию» рассматривают как «специфические средства превращения энергии в сознание» [7, с. 17].

Представление об идеальной (нематериальной) сущности сознания логически влечет за собой признание аналогичного характера и у его атрибутов. К атрибутам сознания мы вправе отнести язык и мышление. Единство сознания, языка и мышления обусловлено их единой (идеальной) сущностью.

В литературе все еще продолжается дискуссия о природе языка: одни считают ее идеальной, другие, напротив, материальной. При последовательном проведении подобной линии нетрудно прийти к умозаключению о возможности существования сознания и мышления вне и помимо языка.

Подобно сознанию и мышлению, язык (не как анатомический орган) по своей сущности идеален. Материальный, в ряде случаев, язык (таковым являются искусственные системы знаков, используемые для коммуникации человека с техническими устройствами) не меняет основополагающего представления о его идеальной сущности. Материальный характер язык имеет до

тех пор, пока функционирует в технических или смешанных системах типа человек — машина, и в конечном счете должен быть расшифрован субъектом в идеальных образах. Хорошо известно, что в процессе коммуникации человек реагирует вовсе не на физическую природу «носителя», так как материальная сторона информации ему относительно безразлична. Содержание передаваемого сообщения закодировано только во внешней форме материала, а не в нем самом. По каналам связи фактически передается не мысль, а лишь ее оболочка, материальный носитель информации, и при этом только начальное и конечное звено полного коммуникативного акта непосредственно связаны с явлениями духовного порядка и могут характеризоваться при помощи категории идеального [1, с. 54].

Представление о материальной сущности языка неизбежно ведет к его отрыву от сознания и мышления. Как можно соединить все эти категории в единую, неразрывную и логически непротиворечивую систему, если сознание и мышление полагаются по своей природе идеальными, а язык, напротив, — в качестве материальной сущности? Сознание, язык и мышление не следует ни отождествлять, ни чрезмерно противопоставлять. Между тем подобные односторонности достаточно распространены.

Итак, единство сознания, языка и мышления обусловлено их единой — идеальной — сущностью. Вместе с тем язык и мышление обладают по отношению к сознанию и друг к другу известной самостоятельностью, которая вытекает из их атрибутивной специфики. Последняя заключается в том, что язык — более устойчивая сторона сознания, мышление — процессуальная и более подвижная его сторона. Мышление — это текучий, динамичный, изменчивый способ существования, нередко ломающий устоявшиеся, привычные лексические значения.

Язык представляет собой систему знаков. Мысли человека, передаваемые другим людям, превращаются (кодируются) в устные (звуки) или в письменные (слова, чертежи, различная символика) знаки. Их смысл (значение) известен людям, знающим тот язык, на котором эти мысли передаются. Суть духовного общения заключается в том, что говорящий, создавая то или иное речевое произведение посредством языковых единиц, в состоянии возбудить у адресата ту мысль, которая выражалась у него, когда он создавал это речевое произведение [5, с. 31—32].

До недавнего времени было широко распространено понимание языка как сугубо речевого и вербального средства общения. Однако в последнее время наметилась позитивная тенденция к расширению термина «язык». С позиции более широкого подхода формы языка многообразны и включают в себя естественные (вербальные и невербальные) и искусственные системы знаков: планы и карты, чертежи и схемы, математическую и другую символику, орудия счисления и т. д. Искусственными являются и языки, используемые для коммуникации человека с техническими системами. Однако ведущую роль среди всех других языковых форм коммуникации и общения играет вербальный речевой язык.

В отечественной философской литературе господствует мнение о том, что основной функцией языка является коммуникативная. Однако оно нуждается в уточнении, поскольку коммуникативность — чересчур общий признак, который не столько отличает, сколько сближает язык с такими феноменами, как мышление, код или сигнал. Все указанные явления выступают формами общения, и нельзя сказать, что одно из них более, а другое менее

коммуникативно. Поэтому необходимо вычленил более специфический признак, характеризующий основное качество именно языка. Полагаю, что таким фундаментальным признаком языка является его способность обеспечить взаимопонимание агентов коммуникации (общения). Обозначим этот признак в качестве герменевтической (понимающей) функции языка. Таким образом, язык выполняет герменевтическую функцию. Иными словами, язык суть герменевтическое сознание. Процесс языкового общения главной своей целью имеет достижение понимания субъектами друг друга.

Подобно языку, представление о мышлении в современной науке и философии также не всегда является адекватным. Иногда оно фактически сводится к абстрактно-теоретическому уровню сознания и познания. Между тем мышление — весьма сложная биосоциальная система. Известна, в частности, склонность человека к чувственно-образному или абстрактно-символическому мышлению, которая связана с относительным преобладанием в его психической жизни первой или, напротив, второй сигнальной системы. Преобладание первой сигнальной системы выступает предпосылкой для формирования личности художественного типа мышления. Относительное доминирование второй сигнальной системы является соответствующей предпосылкой для формирования человека мыслительного типа. Наконец, приблизительно равное их представительство есть основа третьего, среднего типа людей, который, по-видимому, опирается на особую, третью сигнальную систему.

Следует, однако, иметь в виду, что вторая сигнальная система у человека в целом всегда преобладает над первой, поскольку роль речи (языка) и понятийного мышления в деятельности людей является решающей и процессы отражения человеком действительности опосредуются его мыслями, выраженными словесно. Поэтому мышление людей художественного типа объективно представляет собой интеллектуальную деятельность в форме словесных образов (поэзия, проза). Со значительным перевесом первой сигнальной системы человеку приходится иметь дело в сравнительно редких случаях: в самом раннем детстве или глубокой старости, а также в сновидениях с их бурной эмоциональностью и хаотической образностью, выходящей из-под контроля мышления [4, с. 449]. Субстратом мышления является весь мозг человека и животного, и прежде всего кора больших полушарий.

Сознание как глубоко специфический, субъективный и уникальный фактор реальности внутренне противоречиво. Наибольшие различия складываются здесь между его светлым и темным спектрами. Для характеристики светлого сектора сознания чаще всего используются понятия рационального, осознанного, суперсознательного. Темный спектр выражают понятиями нерационального, неосознаваемого, подсознательного, иррационального. Целесообразно для описания сторон основного диалектического противоречия сознания использовать термины «осознаваемое» и «неосознаваемое».

Степень осознания различных компонентов психических процессов, как и внешней действительности, бывает разной. Полагают, что зона максимально ясного сознания в духовной деятельности сравнительно невелика; за ней идет полоса просто ясного сознания, а потом — минимального сознания, за которым следует уже неосознанное. К неосознаваемому следует отнести все то, что не находится в спектре ясного сознания и не может быть легко извлечено из памяти. По своему содержанию неосознаваемое совпадает с теми явлениями, которые принято, прежде всего, относить к области бессознательного: сновидения, гипнотические состояния, состояния сомнабулизма и невменяемости.

Кроме того, в сферу неосознаваемого правомерно отнести инстинктивное, безусловно-рефлекторное поведение человека и животного. Подобно любым другим явлениям сознания и психики, они связаны как с физиологическими, так и с нервно-психическими процессами и порождают у человека и животного подсознательные переживания (эмоции, волевые импульсы), которые позже могут попасть из темного в светлый фокус сознания [2, с. 174].

О тесной и непосредственной связи подсознательного с сознанием человека свидетельствуют многочисленные факторы формирующих социальных воздействий на бессознательное. Полученные субъектом неосознаваемые им социальные установки затем становятся фактором, определяющим поведение человека. Так, все шире стал практиковаться показ рекламирующих какой-либо товар специальных кадров (в частности, во время киносеансов), появляющихся на экране на столь краткое время (менее 0,05 с), что человеческий глаз их не воспринимает. Тем не менее, показанная информация усваивается, о чем свидетельствует повышение спроса на рекламируемые товары у людей, подвергшихся такому внушению, почти в два раза.

Человек не вполне рационален в своих чувствах и взглядах, мнениях и поступках. Он весьма неуютно чувствует себя в стерильной, исключительно рациональной среде. Каждый раз, оказываясь в чрезмерно рационализованной ситуации, он мгновенно вырабатывает иррациональное поведение. И чем рациональнее становится общество, тем больше человек допускает иррациональных актов. Есть основания считать, что сами физиологические механизмы духовной деятельности устроены таким образом, что предполагают наличие особых субстратов как для рационально-осознаваемых, так и для иррационально-бессознательных сторон сознания и мышления. Нам известно, что переработка информации на уровне подсознания происходит со скоростью 10^9 бит в секунду, а на сознательном — только 10^2 .

Итак, осознаваемые (рациональные) и неосознаваемые (иррациональные) импульсы постоянно сталкиваются между собой в сфере сознания субъекта (человека и высших животных). Эта борьба, однако, никогда не приводит к победе одной из сторон сознания. Именно поэтому действия и поступки человека и человеческих общностей в конечном счете не бывают только рационально-осознанными либо только иррационально-бессознательными. Оба рассматриваемых фактора сознания находятся в единстве, которое, вместе с тем, глубоко диалектично, изменчиво и противоречиво.

Перейдем к вопросу о структуре сознания. Проблема структурирования последнего на переломе столетий все больше привлекает к себе внимание ученых и философов всего мира. Однако развернутых и хорошо обоснованных концепций структуры сознания так и не было сформировано, что явилось серьезным препятствием на пути методологически адекватного изучения духовно-психических процессов. На это указывают как отечественные, так и зарубежные специалисты. К структуре сознания правомерно отнести три его вида: сенсорное, семиотическое и семантическое [6].

Сенсорное сознание основывается на прямых показаниях чувств субъекта, и его можно исследовать в качестве относительно автономной системы. По-видимому, отличительная особенность сенсорного сознания — его символический (или знаково-символический) характер. Иными словами, сенсорное сознание представляет собой мышление с помощью символов. Символизация есть процесс замещения реальных вещей, свойств и связей знаками — чувственными, словесными или иными. Другими словами, субъект, обла-

дающий сознанием, ставит между собой и объективно-реальными предметами символ или знак. На роль последних отбираются отнюдь не любые, а удобные предметы. Символ нередко рассматривают как простейшую — иконическую — форму знака или как «неразвернутый» знак. Целесообразно, однако, провести различие между символом и знаком как относительно самостоятельными компонентами в системе сознания.

В широком смысле слова все три вида сознания — сенсорное, семиотическое и семантическое — носят знаковый характер. Однако при таком подходе специфика каждого из рассматриваемых нами видов сознания как бы уходит в тень. Поэтому знак следует непосредственно увязывать с центральным из сознаний, т. е. семиотическим, тогда как сенсорное сознание — с символом, а семантическое — со смыслом, не забывая об условности проводимого разграничения. В этом случае символ и смысл оказываются двумя предельными случаями (проявлениями) знаковости: символ — простейшим образцом его бытия; смысл — наиболее сложной формой существования знака. Чаще всего символ представляет собой конкретно-чувственный зрительный образ, имеющий хотя бы рудимент естественной связи с замещающим. Символ — это воспроизведение, более или менее сходное с обозначаемым (отпечатки пальцев, отпечатки древних животных, фотографии, в определенной степени пиктографические письма). Символ, как правило, содержит в себе наглядный образ.

Таким образом, понятие символа сближается нами с простейшей формой знака. Символы же, которые далеко отрываются от наглядного изображения действительности, следует рассматривать в качестве более сложных форм сознания, т. е. как семиотические знаки или смысловые образы. Знаки и смыслы, в отличие от символов, не обязаны иметь наглядного сходства с обозначаемым. Отсутствие сходства знака с предметом создает беспредельные возможности для обобщения вещей, предметов или объектов, для мысленного выделения и абстрагирования у них общих и существенных свойств и связей.

Вторым структурным уровнем выступает семиотическое сознание, которое представляет собой мышление с помощью знаковых систем. Знак — это чувственно воспринимаемый предмет, событие или действие, выступающие в познании в качестве указания, обозначения или представителя другого предмета, события, действия, субъективного образования.

Третьим структурным комплексом в единой системе сознания является семантическое сознание — т. е. мышление смыслами. Оно неразрывно связано с различными языково-речевыми вербальными конструкциями. Семантическое сознание — фактически высший уровень в структуре сознания. В полной мере оно становится возможным при наличии не просто любого языка, но лишь развитой человеческой речи.

Итак, логический алгоритм, который выступает наиболее адекватной формой интегрального подхода к категории сознания, выглядит следующим образом:

Сознание		
Атрибуты	Стороны основного противоречия	Структура
Язык	Осознаваемое	Сенсорное
Мышление	Неосознаваемое	Семиотическое Семантическое

Библиографический список

1. *Алексеев Б. Т.* Философские проблемы формализации знания. Л., 1981.
2. *Алексеев П. В., Панин А. В.* Философия : учебник. М. : Проспект, 1996. 588 с.
3. *Дубровский Д. И.* Проблема идеального. Субъективная реальность. М. : Канон, 2002. 368 с.
4. *Общая психология / А. В. Петровский и др.* М. : Просвещение, 1986. 463 с.
5. *Онтология языка как общественного явления.* М. : Наука, 1983. 310 с.
6. *Потемкина О. Ф.* Структура сознания и сигнальные системы // Генезис, структура и функции индивидуального сознания : в 2 ч. / Иван. гос. ун-т. Иваново, 1988. Ч. 1. С. 100—104.
7. *Яковлев А. И.* Энергетическая природа сознания. М. : Интерлайн, 2007. 196 с.

ББК 87.21

П. Е. Калинин**ДИНАМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОЗНАНИЯ**

Проблема времени является сейчас одной из центральных не только в современном естествознании, но и в гуманитарных науках. В современной физике время определяется как «система отношений, отображающая координацию сменяющих друг друга состояний или явлений (последовательность, длительность и т. д.)» [18, с. 156].

Время представляет собой загадочный объект во многих отношениях, не прекращаются споры по поводу реальности его как «вещи», как субстанции, влияющей на процессы, протекающие в мире. Существует мнение о его нереальности как действительно присутствующего явления. Так, Лобачевский в одной из своих лекций дал следующее определение времени: «Движение одного тела, принимаемое за известное для сравнения с другим, называется временем» [8, с. 494], под временем он понимал некий процесс (или его скорость), который можно измерить, сравнив его с другим периодическим процессом. То есть понятие «время» можно приписать всякому предмету объективной действительности, совершающему некоторые изменения, в общем случае движение, которое мы будем понимать в аристотелевском смысле как любое изменение, качественное или количественное.

Таким образом, время может быть внутренним или внешним по отношению к виду процесса, точнее к его пространственной локализации. Если рассматривать процессы внутри некоторого предмета, то его (правда, не всегда) можно принять за систему (если его части по отношению друг к другу вступают в системообразующее отношение) и говорить о системном времени, об особом «темпомире». Но предмет может вступать во взаимодействие с окружающими его телами. Самым простым взаимодействием считается изменение положения тела по отношению к другим телам (механическое движение), время здесь будет выступать как время перемещения тела в пространстве — внешнее время, или время системы, в которую входит сам наш предмет.

Возможно выделить множество времен, которые будут располагаться в некоторой иерархии, что и совершается в современной науке. Выделяются

© Калинин П. Е., 2010

такие времена, как «историческое время», «социальное время», «психологическое время», «биологическое время». Эти «специализированные» времена выстраиваются в иерархию, предложенную Д. Т. Фрейзером: «...1) мир частиц без массы покоя, которые всегда движутся со скоростью света, — атемпоральность (эти частицы, по-видимому, находятся вне времени), 2) мир частиц с ненулевой массой покоя, движущихся со скоростью ниже скорости света — прототемпоральность (время “массивных” частиц, время микромира), 3) мир масс, складывающихся в звезды, галактики, группы галактик — эотемпоральность (космологическое или астрономическое время), 4) мир живых организмов — биотемпоральность (биологическое время), 5) человек — ноотемпоральность (человеческое, психологическое, личностное время), 6) коллективные институты человеческого общества — социотемпоральность (историческое и социальное время)» (цит. по: [15]). Нас будут, прежде всего, интересовать 5-й и 6-й уровни данной иерархии, а также взаимный переход между ними и включение их в общее объективное время современной физики, которое охватывает все процессы, протекающие во Вселенной. В связи с переходом между уровневыми временами стоит упомянуть о межсистемном времени, которое вводится как время определенной мезоформы, возникающей в межсистемном пространстве [16]. Межсистемное пространство возникает при переходе с одного иерархического уровня на другой.

Исходя из всего вышесказанного, можно утверждать, что **время есть характеристика процесса, происходящего в пространстве некоторой системы**, и учет временных отношений играет немаловажную роль при описании поведения той или иной системы.

Рассмотрим особенности протекания времени в сознании человека. Стоит заметить, что время как понятие есть продукт нашего сознания, вернее его познавательной деятельности, т. е. изначально время появилось как продукт процесса и поэтому само рассматривается как процесс, точнее как характеристика процесса. Временная организация присутствует в таком процессе, как мыслительный, и является наиболее сложной и менее всего изученной.

Изучением времени занимались с античных времен. Гераклит ближе всех подошел к проблеме соотношения мышления и времени. Так, он уподоблял время потоку реки и, определяя мышление как процесс, говорил, что «мысль и время неразделимы». Мыслить для него означает мыслить время [12, с. 54].

Аристотель был очень краток и осторожен в своем определении времени, сказав, что «время, скорее всего, представляется каким-то движением и изменением» [1]. Время он связывал с движением, а временные и пространственные характеристики — с взаимными отношениями материальных тел и процессов. В принципе, все это согласуется со всем, что было сказано выше, — пространство и время не могут рассматриваться отдельно от предметов или процессов, которые в них протекают. Стоит отметить, что процесс не тождественен времени, но он может быть описан при помощи времени как меры движения, как определенной характеристики последнего.

Таким образом, можно постулировать, что мышление как процесс имеет свое время. Здесь нужно быть осторожными и не путать время мышления как характеристику мышления и отражение времени протекания внешних процессов в мышлении. Особо важно отметить, что пишет Ари-

стотель о времени в связи с движениями души: «Ведь мы вместе ощущаем и движение и время; и если даже темно и мы не испытываем никакого воздействия на тело, а какое-то движение происходит в душе, нам сразу же кажется, что вместе с тем протекло и какое-то время. И наоборот, когда нам кажется, что произошло какое-то время, вместе с тем представляется, что произошло какое-то движение» [2]. Необходимо различать психическое время, которое явилось как отражение объективного времени в психике, и время самого психического процесса.

Августин считал время, разделенное на модусы прошлого, настоящего и будущего, существующим только в сознании человека [1]. И мы можем заметить, что только в сознании человека в максимальной степени имеет место прямое влияния образа будущего на настоящее, образа прошлого на настоящее и будущее.

В немецкой классической философии следует особо отметить исследование времени в сознании человека, осуществленное И. Кантом.

Его исследования имеют большое значение для определения роли и места времени в деятельности сознания. Кант выделял «субъективное время», выводя его из анализа процесса познания. Процесс познания определялся им как деятельность, подчеркивался его процессуальный, последовательный характер: «...при проведении прямой линии мы... последовательно определяем внутреннее чувство» [11, с. 206]. Для Канта очевидно представление деятельности сознания в форме временной последовательности. «Способ деятельности сознания (т. к. в данном случае у Канта мы имеем точку зрения гносеологическую), состоящий в последовательном синтезировании предмета, и был назван Кантом временем» [15]. Так как познавательная деятельность сознания последовательная, то сознание в данном случае с необходимостью есть временное образование. Исходя из представления о времени как априорной формы чувственности, Кант писал о необходимости существования внутреннего времени: «Время есть необходимое представление, лежащее в основе всех созерцаний» [10, с. 71]. Внутреннее время конструирует и определяет процессы, протекающие внутри сознания при созерцании какого-либо предмета: «Все явления могут исчезнуть, само же время (как общее условие их возможности) устранить нельзя» [10, с. 72], и еще: «Время есть не что иное, как форма внутреннего чувства, т. е. созерцания нас самих и нашего внутреннего состояния. ... Оно определяет отношение представлений в нашем внутреннем состоянии» [10, с. 74] Время определяет возможность существования явлений; данные нам в восприятии «пространство и время суть чистые формы его [восприятия], а ощущение вообще есть его материя» [10, с. 80]. Иными словами, время и пространство сознания структурируют чувственный материал, придавая ему определенную форму существования во внутреннем мире человека. Время может рассматриваться как некая способность нашего сознания синтезировать поступающую во временной разделенности чувственную информацию.

Особо следует отметить творчество Франца Brentano, который одним из первых стал использовать термин «интенциональность» по отношению к сознанию. Он разделял саму психическую деятельность и объект данной деятельности, т. е. в восприятии что-то воспринимается, в мечтании — мечтается и т. д. Таким образом, сознание в целом возможно представить как совокупность направленных процессов, имеющих некий объект. Он выделил и специально рассмотрел феномен восприятия тишины и музыкальной паузы,

объяснив его тем, что человек реагирует не на тишину, а на прекращение определенной внешней последовательности. Так, например, он использует в качестве иллюстрации сон мельника на мельнице, который спит при грохоте жерновов, но просыпается при их остановке. Здесь мы со своей стороны можем увидеть нарушение синхронности двух временных процессов по отношению друг к другу, т. е. нарушение гармонии в понимании Лейбница. Сам Brentano объяснял данный процесс как особое восприятие неслышания. Но, как нам кажется, здесь присутствует именно взаимодействие внешнего и внутреннего времен. Так, в частности, представляется, что сама реакция на внешнюю реальность может быть осознана, если временная структура последней будет отлична от временной структуры внутреннего времени. Бахтин по этому вопросу писал: «Молчание — осмысленный звук (слово) — пауза составляют особую логосферу, единую и непрерывную структуру, открытую (незавершенную) целостность» [3, с. 521].

Проблему времени не обошел вниманием и Эдмунт Гуссерль. В своих работах вслед за Brentano он особую роль в работе сознания отводил интенциональности — предметной нагруженности сознания, что также соответствует нашему пониманию разделения воспринятого времени и времени психического процесса как его сущностной характеристики. Гуссерль пишет, что «длительность ощущения и ощущение длительности — две разные вещи» и «последовательность ощущений и ощущение последовательности не одно и то же» [9, с. 14]. Мы можем, таким образом, выделить в сознании различные уровни временной организации. Так, возможно выделить время отдельной интенции, например время какого-либо ощущения, и время восприятия как совокупности различных ощущений. При помощи интенции как действия человек переводит предметы внешнего мира во внутренний. Если соединить воззрения И. Канта и Э. Гуссерля, то возможна следующая интерпретация априорных форм чувственности и интенции. Интенция как действие сознания может протекать только во внутреннем пространстве и времени. Геометрия внутреннего пространства-времени не только позволяет осуществлять деятельность сознания, дает место, где возможна деятельность, но и определяет бытование явлений внутри сознания, их структуру и структуру их взаимодействия.

Особую роль в выделении внутреннего пространства и времени сыграло творчество Анри Бергсона. При анализе интенсивности психических состояний, данным им в «Опытах», он использовал понятия пространства и времени. Так, при исследовании радости и печали он утверждал, что это такие движения души, одно из которых направлено к будущему, другое к прошлому: «На самой низшей своей ступени чувство радости есть как бы устремление нашего сознания к будущему. <...> С самого начала чувство печали есть устремление к прошлому» [5, с. 55]. То есть временные отношения были им непосредственно вплетены в эмоциональные переживания. Еще более интересным является разложение на пространственно-временные отношения эстетических чувств, в частности чувства грации. При своем рождении грация представляет собой ощущение последовательного изменения положения тела в пространстве, т. е. является временным. «Вначале оно представляет собой лишь восприятие известной ловкости, легкости во внешних движениях. <...> Прерывистые движения лишены грациозности, и это оттого, что каждое из них самодовлеюще и не предвещает тех, которые его сменяют» [5, с. 56]. Более того, здесь мы видим, как пространственные отношения соединяются с

временными: «восприятие легкости движений в данном случае сливается с чувством удовольствия от возможности как бы остановить течение времени и удержать будущее в настоящем», движение в пространстве переходит в чувство слияния временных модусов. Наивысшую стадию своего развития чувство грации достигает, когда грациозные движения подчиняются ритму, когда они сопровождаются музыкой, т. е. когда к восприятию последовательного плавного перемещения артиста в пространстве присоединяется временная составляющая музыкальной последовательности: «Ритм и такт в еще большей степени позволяют нам предвидеть движения артистов, и нам кажется, что мы управляем этими движениями». Возникает связь между движениями артистов на сцене и нашим внутренним миром: «Правильность, присущая ритму, устанавливает между нами и артистом особого рода общение, а периодические повторения такта — точно невидимые нити, посредством которых мы приводим в движение эту воображаемую марионетку» [5, с. 56]. Музыка влияет на протекание процессов в нашем внутреннем мире. Внешняя временная структура, которой и является музыка, отображается во внутреннем времени, вступает с ним во взаимодействие, замедляя или ускоряя его. При этом возникает эмоциональное состояние, которое выражается в определенном переживании музыкального произведения. Так же действует на нас и интонационная составляющая внешней речи. «Так, в музыке ритм и такт задерживают нормальное течение наших ощущений и представлений, заставляя наше внимание вибрировать между определенными точками, овладевая нами с такой силой, что самое легкое подражание стонущему голосу способно наполнить нашу душу бесконечной грустью» [5, с. 57]. В поэзии наблюдается то же самое явление, только действующим фактором является ритм поэтического текста. Наше сознание выстраивает, структурирует пространство образов, заключенных в стихотворении, и придает им соответствующую временную интенсивность. Пространство-время текста перестраивает пространственно-временную структуру сознания, вызывая эмоциональное переживание. Во взаимоотношениях поэта и читающего стихотворение текст выступает как медитативная единица. Он определенным образом выстраивает пространство, в котором происходит взаимоотношение «я» и «другого». Поэт представляет в ритме текста и пространстве образов свои эмоции, т. е. движение своего сознания. После, при восприятии текста читающим, образы определенным образом выстраиваются в соответствии с ритмом и вызывают эмоциональное переживание: «...эти образы не могли бы с такой силой захватить наше внимание, если бы не было этого правильного ритма, под который наша душа, убаюкиваемая и усыпляемая, забывается, словно во сне, мыслит и видит так же, как и сам поэт» [5, с. 57]. Архитектура также вызывает определенные ритмические состояния, здесь непосредственно проявляется переход восприятия пространственных структур во временные: «В самой архитектуре, в глубине этой сковывающей неподвижности мы открываем эффекты, аналогичные ритму. Симметрия форм, бесконечное повторение одного и того же архитектурного мотива заставляют нашу способность восприятия так же вибрировать...» [5, с. 58].

А. Бергсон подверг тщательному анализу понятие числа. Подробно рассмотрев эволюцию становления счетных операций, их зависимости от пространственных структур, он пришел к тому выводу, что в построении идеи числа непосредственно участвует пространственный синтез: «...к области разума относится неделимый процесс, посредством которого он после-

довательно фиксирует свое внимание на различных частях пространства. <...> Пространство — материал, из которого разум строит число, и среда, в которой он его помещает» [5, с. 86]. Следует обратить особое внимание на соединение в понятии числа временной и пространственной составляющих. Пространственная составляющая понятия числа предполагает единовременное восприятие пространственной последовательности: «...необходимо, чтобы мы с самого начала представляли себе число как рядоположение в пространстве. <...> Всякое сложение предполагает множественность частей, воспринимаемых одновременно» [5, с. 87]. Протяженность в пространстве, воспринятая единовременно, таким образом, дает основание возможности осуществления идеи числа в сознании. Более того, при восприятии предметов внутреннего мира (образов, идей, представлений) необходимо введение особого «внутреннего пространства», которое можно назвать квазипространством: «...существуют два рода множественности: множественность материальных объектов, непосредственно образующая число, и множественность фактов сознания, способная принять вид числа только посредством какого-нибудь символического представления, в которое непременно входят пространственные элементы» [5, с. 88]. При оперировании числами также необходимо внутреннее пространство, в котором строятся отношения между числами: «Ученик, которому известно, что ему будут диктовать дробь, проводит черту, не зная еще ни числителя, ни знаменателя; следовательно, он создает в уме общее отношение между двумя членами, не зная пока ни одного из них; он знает форму без материи» [6, с. 61]. Интеллект проявляется как способность к познанию формы: «...интеллект — в том, что в нем есть врожденное, — является познанием формы...» [Там же], что перекликается с мыслью Канта о схематизмах в сознании. Более того, сам образ пространства мог появиться, по Бергсону, только благодаря синтезирующей деятельности разума, который оформляет чувственные ощущения. Бергсон пришел к выводу, что в сознании пространство и время взаимно порождают друг друга: «...состояния сознания не являются внешними по отношению друг к другу, а становятся таковыми только при разворачивании их во времени, рассматриваемом как однородная среда» [5, с. 92]. При обращении сознания к самому себе, при самосознании, с необходимостью совершается временное разворачивание процессов сознания, которое переводит его деятельность, протекающую во времени, в квазипространственные отношения. «Если одна из этих двух предполагаемых форм однородности происходит из другой, то можно аргументированно сказать, что идея пространства есть основное данное сознания. <...> Время, рассматриваемое как бесконечная и однородная среда, есть только призрак пространства, неотступно преследующий рассудочное сознание» [5, с. 93]. Так же А. Бергсоном выделяется «чистая длительность» и длительность, которая переплетается с представлениями пространства. «Чистая длительность» проявляется в самом живом движении сознания, она есть «внутреннее время» в нашей интерпретации: «Чистая длительность есть форма, которую принимает последовательность наших состояний сознания, когда наше “я” просто живет, когда оно не устанавливает различия между наличными состояниями и теми, что им предшествовали» [5, с. 93]. Когда же мы начинаем осознавать эти состояния, то с необходимостью выделяем состояния, предшествовавшие данному и последующие, что предполагает обращение к пространственным представлениям, последовательность выступает в

виде прямой, непрерывной линии, а одновременность — как порядок в последовательности: «...мы тем самым превращаем ее в одновременность и проецируем в пространство» [5, с. 95]. Истинная длительность проявляется в движениях сознания: «Внутри же меня продолжается процесс организации или взаимопроникновения фактов сознания, составляющих истинную длительность» [5, с. 97]. Таким образом, **внутреннее время** — «истинная длительность» — **есть процесс или характеристика процесса, протекающего в сознании**. Можно сделать вывод: внешняя воспринятая длительность с неизбежностью представляется в нашем сознании в виде последовательности, опирающейся на пространственные образования, внутренняя длительность есть чистая длительность и не представляется как пространственная рядоположенность. Бергсон также ввел различные длительности, которые появляются, когда мы непосредственно ощущаем некую эмоцию и пытаемся ее выразить в языковых формах. Языковые формы закрепляют за той или иной вещью определенное название, стабилизируют, кристаллизуют чувство, вызванное ей. Но наше ощущение этой вещи, ее восприятие все время отлично от предшествовавших, наша эмоциональная реакция никогда не повторяется: «...в человеческой же душе есть только процесс постоянного развития» [5, с. 106]. Появляются время-количество при проецировании вещи в форму языка и время-качество при непосредственном переживании вещи.

Проблеме времени в сознании человека особое внимание в своем творчестве уделил Н. О. Лосский. В произведении «Чувственная, интеллектуальная и мистическая интуиция» он указывал на различие событий и процессов, которые существуют во внутреннем мире человека и во внешнем объективном мире: «Интенциональный акт есть событие, т. е. нечто оформленное временем: предмет может быть событием, т. е. бытием временным (например, наблюдаемое мною тикание метронома), но он может быть также и вневременным, идеальным бытием (например, мыслимая мною математическая идея)» [13, с. 145]. Психические интенциональные акты в его понимании имеют «только временное оформление» и не обладают «никакою пространственной формой» [13, с. 146]. В этом же произведении он указывает на наличие в человеке некоего субстанциального деятеля, который обладает сверхвременной и сверхпространственной природой: «...в основе организма лежит субстанциальный деятель, подчиняющий себе все остальные субстанциальные элементы организма как сверхпространственное начало» [13, с. 131]. Вследствие такого начала все процессы внутри человека, которые могут быть различны во времени, «благодаря сверхвременности деятеля, освобождаются от своей внеположности, имеют характер взаимопроникнутости и соотносительности друг с другом» [Там же]. Вообще под субстанциальным деятелем в контексте нашего исследования может пониматься Я как определенное начало в человеке, которое является, по меньшей мере, «метапсихофизическим существом» [13, с. 130]. Благодаря такому метапсихофизиологическому началу «психический и материальный процесс спаивается в единое целое, причем ни та, ни другая сторона не теряет своеобразие» [13, с. 133]. Данное слияние получает сверхвременное и сверхпространственное существование в том смысле, что оно «придает своим проявлениям форму времени, а некоторым из них также и форму пространственности, господствуя над раздроблением этих форм и обеспечивая единство их и своих проявлений в них» [13, с. 148]. Таким образом, в пользу пространственно-временного описания со-

знания может свидетельствовать тот факт, что все проявления Я как сверхвременного и сверхпространственного начала имеют в своей основе пространственно-временное оформление. Нужно четко разделять пространственно-временные и сугубо временные процессы в сознании.

Сознание Лосский разделяет на следующие составляющие: «...1) субъект, 2) объект или, лучше сказать, предмет и 3) отношение между субъектом и предметом» [13, с. 146]. Субъективную и объективную стороны Лосский разделяет следующим образом: «...акт восприятия (воспринимание) и воспринимаемое, акт ощущения и ощущаемое, представление и представляемое, акт воспоминания и вспоминаемое, акт понимания и понимаемое, акт мышления и мыслимое» [13, с. 145] будут составлять соответственно субъективную и объективную составляющие сознания. Для объективной стороны сознания как его предмета (содержания) возможно ввести пространственно-временное описание. Для интенциональных актов, таких как воспринимание, воспоминание и т. д., вводится временное описание. Сам же субъект, само Я «не имеет временной формы, не возникает и не исчезает во времени, не течет и не длится по типу временного бытования: оно — сверхвременно и сверхпространственно» [13, с. 147].

Ритмическую, динамическую составляющую сознания в качестве основной составляющей выделял А. Белый. Сознание, утверждал А. Белый, — «единственный предмет знания, данный как целое... сознание — не “предмет” в познавательном смысле, а лава восстания предметов из целого; сознание не предметно; оно — вне-предметно (до- и после-предметно); “до”, “после” — влагаемо в целое» [4, с. 15]. Сознание, по его мнению, дано нам до всякого знания, т. к. в его круге все понятия, мысли, идеи даны в сплетении с миром чувств и воли. И переживания сознания имеют всевозможные виды и формы — рассудочные, волевые и чувственные. Иначе говоря, сознание перед А. Белым встает как некое первичное единое образование, из которого проявляются все наши суждения, мысли, чувства.

В своем исследовании ритмической составляющей поэтического текста он обнаружил «факт удивительного совпадения дыхания и выдыхания (паузы и ударения) со смыслом» [4, с. 426]. Более того, он утверждал, что «ритм стихотворения есть жест смысла, но смысла, понятого не в обычном психическом (мифическом или абстрактном) взятии, но проецируемого как целое “души” стихотворения и его “тела” (осязаемой формы); но целое души и тела есть дух. Ритм — аккомпанируя духовному смыслу, есть напечатание этого смысла на форме, на теле» [4, с. 430]. То есть в его понимании смысл стихотворения отпечатывается, задерживается, живет в ритме этого стихотворения. Также ритмом для него было пронизано все в этом мире. Он утверждал, что возможно существование в культуре таких явлений, как «ритмика философии, ритмика физики, ритмика зодчества» [4, с. 38]. Таким образом, движение, ритм являлись одной из основных составляющих в его понимании сознания и мысли.

При подведении итогов можно констатировать, что очень многое в истории философии говорит в пользу того, что в сознании существуют определенные статико-динамические структуры, включающие в свое строение пространственно-временные элементы, которые определяют существование всевозможных явлений сознания, от сенсомоторных образов до мыслительных процессов.

Библиографический список

1. *Августин Аврелий*. Исповедь. М. : Ренессанс, 1991. 486 с.
2. *Аристотель*. Физика. URL: [http://ru.wikisource.org/wiki/Физика_\(Аристотель\)/Книга_4/Глава_11](http://ru.wikisource.org/wiki/Физика_(Аристотель)/Книга_4/Глава_11) (дата обращения: 05.09.2010).
3. *Бахтин М. М.* Литературно-критические статьи. М. : Худож. лит, 1986. 543 с.
4. *Бельй А.* Душа самосознающая / сост. и ст. Э. И. Чистяковой. М.: Канон+, 1999. 560 с.
5. *Бергсон А.* Опыт о непосредственных данных сознания // Собр. соч. : в 4 т. М. : Моск. клуб, 1992. Т. 1. 336 с.
6. *Бергсон А.* Творческая эволюция / пер. с фр. В. Флеровой. М. : ТЕРРА — Книжный клуб ; КАНОН-пресс-Ц, 2001. 384 с.
7. *Бурдые П.* Социология политики : пер. с фр. / сост., общ. ред. и предисл. Н. А. Шматко. М. : Socio-Logos, 1993. 336 с.
8. *Вернадский В. И.* Биосфера и ноосфера. М. : Айрис-пресс, 2004. 576 с.
9. *Гуссерль Э.* Феноменология внутреннего сознания времени // Собр. соч. М. : Логос, 1994. Т. 1. 192 с.
10. *Кант И.* Критика чистого разума / пер. с нем. Н. О. Лосского ; сверен и отредактирован Ц. Г. Арзаканяном и М. И. Иткиным ; примеч. Ц. Г. Арзаканяна. М. : Эксмо, 2007. 736 с.
11. *Кант И.* Сочинения : в 6 т. М. : Мысль, 1964. Т. 3. 799 с.
12. *Кессиди Ф. Х.* Гераклит. М. : Мысль, 1982. 200 с.
13. *Лосский Н. О.* Чувственная, интеллектуальная и мистическая интуиция. М. : Республика, 1995. 400 с.
14. *Лейбниц Г.* Рассуждения о метафизике // Соч. : в 4 т. М. : Мысль, 1982. Т. 1. 636 с.
15. *Люблинская Л. Н. Лепилин С. В.* Философские проблемы времени в контексте философских исследований. М. : Прогресс-Традиция, 2002. 303 с.
16. *Муравьев В. Н.* Овладение временем. М. : РОССПЭН, 1998. 320 с.
17. *Пиаже Ж. Инельдер Б.* Генезис элементарных логических структур. Классификация и сериация / пер. с фр. Э. Пчелкиной. М. : ЭКСМО-Пресс, 2002. 416 с.
18. *Физическая энциклопедия* : в 5 т. М. : Большая рос. энцикл., 1998. Т. 3. 701 с.

ББК 87.21

*Д. В. Куликов***ПОЗИТИВНАЯ И НЕГАТИВНАЯ
ОНТОЛОГИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ**

В ситуации постмодерна, в которой пребывает современный человек, единственной настоящей (недевальвированной) реальностью остается обыденность как привычный мир повседневного окружения. В перерывах между баталиями со злобными монстрами в далеком космосе, бесконечным пустым общением по интернет-пейджерам с себе подобными сегодняшний человек вынужден спать, есть, ходить на работу, учиться, воспитывать детей. Все эти заботы возвращают человека к миру «вещей на самом деле», ближней границей коего становится бытовщина, которая мешает постмодерну совершиться по-настоящему. Вероятно, окончательно осмыслить повседневность можно

© Куликов Д. В., 2010

будет только после того, как постмодерн либо другой вариант завершения современности состоится окончательно, а пока можно только приближаться к ее границам и горизонтам. Современное общество можно охарактеризовать как пространство свершающейся обыденности. Фактически повседневность есть завершающая стадия модерна, результат процесса опустынивания человеческой практики, то есть изгнание из нее трансцендентности, замыкания человека на самом себе, с одной стороны, и размыкания разнообразных форм социальных общностей — с другой.

Актуальность повседневности вызывает к жизни множество исторических и культурологических работ, посвященных тем или иным сторонам исторической или современной повседневности, однако авторы этих исследований очень слабо представляют себе предмет, который они решили изучать. Как правило, свой предмет они определяют как быт и нравы социального слоя X в эпоху Y, при этом чаще всего описывается процесс разрешения витальных потребностей. За скобками остается вопрос: осознавали ли сами носители культуры X свои действия как повседневные? Была ли в их языке вообще эта категория и что она означала?

Такая ситуация обусловлена тем, что повседневность так и не обрела своей категориальной пары, что в общем случае обязательно для философской категории. Вопрос о том, что такое «неповседневность», по нашему мнению, еще не был по-настоящему поставлен. Его разработка возможна в контексте реконструкции процессов оповседневнивания и преодоления повседневности, а идеирование этих процессов, в свою очередь, мыслимо только через определение онтологического статуса повседневности. Вопрос, что такое «неповседневность», генетически связан с вопросом, что есть повседневность как таковая. Это делает актуальным анализ онтологии повседневности, то есть определение места повседневности в структуре бытия и ее самости. Как будет показано ниже, вопрос об онтологическом статусе повседневности ставился в истории философии, но его постановка так и не приобрела законченный характер, эта проблема рассматривалась походя и не тематизировалась.

Вопрос о сущности повседневности как некоторой субстанциональной основы социального бытия был поставлен А. Шюцом в качестве экспликации понятия «жизненный мир», введенного Э. Гуссерлем в работе «Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология» [4]. При этом в феноменологической социологии А. Шюца понятия жизненного мира и повседневности не различаются, что положило начало субстанциональному подходу к трактовке последней.

Идея жизненного мира восходит к мысли Р. Декарта о том, что идеальная субстанция не имеет протяженности, поэтому от сознания невозможно отстраниться, но можно дистанцироваться от идей и образов, возникающих в сознании. Соответственно в истории философии тематизируется дихотомия жизненного мира как допредикативной основы любого последующего синтеза и картин мира как выражения отстранения от непосредственного содержания сознания. Как отмечает Ю. Хабермас, «когда мы свое миро- и самопонимание выражаем в понятиях, мы говорим о картинах мира или мировоззрениях. Они дают нам ориентацию для всей нашей жизни» [8]. И далее: «Мир жизненного мира иной, чем мир картин мира. Жизненный мир не имеет ни значения возвышенного космоса или порядка вещей, ни последовательности времен мира, вытекающих из истории спасения. Жизненный мир не предста-

ет перед нашими глазами как теория, а напротив, мы находим себя в нем дотеоретически. Он нас захватывает и носит...» [8].

Попытка мыслить жизненный мир по аналогии с картинами мира приводит последователей Э. Гуссерля к идее крайнего релятивизма. В. И. Молчанов в этом контексте пишет: «Как следует понимать “жизненный мир” Гуссерля — как постоянно изменяющийся и относительный, разный в каждую из исторических эпох, или же как некий постоянный, изначально-данный, к которому могут быть отнесены как к своей твердой основе все исторически-изменчивые “миры” античный, средневековый, современный?» [6, с. 79].

Анализируя понятие жизненного мира, Г. Гадамер отмечает: «Попытка Э. Гуссерля чувственно-генетически возвратиться к источнику опыта и преодолеть идеализацию, осуществляемую науками, сталкивается, очевидным образом, с той трудностью, что чистая трансцендентальная субъективность “эго” в действительности не дана нам как таковая, но всегда дана в идеализации, осуществляемой языком, — идеализации, которая с самого начала присутствует во всяком получении опыта и в которой сказывается принадлежность единичного “Я” к языковой общности» [3, с. 211].

Как видно, у Э. Гуссерля нет однозначной трактовки понятия «жизненный мир». С одной стороны, под жизненным миром Э. Гуссерль понимает просто эмпирически данный исторический повседневный опыт, с другой стороны, жизненный мир представляется в качестве некоторой априорной структуры — чистого феномена, воплощения трансцендентальной субъективности.

Это кажущееся противоречие тематизируется И. Т. Касавиным и С. П. Щавелевым [5], которые пытаются противопоставить понимание обыденности как функции и как субстанции. Осмысляя повседневность как субстанцию, они пишут: «Известно, что каждый отдельный индивид застаёт мир как историческое, уже организованное единство, объемлющее собой индивида, который вынужден приспособливаться к нему, репродуцируя в своем сознании и поведении известные образцы. Первоначально мир познается дотеоретическим образом как изначально и неизбежное условие всякой деятельности субъектов, но, прежде всего, его повседневного, рутинного бытия. В этом смысле он предоставляет собой некоторые “объективные структуры”, которыми овладевают практическим образом в целях успешной деятельности» [5, с. 34].

Такая трактовка неизбежно ведет к солипсизму, так как не предусматривает механизма интересубъективности. Следуя субстанциональному пониманию, необходимо признать, что единое пространство повседневности разбивается на множество островных миров разнообразных социальных групп, принципиально непрозрачных или малопрозрачных друг для друга. Эта мысль нашла свое выражение в символическом интеракционизме и была продолжена в когнитивной микросоциологии: «Человеческие существа живут в мире значимых объектов, а не в среде, состоящей из стимулов и самоконституирующихся сущностей. Этот мир имеет социальное происхождение, ибо значения возникают в процессе социального взаимодействия. Так, различные группы вырабатывают различные миры, и эти миры меняются, если объекты, их составляющие, меняют свои значения. Поскольку люди расположены действовать, ориентируясь на значения, которые имеют для них объекты, мир объектов группы представляет собой истинный смысл организации деятельности. Для того чтобы идентифицировать и понять жизнь группы, необходимо идентифицировать мир ее объектов; идентификация должна

осуществляться в терминах значений, которые имеют объекты в глазах членов группы» [11, р. 26] (см. также [12]).

Если продумать идею жизненного мира до конца, то он предстанет как некое пространство хаоса, содержащее в себе в потенции упорядоченные миры социальных групп, которые рождаются из него и потом в него же и уходят. В таком контексте жизненный мир мыслится как один из полюсов в системе социальный хаос (социальная реальность) — социальный космос (разнообразные виды социальных систем). Так, например, понимает онтологический топос жизненного мира Ю. Хабермас [8].

По нашему мнению, отождествление жизненного мира и повседневности создает ряд существенных проблем. Как было показано выше, Э. Гуссерль мыслит жизненный мир как пространство допредикативного синтеза, то есть как непосредственно очевидный и интуитивно достоверный, независимый от активности субъекта мир. Такая постановка вопроса совершенно расходится с тем, что мы наблюдаем в обыденной жизни, где постоянно имеет место особый дискурс — наивная философия, наивная наука, массовая культура, наивная психология и т. д. При этом в случае с наивной философией, например, происходит конструирование объяснений тех или иных явлений мира, которые потом транслируются, подвергаются сомнению и вовсе не воспринимаются как сами собой разумеющиеся. Идет постоянное создание и разрушение стереотипов. При этом конкретные стереотипы и их априорная основа — естественная установка (в терминологии Э. Гуссерля), по всей видимости, историчны, то есть разворачиваются во времени и зависят от культуры, в которой они формируются.

Думается, если мыслить субстанционально, то повседневность следует расположить вслед за Б. Вальденфельсом между жизненным миром (не отождествляя эти понятия) и отдельными его специализированными секторами (наукой, искусством, религией, литературой, мифом и т. д.) и представить как «плавильный тигль рациональности». В этом топосе повседневность больше не является особой автономной сферой, как мыслит ее А. Шюц и его последователи, а представляет собой процесс, который «возникает в результате процессов “оповседневнивания” (Veralltaglichung), которым противостоят процессы “преодолевания повседневности” (Entalltagliching)» [2, с. 18]. Б. Вальденфельс формулирует следующее определение повседневности: «...это дифференцирующее понятие, которое отделяет одно явление от другого. Границы и значения выделенных сфер изменяются в зависимости от места, времени, среды и культуры» [Там же]. Представленная выше интерпретация нашего объекта тематизируется И. Т. Касавиным и С. П. Щавелевым в понятии «повседневность как функция» [5].

Весь спектр попыток осмыслить повседневность как философскую категорию, по нашему мнению, можно представить как позитивную и негативную онтологию. Позитивная онтология мыслит повседневность как «нечто», то есть как существующую саму по себе, неизменную сущность, коренящуюся где-то в природе человека, следовательно, обыденность понимается как источник для других пространств опыта. Негативная онтология мыслит повседневность как некоторую часть процесса становления разнообразных миров опыта. При этом сама по себе повседневность представляется как «ничто», то есть как упрощенный или наивный способ существования некоторого мира опыта. Здесь мир опыта мыслится как первичная реальность, а повсе-

дневность — как профанический взгляд извне на эту систему значений. Далее попробуем последовательно рассмотреть эти подходы.

Позитивная онтология повседневности мыслит ее как «живоначальный хаос», единственное истинное бытие, включающее в потенции либо в наивной форме все объекты миров картин мира. Фактически в такой трактовке повседневность представляет собой жизненный мир — горизонт всего возможного опыта, а картины мира — его узкие сектора, сформированные особым эпохэ (научным методом, эстетическим взглядом, верой и т. д.), либо взглядом конкретного человека, т. е. актом обдумывания в терминологии А. Шюца или интенции у Э. Гуссерля: «...в повседневной жизни мы чрезвычайно редко действуем рационально... Мы даже не интерпретируем рационально окружающий нас мир, разве что при особых обстоятельствах, заставляющих нас отказаться от той базисной установки, в которой мы просто живем своей жизнью» [10, с. 33]. Обнаружив такое непроблематизированное поле, далее А. Шюц пытается описать его характеристики и приходит к следующим основаниям повседневности:

- 1) специфическая напряженность сознания;
- 2) особенное эпохэ;
- 3) преобладающая форма спонтанной активности;
- 4) специфическая форма переживания собственного Я;
- 5) специфическая форма социальности;
- 6) специфическая временная перспектива [10, с. 60].

Здесь, как мы уже указывали, содержится противоречие, так как такая трактовка повседневного действия выносит за скобки особые формы обыденного дискурса. Кроме того, совершенно обойденным в работах А. Шюца является вопрос о причинах остановки повседневного действия. Шюц пишет: «...человек останавливается и задумывается только когда последовательность делания прерывается» [10, с. 35]. Но каковы условия этого прерывания? Каковы его причины и формы? Попытка ответить на эти вопросы приводит Б. Вальденфельса к негативной онтологии повседневности.

Отметим, что чтение А. Шюца оставляет ощущение незаконченности, им так и не была создана последовательная глубоко отрефлектированная картина повседневности. Об этом свидетельствует, собственно, сам жанр его сочинений, представляющих собой сборник статей, посвященных разнообразным проблемам и так и не сведенных в единую непротиворечивую систему.

Классическим представителем негативной онтологии повседневности является Б. Вальденфельс. Повседневность мыслится им как хранилище смысловых остатков, то есть того, что является результатом процесса оповседневнивания. Это то, что смог понять средний человек из науки, искусства, идеологии и окружающего мира: «...оповседневнивание означает прежде всего *воплощение и усвоение* того, что входит в “плоть и кровь” человека. Сюда относятся: запоминание выражений языка, разучивание гамм и аккордов, обращение с приборами, ориентация в городских кварталах или на открытой местности и т. д.» [2, с. 20]. То есть негативная онтология представляет повседневность как «ничто», в смысле некоторого сущего, постепенно трансцендирующего в эйдос. При этом сама повседневность дезонтологизируется, а эйдетическим структурам приписывается истинное бытие. Это представление, вероятно, восходит к М. Хайдеггеру, который связывает безликость и анонимность *das Man* с праздно болтовней сознания, которая совместно с ничем не значащим любопытством формирует неподлинный мо-

дус бытия *dasien*, называемый М. Хайдеггером «всепронизывающей повседневностью» [7, 9].

Но повседневность есть не только «ничто», она есть еще некоторое пространство, заполняющее поле между разнообразными «нечто», и в этом смысле она действует как фермент в терминологии Б. Вальденфельса: «Повседневность, понимаемая в такого рода процессах переплавления, действует, кроме того, как *фермент*, как закваска, которая позволяет чему-то зарождаться. Но он пригоден для этого, пока сам остается подвижным. Везде, где универсальные и специальные формы мышления и действия обособляются в фигуры, такие, как *homo oeconomicus, politicus, scientificus...* *homo* атрофируется в остаточную или краевую фигуру. Следует *обеднение и иссушение* повседневной жизни и ее сценариев» [2, с. 21].

Негативная онтология повседневности несомненно эвристична, так как она позволяет схватить процесс перехода от повседневности к неповседневности, позволяет идеировать процессы оповседневнивания и покидания обыденности. Однако, как и позитивная онтология повседневности, она отказывает повседневности в рациональности. Нам представляется этот вывод глубоко ошибочным. Может быть, обыденное мышление и поведение не всегда рационально, но оно почти всегда разумно. Если спросить у человека, находящегося в процессе исполнения той или иной повседневной рутины, о причинах его делания и о последствиях, то он достаточно аргументированно сможет о них рассказать. Например, переход улицы на зеленый свет необходим, так как машины останавливаются и пропускают пешеходов. Если перейти улицу на красный свет, то тогда ты рискуешь своей жизнью.

Кроме того, акт обдумывания, на который ссылаются А. Шюц и Б. Вальденфельс, далеко не всегда может быть таким «мучительным и болезненным», как представляют себе последователи А. Шюца П. и Б. Бергеры: «Вообще говоря, люди начинают размышлять лишь тогда, когда рутина их жизни по той или иной причине прерывается чем-то, что они рассматривают в качестве проблемы... Предположительно, это восходит к тому простому и фундаментальному факту, что размышление мучительно и болезненно...» [1, с. 36]. Нам представляется, что в повседневности есть место размышлению и творчеству и болезненной скорее является рутина, чем раздумье и размышление. Человек, находясь в повседневности, довольно много размышляет и далеко не всегда ведет себя шаблонно. Например, при приготовлении обеда все продукты смешиваются на глаз, происходит постоянное экспериментирование с ингредиентами и пропорциями.

Все вышеупомянутые обстоятельства, по нашему мнению, позволяют говорить о повседневном мышлении как некоторой вполне самостоятельной категории, которая состоит не только из одних типизаций, как полагает А. Шюц, и не является остатками других областей опыта, как полагает Б. Вальденфельс, а представляет собой отдельную область рациональности, которую необходимо отличать от картин мира, культурной ментальности и жизненного мира.

В заключение отметим, что, по-нашему мнению, необходимо последовательное сведение негативной и позитивной онтологии повседневности в единую картину. Попытка проведения такого синтеза — перспектива исследования.

Библиографический список

1. Бергер П., Бергер Б. Социология: биографический подход // Личностно-ориентированная социология. М. : Академический проспект, 2004. 608 с.
2. Вальденфельс Б. Повседневность как плавильный тигль рациональности // Социологос. М. : Прогресс, 1991. Вып. 1. С. 17—23.
3. Гадамер Г.-Г. Истина и метод. М. : Наука, 1988. 367 с.
4. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология / пер. с нем. Д. В. Складнева. СПб. : Владимир Даль, 2004. 211 с.
5. Касавин И. Т., Щавелев С. П. Анализ повседневности. М. : Канон+, 2004. 584 с.
6. Молчанов В. И. Понятие трансцендентальной субъективности в феноменологии Э. Гуссерля // Проблемы сознания в современной буржуазной философии / АН Литовской ССР. Вильнюс, 1983 С. 78—93.
7. Суханцева В. К. Хайдеггер: к онтологии обыденности // Філософські дослідження. Луганськ, 2009. Вип. 4. С. 7—15.
8. Хабермас Ю. От картин мира к жизненному миру. URL: http://russia.ru/video/nauka_habermas (дата обращения: 20.02.2009).
9. Хайдеггер М. Работы и размышления разных лет. М. : Наука, 1993. 450 с.
10. Шюц А. Избранное. Мир, светящийся смыслом. — М. : РОССПЭН, 2004. 1056 с.
11. Blumer H. Sociological implications of the thought of G.H. Mead // American Journal of Sociology. 1966. Vol. 71, № 5. P. 24—39.
12. Knorr-Cetina K. The Microsociological Challenge to Macrosociology // Advances in Social Theory and Methodology / Ed. by A. Cicourel, K. Knorr-Cetina. Boston, 1981. 240 p.

РЕЦЕНЗИИ

Г. С. Смирнов

**ТАК НАЧИНАЕТСЯ НООСФЕРНАЯ ИСТОРИЯ:
«ГИПЕРБОЛИЧЕСКИЙ РОСТ НАСЕЛЕНИЯ МИРА»
И ПУТИ НООСФЕРНОГО РАЗВИТИЯ
(Размышления о книге С. П. Капицы
«Парадоксы роста: законы развития человечества»*)**

Считается, что есть книги, которые опережают время, но на самом деле все, что написано, *как бы уже* опаздывает, отстает от метабытия, от сейчас происходящего, хотя есть книги, которые все-таки опережают время. В середине декабря 2009 года на выставке «Умная книга» мне случайно попала книга С. П. Капицы, датированная уже 2010 годом.

С работами и последними исследованиями по демографической проблематике этого замечательного российского ученого можно было ознакомиться и ранее (см.: *Капица С. П.* Демографическая революция в России // Век глобализации. 2009. № 2), но эта новая книга, подготовленная при поддержке фонда Дмитрия Зимина «Династия», доступно для широкого читателя подает достаточно сложные идеи, связанные не только с демографическим развитием человечества, но и с универсальными законами социального развития. Стилль книги выработан многими годами научного творческого диалога (полилога), связанного с работой маститого отечественного ученого на телевидении.

Книга состоит из нескольких частей. Первая часть «В поисках модели роста человечества» рассказывает о смене парадигмы в современной демографической теории: переход от «теории параболы» к «теории гиперболы» представляется не только коперниканским переворотом в науке о народонаселении, но и в понимании *природы* глобальных проблем современности, обозначающих не только «пределы роста», но и «беспределы качества». Центральная мысль книги заключается в том, что проблемы народонаселения надо рассматривать не в контексте отдельных популяций (рас, этносов, стран), а в масштабе полного населения Земли (с. 33). Именно под этим уг-

---

© Смирнов Г. С., 2010

* *Капица С. П.* Парадоксы роста : законы развития человечества. М. : Альпиона нон-фикшн, 2010. 192 с. Ссылки на это издание приводятся в тексте статьи в скобках с указанием страницы.

лом зрения и совершается переход от линейной и экспоненциальной теории народонаселения к гиперболической.

Еще двадцать лет назад существовала точка зрения, что рост человечества в силу колоссальных технических возможностей цивилизации продолжится, достигнет 15 млрд человек, что экспоненциальный (экстенсивный) рост ограничивается только возможностями самого человека. С. П. Капица убедительно показывает, что «гипербола народонаселения» заставит переосмыслить эти демографические прогнозы, что демографическое торможение носит объективный характер. Впрочем, заметим, что глубинные причины действия этой закономерности в книге нового глобального («гиперболического») мышления остаются в рамках экологического подхода, но было бы более продуктивно обратиться к биосферному подходу, истоки которого связаны с творчеством В. И. Вернадского. Достаточно большое количество идей книги носит именно ноосферный характер, особенно там, где С. П. Капица говорит о том, что рост и развитие человечества обязаны сознанию человека, его культуре и развитой системе передачи знаний (с. 48).

Заметим, что в книге, анализирующей столь разнообразные источники, нет ссылок на биосферно-ноосферное наследие великого российского академика, хотя его имя в книге упоминается в связи с документами ООН (с. 52). Это объясняется прежде всего тем, что книга написана для мирового сообщества, где идеи В. И. Вернадского не слишком широко известны, а в современном научном российском общественном сознании ноосферные идеи подчас отдаются на откуп сферам ненаучного и даже, как сейчас принято говорить, «антинаучного» знания. (Остается только надеяться, что эта мода на западомыслие пройдет по мере того, как страна постепенно выйдет из состояния болезненного самоуничтожения и вечно возвращающегося низкопоклонства.)

Во второй части «Что дает модель для понимания истории» рассматриваются проблемы демографической революции, демографического перехода и демографического императива. Излагая свою гиперболическую теорию народонаселения с точки зрения феноменологического подхода, С. П. Капица сознательно уходит от выяснения причин, обращая внимание на механизм роста народонаселения (с. 61). Но если все-таки затронуть этот вопрос, то неизбежно придется осмыслить не только информационную, но и всю сознаниевую компоненту демографического роста, т. е. мощь человеческого разума как геологическую силу. Такого рода экстраполяция следует из всей логики изложения, а значит, в полной мере отвечает не только идеям И. П. Павлова о первой и второй сигнальных системах (с. 50), но и биосферно-ноосферному мировоззрению В. И. Вернадского. Думается, что для понимания основного демографического вывода весьма продуктивно было бы использовать представление В. И. Вернадского о константности массы живого вещества на планете Земля.

В истории мировой науки всегда приходится задумываться над странными аналогиями (в соответствии с герметическим принципом «что вверху, то и внизу»): головной мозг человека содержит около 15 млрд нейронов (которые управляют 300 трлн клеток организма), наблюдаемая часть мироздания содержит около 15 млрд звезд-скоплений, а ориентировочная численность населения мира оценивается в 10—20 млрд (по С. П. Капице — 11,2 млрд) человек. Напрашивается мысль о том, что управление в рамках организма человека и управление в рамках биосферы-ноосферы (как планетарной обо-

лочки) могут рассматриваться как формы подобию. Всеединство человечества, в значительной степени став «мозгом биосферы», сможет, включив ресурсы «рационального общества» (по Н. Н. Моисееву), обеспечить формы космопланетарного развития и социальной самоорганизации, в которых участвуют все люди планеты, включенные (как нейроны) в систему информационного взаимодействия для поиска путей опережающего отражения и оптимального саморегулирования.

Большинство ученых и философов, анализирующих концепцию ноосферы (в контексте давно ушедших ментальных исторических эпох), делают вывод о том, что рациональное управление – это гибель цивилизации, воплощение самых чудовищных антигуманистических фантазий. В действительности синергетические представления об организованности ноосферы по Вернадскому не имеют ничего общего с *примитивной простотой*, о расставании с которой так убедительно говорил Н. Н. Моисеев. Демографические условия формирования ноосферы в процессе биосферно-ноосферной самоорганизации – это очень важная часть затекста глубокой и оригинальной книги С. П. Капицы.

Знаковость этой книги, на наш взгляд, заключается в том, что неотъемлемость мирового контекста, широкое привлечение мнений и точек зрения выдающихся мыслителей человеческой цивилизации совмещаются с естественным и очень органичным национальным сознанием российского ученого, который сохранил идентичность российской интеллигенции, несмотря на тяжелейшие годы «разучивания» и «разнаучивания» в эпоху выживания постсоветской цивилизации. В этой связи весьма показательна мысль о том, что получившая свободу интеллигенция не может быть свободной от ответственности перед обществом (с. 155).

Нельзя пройти мимо цитаты из Д. Кейнса (1933), в которой известный экономист, забегаая вперед на сто лет, говорит, что придет время, когда отвратительные свойства человеческой природы, возведенные в ранг наивысших добродетелей (жажда денег только как средства накопления), будут рассматриваться как одни из полууголовных и полупатологических склонностей (с. 161). Россия, попавшая из ежовых рукавиц «вульгарных материалистов» в лапы «вульгарных либералов и монетаристов», вновь испытала состояние «из огня да в полымя». Но, может быть, новая информационная эпоха создаст условия для того, чтобы власть, осуществляющая регулирование многовековой российской «системы раздач», наконец-то научится уважать интеллектуальный труд и духовное производство хотя бы в той же мере, в которой она обеспечивает интересы представителей государственно-организационного и материального производства. Культурная деградация народа представляется тем антиноосферным процессом, который наносит самый сильный удар по будущему страны, по ее гуманитарно-гуманистическому и интеллектуально-интеллигентскому образовательно-воспитательному потенциалу.

Очень знаменательны размышления о судьбах России в параграфе «Россия в глобальном контексте». Приводя графики «возрастной пирамиды» и «русского креста», С. П. Капица делает выводы о том, что просчеты в образовании, политика в отношении к СМИ являются такими же значимыми причинами ежегодной 700-тысячной убыли российского населения, как и монетаризм, примененный к здравоохранению и социальной защите граждан (с. 150—153).

Когда-то Д. И. Менделеев мечтал о могучей России (по его подсчетам население России в XX веке могло бы достичь 600 млн человек), однако его идеи не были востребованы государством и обществом. Может быть, пришло то время, когда уровень культуры власти обеспечит для страны инновационный путь, а призывы к действию сменяются уважением к умственному труду российской интеллектуальной элиты, сохранившей высокие качества российской интеллигенции.

Анализируя работы зарубежных политиков и ученых, С. П. Капица находит удивительно точный, по нашему мнению, онтологический взгляд на русскую историю из демографического окна. Колоссальные революционные потрясения он объясняет демографическим взрывом, возникшим в постреформенной России на рубеже веков и отразившемся на движении к катастрофе. «Демографический перегрев», усложнение управленческих задач в значительной степени и породили крах царизма как формы правления, что подтверждается, например, историей Иваново-Вознесенского региона, который продемонстрировал ураганный рост народонаселения в созданном в 1871 году городе.

В российском общественном сознании парадоксально переплелись «параболы Вознесенского» (оставшиеся от пафоса советского периода) и постперестроечная эсхатология, граничащая с этосом национального самоубийства. Российское смятение, охватившее наше общество в силу того, что ему в очередной раз за короткий исторический срок внушают мысль о том, что оно идет не той дорогой, что оно убого, что отстало от передовых стран, что надо вновь все разрушить и строить заново, возникает в результате потери (или отказа от) корневой, в том числе и «системной», памяти.

Архетип «Гайдар шагает впереди» свидетельствует о том, что как бы быстро ни развивалось общество, *феномен старейшины* еще не отменен: как только мудрость старейшин (аксакалов) культуры перестает быть формой дальнейшего шага в развитии, так совершается очередной виток исторической безрезультатности. Абсолютизация одной из крайностей в очередной раз заставляет страдать население огромной страны. Остается надеяться, что блоковское «возмездие» последнего десятилетия XX века в России окажется последним в нашей хаосогенно-трагической истории. Может быть, именно сейчас российская правящая элита поймет, что выбор стратегии развития страны должен определяться не наступанием из раза в раз на «европейские грабли», а осмыслением глобального места России в мировой истории, т. е. пониманием включенности евразийской России не только в европейский, но в космопланетарный (а значит, ноосферный) контекст. Книга С. П. Капицы, на наш взгляд, именно о вступлении человечества в новом веке и новом тысячелетии в эпоху ноосферной истории. Она лишней раз подчеркивает, что нынешние поиски «национальной идеи» идут совсем не там, где она действительно находится: эта идея коренится не столько в экономике, сколько в российской культуре, вызревшей в этнокультуросфере. Да собственно сама «русская идея» и есть великая российская культура на субстрате евразийского бытия.

Мировоззренческая идея книги заключается в предположении о том, что человечество ожидает в ближайшей перспективе переход к новой парадигме развития человечества и что отказ от культа потребления должен привести к формированию общества понимания (с. 137), движение от количест-

венных характеристик к повышению качества жизни. В этом своем утверждении С. П. Капица в значительной степени продолжает традиции понимания новой сложности, идущие от Н. Н. Моисеева.

Анализируемая книга дает, может быть, самое яркое (и при этом для современной глобалистики достаточно неожиданное) представление о надвигающейся «ноосферной революции», наступление которой Н. Н. Моисеев прогнозировал в середине нынешнего века, а также понимание того, что великое наследие российской и советской науки в период демографического перехода окажется востребованным для формирования нового «человеческого качества» (А. Печчи) и нахождения новых путей в будущее.

В заключение отметим, что в системе российского вузовского образования (параллельно и вопреки «болонизации») наступает новый этап развития образования: наряду с эксклюзивными университетами, имеющими ноосферно-экологическую составляющую (например, Международный независимый эколого-политологический университет, Объединенный университет им. В. И. Вернадского), стали появляться факультеты, в названии которых присутствует ноосферный концепт (например, в одном из тамбовских вузов создается факультет права и ноосферной безопасности). Без сомнения, книга автора телевизионной модели научного диалога (передача «Очевидное — невероятное») наряду с работами В. И. Вернадского, Н. Н. Моисеева, В. П. Казначеева, А. Д. Урсула и других российских ученых войдет в золотой библиотечный фонд будущих ноосферных университетов.

ИЗ ИСТОРИИ КАФЕДРЫ ФИЛОСОФИИ

И. В. Дмитриевская

МОЯ КАФЕДРА ФИЛОСОФИИ*

Если прожила с кафедрой более сорока лет, кафедра становится семьей. Как и в семье здесь было все — хорошее и не очень, светлое и тяжелое. Но существует некоторое постоянство, инвариант, в череде событий и лиц: все они близкие, свои.

Хочется начать воспоминания издалека, с 50-х годов прошлого, XX века. Я поступила в Ивановский пединститут, позднее университет, на филологический факультет в 1955 году, и на втором курсе, в 1956 году, мы слушали курс формальной логики (а потом сдавали экзамен) у молодого доцента, выпускника МГУ, Авенира Ивановича Уёмова. Лектору приходилось нелегко, аудитория, актовый зал, заполнена студентами, в основном студентками, двух потоков, филологами и историками, а лектор — молодой человек, очень застенчивый, высоким фальцетом говорит что-то об Аристотеле и силлогизмах, закатывает глаза, умоляюще складывает руки: «Логика, товарищи...» «Товарищи» иронически поджимают губы, гудят, в аудитории шумно. Мы оценили преподавателя логики позднее. Уже на семинарах, желая засыпать молодого зазнайку, некоторые «товарищи», ссылаясь на непонимание, заставляли А. И. Уёмова чертить на доске огромное количество кругов Эйлера, выражающих отношения по объему между понятиями: «искусство», «литература», «русская литература» «литература XX века», «художественная литература», «произведение искусства», «произведение литературы», «роман», «глава романа» и т. д. А. И. Уёмов покорно вычерчивал круги, ни разу не споткнулся, не ошибся, не сбился, даже не переспросил задания и, когда энтузиазм вьедливой студентки иссяк, спросил: «Ну, все?..» На доске не оставалось чистого места, она вся была заполнена кругами разной величины. Еще позднее мы опять оценили его по достоинству, когда сдавали экзамен по логике. Какие горизонты исследования языка и литературы открывались нам, когда лингвистические и литературоведческие проблемы ставились и решались на языке логики! Как всё интересно и ново! Эта работа была поистине творческой: мы сами делали открытия, а не компилировали чьи-то точки зрения, почерпнутые из критической литературы. Наиболее увлечённые логикой студенты стали членами логического кружка, «логишника»: в него входили, в основном, студенты-филологи разных курсов, но были студенты и других факультетов. Помню Э. Клементьеву, А. Кочергина, Л. Калининкова, Л. Цветкову, Э. Воробьёву, Л. Сумарокову. Членом «логишника» была и я. Темы докладов выбирались совершенно нетривиальные, бесполезно было

---

* Статья написана в 2006 году.

спрашивать, где почитать об этом: литературы не существовало, кроме, разве, первоисточников, всё нужно было делать самому — и ставить проблему, и решать её, и добираться до самой сути, и рафинировать идею. Были даны только предмет труда — лингвистический или литературоведческий материал и орудие — логика; сам процесс и его результат — самобытное творчество студента. А какие замечательные темы докладов: «Логика юмора», «Детская логика», «Мыслит ли художник силлогизмами?», «О противоречащих и противоположных понятиях», «Логические основания слитного и раздельного написания частиц со словами», «Психология логических ошибок» и т. п. На основе наших студенческих докладов в 1961 году в Москве был издан сборник «Логико-грамматические очерки».

А. И. Уёмов работал в Ивановском пединституте с 1952 по 1964 год, последние годы заведовал кафедрой философии, затем переехал в Одессу, взяв с собой аспирантов-ивановцев Л. Сумарокову, Л. Терентьеву, Ю. Зуева, В. Плёского, Е. Жаркова. В Одессе возникла Одесская системологическая школа, её членами были не только ивановские ученики А. И. Уёмова, но и одесские аспиранты и преподаватели — В. Костюк, И. Матковская, И. Попова, Курчиков и др. Позднее активными участниками системологического движения стали А. Цофнас, И. Сараева, Н. Савусин, Л. Леоненко и др. Цель системологического движения — построение Общей теории систем и разработка формального языка системного описания — ЯТО. А. И. Уёмов и его ученики явились создателями одного из вариантов теории систем — Параметрической общей теории систем. Заметим, что в мире существует всего четыре оригинальные общие теории систем — Л. фон Берталанфи, М. Месаровича, Ю. Урманцева, А. Уёмова.

Я была аспиранткой А. И. Уёмова с 1962 года, но по семейным обстоятельствам не смогла перевестись в Одессу; заканчивая аспирантуру в Ивановском пединституте, бывала в Одессе наездами, всегда была в курсе научных новостей. Оставалась, и остаюсь, приверженцем методологии системного подхода, широко применяю её в герменевтике, анализе научных и художественных текстов. Постепенно определились контуры новой области герменевтического анализа — системной герменевтики. Ее основания изложены в монографии «Научный текст: опыт системологического исследования», работе «Текст как система: понимание, сложность, информативность», докторской диссертации «Методологические проблемы исследования текста как системы», главах коллективных монографий и в статьях. Работая на кафедре философии ИвГУ, после защиты кандидатской диссертации — преподавателем и доцентом, а после защиты докторской диссертации в 1989 году — профессором, включилась в проблематику кафедры философии — «Происхождение и сущность сознания» и «Ноосферные исследования». Заведовал кафедрой доктор философских наук, профессор Николай Павлович Антонов.

Я знала Николая Павловича еще по студенческим годам. На четвертом курсе пединститута он читал у нас лекции по диалектическому материализму и вёл семинарские занятия. Мы любили слушать его лекции и с удовольствием готовились к семинарам, активно выступали, обсуждали доклады. Николай Павлович — прекрасный педагог, методист. Излагая материал строго методически, он перемежал монолог с диалогом, непосредственным обращением к аудитории. Так и видишь его характерный жест — Николай Павлович снимает очки и говорит: «Ну а теперь — зацепка мозгам!» и задает какой-

нибудь вопрос на обдумывание; держа его в голове, внимательно слушаешь лекцию и всё время ищешь ответ. Так удерживалось внимание аудитории.

Николай Павлович очень уважал студентов; видимо, сказывались годы работы в школе. Помнится, когда шла речь о переносе занятий по философии с четвертого курса на второй, он спросил, что мы думаем по этому поводу. Мы, конечно, сказали, что можно и пораньше знакомиться с интересной философией, на что Николай Павлович ответил: «С вами-то трудно, а как со второкурсниками?» Тут мы поняли, что в глазах этого человека выглядим детьми.

Так же чутко относился он и к коллегам. Будучи по темпераменту импульсивным, взрывным человеком, холериком, он, тем не менее, всегда обладал внутренним светом и теплом. В трудные минуты жизни поддерживал добрым словом или поступком. Когда у меня в 1977 году умерла после продолжительной, тяжёлой болезни мама, Николай Павлович собрал всю кафедру, включая аспирантов, — и все до одного присутствовали на похоронах, провожали маму на кладбище, были на поминках и произносили много тёплых слов. А Николай Павлович говорил: «Дорогая моя Ирина Владимировна! Ну разве я мог не прийти?!» Меня глубоко тронуло это сердечное, совершенно бескорыстное отношение. После смерти мамы я долго была в подавленном состоянии, и Николай Павлович при встрече, видя мою грустную физиономию, указывал рукой на окно: «Смотрите-ка, какое солнышко!» Человек, прошедший войну, многие годы отдавший работе с молодёжью, хорошо знал цену и жизни, и смерти.

Так же внимательно относился он и к другим коллегам. Помню, когда у Галины Ивановны Батуриной скоропостижно скончался отец, Николай Павлович требовал от членов кафедры чуткости и жёстко отчитывал тех, кто проявлял невнимание и чёрствость. Он заботился о том, чтобы кафедра была единым, сплочённым коллективом. Никаких сплетен, склок, пересудов он бы не потерпел. Мы не только вместе работали, но и отдыхали. Его дни рождения, особенно круглые даты, отмечали всей кафедрой на квартире юбиляра. Он и его жена, Надежда Николаевна, оба немолодые и нездоровые люди, накрывали прекрасный стол, было весело и интересно, аспиранты — Н. Тетерина и Г. Смирнов читали свои стихи и скетчи, Г. Н. Гумницкий приятным тенором пел арии из опер и романсы, велись философские беседы. На 70-летний юбилей приехали бывшие аспиранты Н. П. Антонова — А. Н. Кочергин, Р. Г. Яновский. Словом, был настоящий праздник.

Хочется сказать об отношении Николая Павловича к аспирантам. Многие, если не большинство, философов Иванова являются его учениками, среди них крупные российские учёные — профессора А. Н. Портнов, Г. С. Смирнов, М. Г. Зеленцова, доценты Н. В. Тетерина, В. Г. Малая, московские профессора Р. Г. Яновский, А. Н. Кочергин, В. И. Арсланов, профессор В. И. Пернацкий (Нижний Новгород), профессор И. И. Булычёв (Тамбов) и многие другие. Ученики Николая Павловича имеют своих аспирантов, которые продолжают заниматься проблемами сущности сознания и ноосферы, его дело живёт. И причина тому не только научная значимость и злободневность этих проблем, но и то, что для Н. П. Антонова занятие наукой и работа с людьми олицетворяли «путь сердца»: «Все пути одинаковы, и все они ведут в никуда. Но следует выбирать путь сердца» (К. Кастанеда).

Н. П. Антонов был мужественным человеком. Узнав о смертельной болезни (рак), он сказал: «Я смерти не боюсь» и стал приводить в порядок свой

архив — рукописи, статьи, заметки, эссе. Они вошли в книгу «Н. П. Антонов. Избранные произведения», изданную в ИвГУ в 2003 году под редакцией профессора Г. С. Смирнова. Последние годы жизни Николай Павлович посвящает проблемам ноосферы. По его инициативе, при активном участии аспирантов и преподавателей кафедры философии ИвГУ в 1983 году впервые за многие годы была проведена международная конференция, посвящённая 120-летию со дня рождения В. И. Вернадского. В ней участвовали крупнейшие учёные, исследователи творчества В. И. Вернадского и занимающиеся проблемами ноосферного будущего человечества академики РАН В. П. Казначеев, Н. Н. Моисеев, профессора Э. В. Гирусов, В. М. Фёдоров, А. Н. Кочергин, Ю. П. Трусов и многие другие. Конференция имела широкий резонанс в российской и зарубежной печати. С этих пор начали говорить об Ивановской ноосферной школе. Ноосферное движение в Иванове возглавил ученик Н. П. Антонова, профессор Г. С. Смирнов. Впоследствии в Иванове проводились и другие ноосферные конференции, собиравшие большую аудиторию, а в настоящее время на базе ИвГУ действует филиал Российского биосферно-ноосферного центра.

Закончить воспоминание о Николае Павловиче Антонове хочется выдержкой из новогоднего поздравления, которое он прислал мне за год до смерти. Думаю, что он не обиделся бы за публикацию: «Дорогая Ирина Владимировна! Сердечно поздравляю Вас с Новым годом и от самых различных гороскопов желаю, чтобы он был для Вас счастливым и благополучным. Ведь Вы, надеюсь, не потеряли веру в возможность счастья? При всех бедах, обрушившихся на меня в последние годы, я все-таки не теряю веры в то, что в жизни есть горе и страдание, но есть и радость, и счастье. И эту веру во мне сохраняют такие люди, как Вы. Ваше поздравление с днём рождения и соболезнование в связи с кончиной Н. Н. (Надежда Николаевна — жена Николая Павловича. — примеч. моё. — *И. Д.*) очень помогли мне перенести мои беды. Особенно сильное впечатление произвела на меня философская часть письма и Ваш подход к глобальным проблемам. Научите человечности и философскому складу мышления тех коллег, у которых этих чувств не хватает. Глубоко уважающий Вас Ваш Н. П. Антонов». Это пишет человек уже видящий смерть, а сколько душевного тепла и ответственности за жизнь тех, кто «останется печаль и радость мерить!» Мне тяжело думать, что в конце жизни он испытывал чувство обиды и ему не хватало человечности и тепла. Простите нас, Николай Павлович!

После смерти Н. П. Антонова научная работа на кафедре философии продолжалась: выходили сборники статей по проблемам сознания и языка и проблемам нравственности, крепло ноосферное движение. Ученики Николая Павловича — А. Н. Портнов, Г. С. Смирнов готовили к публикации монографии и докторские диссертации.

В разное время кафедрой философии пединститута, а позднее ИвГУ, заведовали Г. И. Оконишников, Г. Н. Гумницкий, П. А. Лежебоков, А. В. Ерахтин, А. Б. Зельманов, Р. З. Хакимов, Ю. П. Никифоров. Последние двенадцать лет кафедру возглавляет профессор А. Н. Портнов. О каждом из них можно сказать много хорошего. Пожалуй, главное в деятельности этих людей в том, что кафедра сохранялась как целостный, жизнеспособный, растущий организм, как творческий контекст для каждого из ее членов и аспирантов. Об этом свидетельствует институт аспирантуры при кафедре и работа диссертационного докторского совета, и тот факт, что на кафедре трудятся

специалисты высшей квалификации. Из заведующих кафедрой прошлых лет хочется отметить Г. Н. Гумницкого и П. А. Лежебокова.

Григорий Николаевич Гумницкий — крупный специалист в области этики, заведовал кафедрой в 70—80-х годах XX века. В своих научных трудах Григорий Николаевич выдвигает следующую идею: отношение личности к общему благу — как к первичной цели и к личному благу — как к конечной цели бытия человека, а к их единству — как к высшей цели. Это основное моральное отношение выступает в качестве морального закона, на базе которого строится концепция морали, включающая логически обоснованную систему этических категорий. Г. Н. Гумницкий, заведующий кафедрой философии ИвГУ, отличался большим тактом, деликатностью, ненавязчивостью в общении, интеллигентностью.

Две бабочки

Две бабочки порхали рядом
В саду над белыми цветами.
Одна из них вдруг улетела...
Другая — сложила крылья
И на цветке застыла.

Серп луны

Серп луны появился!
Много дней его ожидал,
Глядя в небо пустое...
Вижу сквозь зелень ветвей
Белеет на голубом небосклоне.

Вечность сущего

В чём общий бытия закон:
Бессмертен мир иль нет?
И смертен, и бессмертен он —
Должны мы дать ответ.

Да, части мир свои теряет,
Но так, что форму лишь меняет.
На место сгинувших частей
Вступает новый ряд вещей.

Но каждая его частица
Навечно, навсегда родится:
Уходит в прошлое она
И будет в нём сохранена.

Всех «есть» и «было» совокупность
Природы вечной целокупность.
Ведь мир един не только вширь,
И вглубь эпох всё тот же мир.

Когда умру (прошу учесть),
Останусь сущим я:
Всё то, что было, тоже есть
В составе Бытия¹.

При Григории Николаевиче мы как-то расковались, избавились от зажатости, суетливости, озабоченности. И. В. Дмитриевская с Н. В. Тетериной и Г. С. Смирнов писали весёлые скетчи, эпиграммы. Накануне очередного Нового года большинство коллег получило юмористические поздравления. Вот некоторые из них.

Петру Александровичу Лежебокову²

Пётр-Лександрычу — ура!..
В поле пашут трактора,
А в мартенах варят сталь...
Нам своих голов не жаль:

Будем мы статьи писать,
Сборники издавать,
А потом их сокращать,
Ну сначала до 0,5,

А потом — до 0,05,
А потом... але-гоп!
Ну-ка, дайте микроскоп:
Где статья? Была и нет,
Говорят, простыл уж след!

Что написано пером —
Не вырубишь топором.
А у нас — без топора...
Пётр-Лександрычу — ура-а-а!

Николаю Павловичу Антонову

Гром Победы — раздавайся!
Ноосфера — не сдавайся!
Скоро-скоро ноосфера
Станет Иваново-сферой!

Скоро-скоро по волнам
Флаги в гости будут к нам!..
А нам — все равно —
Ино-сферы — не дано!

Анатолию Андреевичу Макарову³

Неуёмен наш Макаров:
Времени не тратит даром
И без дела не сидит:
То женой руководит,
То он нянчит Веру-внучку,
То уму студентов учит,
А недавно совсем
Разработал ЭВМ
И логический квадрат
Запустить туда уж рад!
Как воспрянули заочники,
Разузнав о разработчике!
В самом деле, ёлки-палки,
ЭВМ — верней шпаргалки!

Ирине Владимировне Дмитревской

Поборник логики формальной,
 Чей голос чистый, музыкальный
 Поверг студентов души — ниц,
 И... логика почти как блиц!
 Достигнул высоты возможной
 И — вставил шпагу мысли в ножны!⁴

Григорий Николаевич часто удивлял нестандартными замечаниями, побуждавшими к творчеству. Однажды, когда нужно было запомнить номер телефона 7-85-32 (не помню, чей это телефон), он моментально сочинил «запоминалку»: «Сима выводила Полкана на теплый двор». Это вдохновило нас с Н. В. Тетериной на сочинение длинной стихотворной оды о судьбе Симы и Полкана. Творчеству отводились часы собраний и заседаний. Текст не сохранился, но начиналась ода так:

Поведаем достойно и красиво
 О том, как некая Сима,
 Почувствовав в душе немой укор,
 Полкана вывела на теплый двор...

Далее повествовалось о том, как дружно жили Сима с Полканом, но жизнь их разлучила: Полкана отправили служить на границу, а Сима осталась одна и стала писать диссертацию, посвящённую другу-Полкану, на тему «Кость и категория “меры” в аспекте Ноосферы»; все заканчивалось хорошо — Сима защищала диссертацию, а Полкан возвращался со службы домой.

У Григория Николаевича много учеников, интересных философов, этиков. Его бывшие аспиранты — известный кантовед, председатель Российского Кантовского общества профессор Л. А. Калинин, д.ф.н., профессор А. В. Брагин, д.ф.н., профессор О. В. Рябов, доценты Э. П. Чеботарёва, В. И. Серова, М. Ю. Тимофеев, К. Л. Ерофеева, Т. Б. Кудряшова. С 1992 года Г. Н. Гумницкий работает в Ивановской государственной архитектурно-строительной академии, готовит аспирантов-философов. Он активен, оптимистичен, творчески продуктивен и вполне может служить примером для коллег и молодежи.

Некоторое время, 1970—1973 и 1989—1991 годы кафедрой заведовал доцент, затем профессор Петр Александрович Лежебоков. В философии он последовательно развивает концепцию диалектического материализма, исследуя диалектический метод и его ядро — закон единства и борьбы противоположностей, вводит новые классификации. Его докторская диссертация и монография «Диалектическое противоречие как закон познания» содержат новизну в определении диалектических противоречий, анализе диалектического содержания основных форм мышления — понятий, суждений, умозаключений. П. А. Лежебоков формулирует принцип гибкости мышления: рассматривает проблему выявления инвариантного «стержня» мысли и изменчивой «периферии», развитие которой приводит к противоречию и т. п. Он выявляет закономерное развитие противоречий, а также и ошибочное «раздвоение» единого, ошибочный компромисс. Работы П. А. Лежебокова — ценный вклад в развитие диалектической логики.

В отличие от Николая Павловича Антонова, Петр Александрович по характеру и темпераменту — уравновешенный, несколько флегматичный человек. Всегда сдержанный, неторопливый, уверенный в себе, он принципиален в отстаивании научных позиций. Неоценимый вклад внес Петр Александрович в научную работу кафедры. Он — бессменный редактор философских сборников, научных трудов и учёных записок. Он неумолимо требовал, чтобы статьи были написаны хорошим слогом, отредактированы и содержали ясную идею. С ним члены кафедры прошли хорошую школу создания грамотного философского текста, за что и должны быть ему благодарны.

Следует высоко оценить работу Петра Александровича на посту председателя диссертационного совета. Ни одна плохо написанная или слабая по содержанию работа не допускалась к защите. Многих соискателей педантизм и требовательность Петра Александровича раздражали и даже возмущали, но, по сути дела, чаще всего он был прав. Вероятно, немалая заслуга Петра Александровича в том, что диссертации, защищенные в ивановском докторском совете, ни разу не отклонялись ВАК. В 2002 году Петр Александрович ушёл на пенсию. И сейчас он разводит на даче свои любимые растения и цветы, которые, наверное, тоже его любят.

С 1991 года кафедрой философии руководит Александр Николаевич Портнов, ученик Н. П. Антонова. Он продолжает исследования закономерной взаимосвязи сознания, языка и познания, рассматривая их семиотические аспекты, осмысляя проблемы языка и мышления в терминах семиотики. А. Н. Портнов интересный ученый, отличительным свойством его интеллекта является большая эрудиция, почти энциклопедическая образованность. Новейшие философские работы он читает на языке оригинала. Демократические традиции кафедры философии сохраняются. Являясь председателем диссертационного совета, А. Н. Портнов заботится о том, чтобы молодые коллеги повышали свою научную квалификацию, публиковали монографии, готовили докторские диссертации. Научная жизнь на кафедре философии ИвГУ не останавливается ни на один день.

Хочется сказать добрые слова о каждом из моих коллег (не хочу говорить «бывших»: ведь даже с точки зрения формальной логики, в объём понятия «члены кафедры» включаются все элементы класса, которые были, есть и будут).

Профессор, доктор философских наук Григорий Станиславович Смирнов — один из крупных специалистов по проблемам ноосферы и творчеству В. И. Вернадского, главный организатор международных и российских конференций по проблемам ноосферы. Его книга «Ноосферное сознание и ноосферная реальность» (1998) в свое время была бестселлером и широко цитируется. Григорий Станиславович мыслит широко, интересно, нестандартно, он — мощный генератор идей. Неизменен его интерес к проблеме ноосферного образования студентов и школьников. Под его руководством работают ноосферные центры в ивановских школах. Он — соорганизатор Ивановского филиала биосферно-ноосферного центра РАЕН. Совместно с Д. Г. Смирновым Григорий Станиславович создал лазерный диск, содержащий все труды по ноосферной проблематике представителей Ивановской ноосферной школы, который, безусловно, сыграет большую роль как в пропаганде идей ивановских ноосферологов, так и в подготовке аспирантов, пишущих работы по проблемам сознания и ноосферы.

Творческая жилка Григория Станиславовича сказывается и в его учебно-методической работе. Большой любовью студентов пользуется его учебное пособие «Кубики логики», где абстрактный логический материал подан в форме своеобразного «комикса», в рисованных забавных картинках. «Кубики логики» были положительно оценены крупнейшими логиками страны, например А. И. Уёмовым.

Григорий Станиславович как человек отличается глубокой теплотой и сердечностью: он интеллигентен, внимателен, тактичен, заботится о пенсионерах кафедры, по мере возможности предлагает им участвовать в научной работе и кафедральных мероприятиях.

Доцент, кандидат философских наук Юрий Михайлович Серов, в прошлом проректор ИвГУ по учебной работе — один из старейших членов кафедры, умница, глубокий, критически настроенный мыслитель и вместе с тем человек оптимистичный, обладающий ярким и неиссякаемым чувством юмора. Юрий Михайлович преподаёт курс философии и основ концепций современного естествознания на экономическом факультете вуза. Его очень любят студенты, они с удовольствием приобщаются к обсуждению и решению философских проблем. Юрий Михайлович долгие годы был учёным секретарём диссертационного совета и, хотя эта работа по определению бюрократическая и довольно нудная, Юрий Михайлович умел вести заседания совета живо, сглаживая конфликтные, острые ситуации своим бесподобным юмором. Естественно, что речь идёт о внешней стороне процедуры, содержательные вопросы решались по существу. Юрий Михайлович был душой совета и остаётся душой кафедры. Хочется пожелать ему здоровья и творческого энтузиазма.

Профессор, доктор философских наук Олег Вячеславович Рябов — молодой учёный, специалист в области гендерных исследований. Его работы имеют международное признание. Блестящий лектор, руководитель семинаров, студенты его боготворят. Критичен, широко эрудирован, ироничен, обаятелен. Сейчас он является секретарём диссертационного совета и, вслед за Ю. М. Серовым, задаёт тон заседаний совета — тон серьёзного, глубоко принципиального и вместе с тем демократичного, непринужденного, доброжелательного общения между философами.

Доцент, кандидат философских наук Галина Ивановна Батурина — старейший преподаватель кафедры. Занимается проблемами сознания, исследует природу интеллектуальных чувств, в том числе интуиции. Человек широко образованный, интеллигентный, интересуется искусством, литературой, живописью; обладает безупречным художественным вкусом и чутьём. Долгие годы ведёт курс философии на историческом факультете, пользуется уважением студентов и коллег.

Заметим, что большинство членов кафедры — это бывшие студенты нашего вуза: я — выпускница филологического факультета, Ю. М. Серов — географического, А. Н. Портнов — факультета иностранных языков, Г. И. Батурина, Г. С. Смирнов, О. В. Рябов — бывшие студенты-историки.

Рассказ о коллегах был бы неполным, если не отметить лаборанта Валентину Сергеевну Лебедеву и заведующую кабинетом Валентину Александровну Кевва. Валентина Сергеевна Лебедева оказывала неоценимую помощь в перепечатке и оформлении наших статей и сборников, посвящая этой работе подчас и выходные дни, и неурочное время. Фронтвичка, человек неуёмной энергии, живая, подвижная как ртуть; уже в со-

лидном возрасте она готова была освоить компьютер, чтобы выполнять необходимую для кафедры работу.

Валентина Александровна Кевва трудится на кафедре философии более двадцати лет. Это скромный, серьёзный, ответственный человек. Очень много делает по комплектованию литературы в кабинете философии, по распределению учебной нагрузки и оформлению кабинета. К любому празднику или знаменательной дате в кабинете устраиваются выставки книг и художественных иллюстраций. На стенах кабинета — картины Г. С. Смирнова, на окнах — цветы; все чисто, прибрано, ухожено. В кабинете атмосфера покоя, уюта, душевного тепла. Зайдешь под Новый год, и тебя обязательно встречает маленькая украшенная ёлочка, выставка репродукций с зимними пейзажами с картин русских художников. Летом и осенью — цветы из сада Валентины Александровны. Забежишь невзначай, обязательно напоит чаем. Валентина Александровна внешне человек спокойный и уравновешенный, даже серьёзный, но внутренне-теплый, понимающий собеседника, располагающий к общению. Эти её качества способствуют созданию доброжелательного психологического климата и побуждают к плодотворной творческой работе. Когда-то на кафедральном «капустнике» мы с Н. В. Тетериной приветствовали её стихами:

Словно чудо-сонатина
Ваше имя, Валентина.
Как прекрасно озарение
В честь любимой Валентины.

На её на именины
Надо оду сочинить.
Ваше слово, ваше мнение,
И бедно воображение
Наши чувства объяснить.

Ода была длинная и немного сумбурная по содержанию, но смысл её в том, что существуют люди, которые делают незаметное, но необходимое дело, без которого не решались бы наши глобальные проблемы. Ещё один фрагмент:

Всё философу едино —
Что таблица, что картина,
Что отчёт, что план, что ино —
Методичка иль проспект?!

От таких разнообразий
В голове уж «сдвиг по фазе»:
Но избавит вас от бед,
Всё распишет, всё устроит,

Слёзы вытрет, успокоит,
Поселив в душе нирвану,
Валентина Алексанна —
У неё в бумагах НОТ
И системнейший подход!..

Вот такая она, моя кафедра философии... Желаю каждому её члену творческого энтузиазма и успехов, а кафедре — системной целостности и внутренней гармонии на долгие-долгие годы.

* * *

...Перечитала текст статьи глазами постороннего человека. Он может сказать: «Уж очень все у Вас, Ирина Владимировна, хорошо и благостно. Знаем мы, всё было как у всех — и трудностей достаточно, и тяжёлого, и дурного. И где же интрига, противоречие — источник развития?» Ну что же?... Да, вероятно, было всё. А нужно ли об этом писать? Какое положительное значение имеет такая критика? Позволяет ли она сохранить целостность и жизнеспособность кафедры, имеет ли она ноосферный смысл? Критика редко бывает конструктивной; она характеризует чаще всего не объект критики, а самого критикующего. И далеко не всегда эти характеристики лицеприятны: под маской критики скрываются элементарные вещи: непонимание, зависть, озлобленность. Зачем это? Конечно, бумага всё стерпит, но и она когда-то была живым деревом и в этом качестве лучше выполняла свое ноосферное назначение. К ноосфере следует относиться бережно и ответственно: не засорять её негативной информацией, не зашлаковывать энергетических каналов. Мне хотелось показать, что кафедра философии ИвГУ — явление историческое, она прошла долгий путь становления и обрела свое «лицо», которое не следует «терять» ни при каких обстоятельствах, что многие люди отдали ей свой ум, сердце, многие годы жизни и навсегда останутся её членами и что сейчас — это здоровый творческий коллектив, способный внести существенный вклад в развитие философской культуры России. Словом, найти определённую закономерность в полувековом существовании моей кафедры.

Примечания

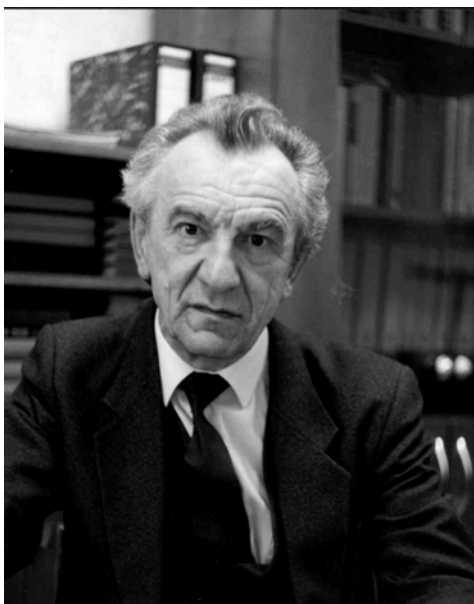
¹ Эти три стихотворения написаны И. В. Дмитриевской.

² Профессор Петр Александрович Лежебоков был бессменным главным редактором сборников научных трудов и очень заботился о их качестве.

³ Старший преподаватель Анатолий Андреевич Макаров — старейший член кафедры философии, на которой проработал более 30 лет. Умер в 1998 году.

⁴ Стихотворение написано Г. С. Смирновым.

МАТЕМАТИК. ЖИЗНЬ В НАУКЕ

К 70-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПРОФЕССОРА Д. И. МОЛДАВАНСКОГО

Во всяком профессиональном сообществе, во всякий промежуток времени, как правило, находятся люди, максимально воплощающие в себе дух и традиции этого сообщества. Трудно представить себе сегодняшний Ивановский государственный университет (и тем более — математический факультет ИвГУ) без Давида Ионовича Молдаванского.

К 60-м годам XX века академиком Анатолием Ивановичем Мальцевым и его коллегами по факультету «культурная планка» научного и педагогического творчества была поднята на удивительную в условиях провинциального вуза высоту. Тем, что она и поныне поддерживается на достойном уровне, мы обязаны в первую очередь самоотверженным усилиям и авторитету хранителей традиций. Именно они служат связующим звеном между героическими (предвоенным, военным и послевоенным) поколениями подвижников отечественной математической науки и современной честолюбивой математической молодежью.

Одним из таких хранителей и продолжателей, несомненно, является профессор, доктор физико-математических наук, заведующий кафедрой алгебры и математической логики Д. И. Молдаванский.

Важное обстоятельство, связанное с передачей и развитием традиций: нынешний энергичный и современно мыслящий ректор ИвГУ — по первой своей специальности математик, ученик Давида Ионовича. На вопрос о том, что ему дал математический факультет, Владимир Николаевич Егоров отвечает: «Всё».

Докторскую диссертацию на тему «Аппроксимационные свойства HNN-расширений групп и групп с одним определяющим соотношением» Д. И. Молдаванский защитил в 2006 году в Ярославском государственном университете, защитил блестяще, но более всего оппоненты и члены совета были удивлены тем, что он до сих пор доктором наук не являлся.

Удивление коллег понятно, поскольку Давид Ионович уже очень давно (с конца 60-х годов прошлого века) рассматривается математическим сообществом как один из наиболее авторитетных специалистов в области комбинаторной теории групп (КТГ). Результаты, полученные Д. И. Молдаванским, широко известны, используются и развиваются отечественными и зарубежными коллегами. В обиход специалистов по КТГ вошли такие термины, как *алгоритм Молдаванского*, *переписывающая процедура Магнуса — Молдаванского*, *расщепление Молдаванского*, *подгруппа Молдаванского*, *проблема Молдаванского*.

Любопытно, к примеру, что статья 2004 года профессора В. Г. Бардакова (Институт математики им. С. Л. Соболева СО РАН), одного из оппонентов, выступавших на защите Давида Ионовича, была озаглавлена «К вопросу Д. И. Молдаванского о...» (далее — текст для специалистов). Некоторые достижения Д. И. Молдаванского носят совершенно классический характер и включаются во все систематические обзоры. Здесь можно упомянуть и применение техники расширений Хигмана — Неймана — Неймана (HNN-расширений) к теории групп с одним определяющим соотношением, и классификацию относительно изоморфизма знаменитых групп Баумслэга — Солитэра (групп BS), и многое другое.

Скромность и высочайшая требовательность к своим научным продуктам — вот что прежде всего было и остается характерным для Д. И. Молдаванского.

Со студенческой скамьи была воспитана в нём (и впитана им) исключительная тщательность, можно сказать, щепетильность в вопросах подготовки математических текстов. Не зря Давид Ионович любит повторять фразу, сказанную когда-то учеником и коллегой академика А. И. Мальцева профессором Д. М. Смирновым: «Получится просто, коль перепишешь раз со сто». Статья должна «вылежать своё, вызреть»; доказательства должны быть многократно перепроверены.

Столь же ответственного отношения к предмету Д. И. Молдаванский добивается от своих многочисленных учеников — бакалавров, магистров, аспирантов, коллег по кафедре. Некоторых из выпускников удается вывести на уровень современных достижений и актуальных задач. Квалификационные работы перерастают в научные публикации, статьи. Руководитель щедро делится с учениками своими идеями. Ряд известных и широко цитируемых статей Давида Ионовича выполнен в соавторстве со студентами. Конечно, не все студенты-соавторы стали профессиональными математиками-исследователями, но все они приобрели бесценный опыт общения и совместной работы с настоящим ученым.

Среди учеников Давида Ионовича, добившихся наиболее значимых успехов в математике, уже был назван Владимир Николаевич Егоров. Интересно, что результаты, полученные им в кандидатской диссертации, не утратили актуальности и продолжают цитироваться по сей день (например, в фундаментальном двухтомном справочнике «Общая алгебра»; М. : Наука, 1990).

Ещё любопытная деталь: крупнейший американский специалист Г. Баумслаг и его коллеги в статье 2007 года «Размышления о финитной аппроксимируемости групп с одним определяющим соотношением», рассказывая о важнейших достижениях и представляя перспективы развития КТГ, ссылаются, в частности, на три статьи российских математиков, в их числе — работа Д. И. Молдаванского (1991 года) и работа В. Н. Егорова (1981 года).

Из других успешных учеников Давида Ионовича, вошедших в науку в XX веке, следует упомянуть С. Д. Бродского, который получил в 80-е годы интересные, во многом оставшиеся непревзойдёнными результаты в таком разделе КТГ, как теория уравнений над группами.

В начале XXI века вокруг Д. И. Молдаванского сформировалась активно работающая группа из его учеников — молодых математиков Д. Н. Азарова, Е. А. Ивановой, Е. Д. Логиновой, Е. В. Соколова, все они — кандидаты физико-математических наук, доценты, составляющие ядро кафедрального научно-исследовательского семинара. Членами семинара был предпринят энергичный штурм различных проблем КТГ. О весомом вкладе этой группы в теорию групп убедительно свидетельствует, например, обзорный доклад, представленный Д. И. Молдаванским совместно с Д. Н. Азаровым в 2009 году, на «Мальцевских чтениях», посвященных столетию со дня рождения Анатолия Ивановича Мальцева. Так смыкаются поколения.

Попытаемся кратко проанализировать предысторию, «воскресить» прошедшее время, задуматься о времени будущем.

Студенческие годы Давида Молдаванского пришлись на период подлинного расцвета отечественной математики и естественных наук. Можно ли сегодняшнему молодому человеку, выпускнику школы вообразить себе ситуацию, когда наиболее популярными среди абитуриентов были «неденежные» науки?

Очень повезло с учителями. В те годы на математическом факультете Ивановского государственного педагогического института работала замечательная когорта высококлассных ученых и блестящих педагогов (профессора А. И. Мальцев, Д. М. Смирнов, Д. А. Захаров, М. Д. Гриндлингер и другие).

Под руководством Мартина Давидовича Гриндлингера, известного американско-российского математика, аспирант Давид Молдаванский получает свои первые серьёзные научные результаты. Они были представлены, что называется, на «высший суд» — доложены на Международном конгрессе математиков в Москве в 1966 году. Этот конгресс стал ярчайшим событием; математических форумов подобного уровня в нашей стране больше не проводилось.

В 1968 году Д. И. Молдаванский успешно защищает в Новосибирском государственном университете кандидатскую диссертацию «О подгруппах групп с одним определяющим соотношением».

Следующей важной ступенью в его творческом росте и развитии становится участие (вместе с А. А. Фридманом и Ю. Н. Хмелевским) в переводе основного первоисточника, библии по КТГ — фундаментальной монографии американских математиков В. Магнуса, А. Карраса и Д. Солитэра, которая так и называется «Комбинаторная теория групп» (подзаголовок: «Представление групп в терминах образующих и соот-

ношений»; редактором перевода был М. Д. Гриндлингер; оригинальное издание вышло в 1966-м, а перевод — в 1974 году). В те замечательные, плодотворные годы научные математические издания выходили в Советском Союзе фантастическими тиражами (для упомянутой переводной книги — 10 800 экз.), распространялись — и читались! — по всей огромной стране.

Следующее выдающееся сочинение по КТГ, монография Р. Линдона и П. Шуппа с таким же названием (но уже без подзаголовка), было опубликовано в 1977 году на языке оригинала и уже в 1980 году — в русском переводе (тираж 7 700 экз.); в этой книге Д. И. Молдаванский представляется уже как один из активных исследователей, достигший важных новых результатов.

И далее Давид Ионович всегда на переднем крае науки, в курсе новейших достижений. Он — умудренный научным и педагогическим опытом доцент, затем — профессор, заведующий кафедрой, той самой кафедрой алгебры и математической логики, которая в свое время была создана академиком А. И. Мальцевым. Он остается верен своим принципам и своей науке.

Что же это за наука такая *теория групп*? Как объяснить неспециалисту, кому и зачем нужна сия абстрактная дисциплина, и в частности ее упомянутый выше раздел КТГ?

Если отвечать общо и высокопарно, не совсем исчерпывающе, но афористично, то можно заявить: «Группы — это язык для описания *симметрий*, а симметрии — это то, на чём строится мироздание». Признаем, однако, что математики в таких категориях (к счастью) не мыслят; они заботятся скорее о внутренней гармонии своей науки, подчиняются ее внутренней логике.

Но мироздание так замечательно устроено, что чем бы математики не занимались — все оказывается нужным и даже необходимым: или — сразу, или — десятилетия спустя; или — в самой математике, или — в использующих математические методы других отраслях научного знания.

Предполагал ли автор — изобретатель ряда теорем и алгоритмов из КТГ, апологет чистой и красивой алгебры Давид Ионович Молдаванский, что его результаты будут востребованы в таких, казалось бы, очень далёких от абстрактной алгебры областях, как геометрия многообразий или компьютерная алгебра?

Однако именно в работах 2000—2009 годов по геометрии трехмерных многообразий (среди авторов: G. N. Arzhantseva, I. Karovich, J. Nowie, другие известные математики) нашли одно из самых ярких «внеалгебраических» приложений результаты Д. И. Молдаванского. Выше было упомянуто *расщепление Молдаванского* (*Moldavanskii splitting*); поясним здесь, что имеется в виду расщепление многообразий, т. е. сугубо топологическое понятие.

Алгоритм, именуемый *переписывающей процедурой* (*rewriting procedure*) *Магнуса — Молдаванского*, использован в работе профессора Л. А. Бокутя и члена-корреспондента РАН А. Ю. Веснина о базисах Грёбнера — Ширшова (*Journal of Symbolic Computation*. 2006).

Очень много ссылок в математической литературе имеется на статью Д. И. Молдаванского 1991 года, содержащую критерий изоморфности групп Баумслэга — Солитэра. Это замечательное (и все ещё зага-

дочное) семейство групп остается популярнейшим объектом исследования. На группах BS апробируются очень многие вновь изобретенные теоретико-групповые методы.

Не забывает своей любимой тематики и сам Давид Ионович. В 2010 году им опубликован новый, очень интересный результат о группах BS; наверняка и он не останется без внимания и умножит поток ссылок, цитирований, именных терминов...

Как принято писать в юбилейных статьях, юбиляр находится в расцвете творческих сил и полон идей и замыслов. В данном случае это верно безусловно, без каких-либо оговорок. Мы, конечно, еще прочитаем формулировки и доказательства новых красивых теорем, принадлежащих Давиду Ионовичу и его ученикам.

Юбилей — это повод выразить искреннюю признательность и благодарность нашему коллеге, нашему замечательному современнику Давиду Ионовичу Молдаванскому, хранителю и продолжателю традиций отечественной математической школы.

*От коллектива математического факультета ИвГУ
Д. Н. Азаров, Т. П. Иванова, С. В. Пухов,
Е. В. Соколов, А. И. Щеглов, Н. И. Яцкин*

АННОТАЦИИ

Е. Л. Костылёва, А. В. Уткин

НЕОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА ИВАНОВСКОЕ V

Стоянка Ивановское V (Ярославская обл.) исследовалась в 1974, 1982 и 1985 гг. Было вскрыто 144 кв. м и собрано почти четыре тысячи артефактов. Типологически все найденные находки распадаются на два комплекса. Первый комплекс находок относится к верхневолжской ранненеолитической культуре. Второй комплекс артефактов датируется развитым периодом среднего неолита (льяловская культура). Функционально исследованная стоянка являлась «сезонным» поселением, которое заселялось человеком в неолите эпизодически, но многократно.

Ключевые слова: ранний и средний неолит Верхнего Поволжья, верхневолжская культура, льяловская культура, сезонная стоянка.

А. В. Степанов

БАЗАР И РЫНОК В ИСТОРИИ И СОВРЕМЕННОСТИ

Дано определение базара как товарообменной системы, противоположной рыночной. Прослежены различия между экономиками базарного и рыночного типов в ряде общественно-политических и коммерческих областей. Рассмотрены особенные черты государственного аппарата, основанного на базарной экономике. Отмечена историческая роль базара как возможного пути к рынку.

Ключевые слова: базар, рыночная экономика, демократия, бюрократия, отношения работника с работодателем, отношения бизнеса и государства, милитаризм, централизм.

В. Л. Черноперов

ЯПОНИЯ И ЯПОНЦЫ В ДОНЕСЕНИЯХ ПЕРВОГО СОВЕТСКОГО ПОЛНОМОЧНОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЯ В СТРАНЕ ВОСХОДЯЩЕГО СОЛНЦА В. Л. КОППА (по материалам Архива внешней политики Российской Федерации)

В статье, основанной на документах Архива внешней политики РФ, дается анализ образа Японии и японцев в донесениях В. Л. Коппа — первого полпреда СССР в Токио.

Ключевые слова: В. Л. Копп, Япония, японцы, Архив внешней политики РФ.

Э. В. Кромер

ПОЛИФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ МОРФОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ КАК ОСНОВА АНАЛИТИЗМА РУССКОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

Анализируются случаи проявления тенденции к аналитизму в системе русской разговорной речи, определяются причины и условия, способствующие росту этого процесса.

Ключевые слова: аналитизм, синтетизм, русская разговорная речь.

И. И. Булычёв

КАТЕГОРИЯ СОЗНАНИЯ: ИНТЕГРАЛЬНЫЙ ПОДХОД

Показано, что адекватной формой современного подхода к категории сознания выступает логический алгоритм, который предполагает изложение атрибутов (язык и мышление), основного противоречия (осознаваемое и неосознаваемое) и структуры сознания (сенсорное, семиотическое и семантическое).

Ключевые слова: алгоритм, сознание, идеальность, язык, мышление.

П. Е. Калинин

ДИНАМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОЗНАНИЯ

Рассматривается возможность применения динамико-временных понятий в процессе анализа строения и функционирования сознания. Время представляется как параметр, структурирующий динамическую реальность сознания. Обоснована возможность применения понятия времени в качестве организующего начала, посредством которого в сознании образуются всевозможные подвижные динамические феномены в соответствии с определенными закономерностями.

Ключевые слова: сознание, время, динамические структуры, социальное время, время текста.

Д. В. Куликов

ПОЗИТИВНАЯ И НЕГАТИВНАЯ ОНТОЛОГИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Описаны подходы к определению повседневности как философской категории. Рассматривается позитивная и негативная онтология повседневности как вариант субстанционального и несубстанционального понимания обыденности.

Ключевые слова: онтология, повседневность, жизненный мир, горизонт, субстанция, функция.

SUMMARIES

E. L. Kostyleva, A. V. Utkin

THE NEOLITHIC SITE IVANOVSKOE V

The site Ivanovskoe V (Yaroslavl' region) was investigated in 1974, 1982 and 1985 years. 144 sq. m. were uncovered on the territory of the ancient long-term dwellings and nearly 4 000 artefacts were collected. Typologically all the found discoveries break up into two complexes. The first complex of discoveries belongs to the early Neolithic Upper Volga culture. The second complex of artifacts is dated by the cultivated period of the Middle Neolithic (Lyalovo culture). The functionally investigated site was seasonal settlement that was inhabited by man episodically in the Neolithic but repeatedly.

Key words: the early and the Middle Neolithic Upper Volga region, Upper Volga culture, Lyalovo culture, the seasonal settlement

A. V. Stepanov

BAZAR AND MARKET IN HISTORY AND NOW

Definition of *bazar* as a commodity-exchange system opposite to a market one is given. In the article difference between *bazar*- and market-type economies is traced in a number of sociopolitical and commercial areas. Specific features of a *bazar*-based state machine are discussed. Historic role of *bazar* as a possible way to market is noticed.

Key words: bazar, market economy, democracy, bureaucracy, employer-to-employee relations, business-to-government relations, militarism, centralism.

V. L. Chernopyorov

JAPAN AND THE JAPANESE IN THE DISPATCHES OF V.L. KOPP, THE FIRST PLENIPOTENTIARY OF THE USSR IN THE COUNTRY OF THE RISING SUN (based on the materials of the Archive of the Foreign Policy of the Russian Federation)

The article is based on the documents of the Archives of the Foreign Policy of the Russian Federation. In the article there is an analysis of the image of Japan and the Japanese, based on the dispatches of Victor Kopp — First Plenipotentiary of the USSR in Tokyo.

Key words: V. L. Kopp, Japan, the Japanese, Archive of the Foreign Policy of the Russian Federation.

E. V. Kromer

POLYFUNCTIONALITY OF MORPHOLOGICAL UNITS AS THE BASIS OF ANALYTISM OF RUSSIAN INFORMAL LANGUAGE

In this article we analyze some cases, in which tendencies of analytism in the system of informal language are displayed; we also detect causes and terms promoting the development of this process.

Key words: analytism, sintetism, Russian informal language.

I. I. Bulychyov

CATEGORY OF CONSCIOUSNESS: INTEGRAL APPROACH

The author shows in the article that the appropriate form of modern approach to the category of consciousness is the logical algorithm. It implies the exposition of the attributes (language and thinking), basic contradiction (realized and unrealized) and the structure of consciousness (sensory, semiotic and semantic).

Key words: algorithm, consciousness, ideality, language, thinking.

P. E. Kalinin

DYNAMIC ASPECTS OF ACTIVITY OF CONSCIOUSNESS

In the article possibility of application of dinamiko-time concepts in the course of the analysis of a structure and consciousness functioning is considered. Time is represented as the parametre structuring a dynamic reality of consciousness. Possibility of application of concept of time as the form-building beginning in consciousness by means of which in consciousness every possible mobile dynamic phenomena according to certain laws are formed is proved.

Key words: consciousness, time, dynamic structures, social time, text time.

D. V. Kulikov

POSITIVE AND NEGATIVE ONTOLOGY OF EVERYDAYNESS

The approaches to the definition of everydayness as a philosophical category are described in the article. A positive and negative ontology of everydayness as a variant of substantial and non- substantial understanding of common-sense world are examined.

Key words: ontology, everyday life, life world, horizon, substance, function.

Сведения об авторах

- БУЛЫЧЁВ Игорь Ильич** доктор философских наук, профессор кафедры философии и социально-гуманитарных дисциплин, Ивановский государственный архитектурно-строительный университет. Тел. 8-908-561-56-61
- ДМИТРЕВСКАЯ Ирина Владимировна** доктор философских наук, профессор, Ивановская государственная сельскохозяйственная академия. E-mail: dissovets_212@mail.ru
- КАЛИНИН Павел Евгеньевич** аспирант кафедры философии, Ивановский государственный университет. E-mail: kalinin_pe@mail.ru
- КОСТЫЛЁВА Елена Леонидовна** кандидат исторических наук, доцент кафедры дореволюционной отечественной истории, Ивановский государственный университет. E-mail: elkos-ty-le-va@mail.ru
- КРОМЕР Эрна Владимировна** кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языка и методики преподавания, Ивановский государственный университет. ernakromer@yandex.ru
- КУЛИКОВ Дмитрий Валерьевич** кандидат философских наук, доцент кафедры философии, Ивановская государственная текстильная академия. E-mail: dichmail@mail.ru
- СМИРНОВ Григорий Станиславович** доктор философских наук, профессор кафедры философии, Ивановский государственный университет. E-mail: gssmirnov@mail.ru
- СТЕПАНОВ Аркадий Владимирович** кандидат исторических наук, доцент кафедры дореволюционной отечественной истории, Ивановский государственный университет. E-mail: pastenovas@mail.ru
- УТКИН Александр Витальевич** сотрудник археологического музея, Ивановский государственный университет. (4932) 32-61-88
- ЧЕРНОПЕРОВ Василий Львович** доктор исторических наук, профессор кафедры новой, новейшей истории и международных отношений, Ивановский государственный университет. (4932) 32-61-88